

SELECTA

XVII

Владимир Дегоев

Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век)

Модест Колеров
Москва, 2013

ББК 63.3 (2 Рос. Чеч) 5
УДК 94(470.661)(091)"17"
Д 26

SELECTA

серия гуманитарных исследований под редакцией М. А. Колерова

Владимир Дегоев

Д 26 Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.:

Издатель Модест Колеров, 2013. 256 с. (SELECTA. XVII)

Кавказская старина хранит много тайн. Какие-то из них — с особым усердием. Яркое подтверждение тому — Шейх-Мансур, едва ли не самый загадочный персонаж горской истории XVIII века. «Пророк, явившийся с небес» — в таком образе предстал он перед своими современниками, гипнотизируя одних, восхищая других, озадачивая третьих.

Не чураются этой вольной метафоры и серьезные исследователи, как бы признавая, что мрак неизвестности вокруг личности и деяний Шейх-Мансура так до конца и не рассеян.

Автор этой книги был бы рад приоткрыть покров таинственности, если бы существовали надежные источники, предоставляющие такую возможность. Но поскольку их нет, мы предпочли другой путь — расширить познавательные горизонты этой темы с помощью изменения ракурса взгляда на хорошо знакомые историкам документы и факты, которые заслуживают более основательного и беспристрастного допроса.

ББК 63.3 (2 Рос. Чеч) 5
УДК 94(470.661)(091)»17»

ISBN 978-5-905040-08-5

© Текст. Владимир Дегоев, 2013
© Составление серии. Модест Колеров, 2013

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Автор этой книги считает нелишним начать ее с откровенного признания. У него, как всегда, нет ни малейшего желания спорить с кем-либо и настаивать на оптической точности своего взгляда на предмет исследования. Тем более, когда речь идет об исторической фигуре, едва различимой на более чем двухвековом расстоянии, в плотном тумане мифов и легенд, образовавшемся от резкого перепада между высокой температурой наших идеологических страстей и низкой температурой наших крайне скудных позитивных знаний.

Книгами о людях, подобных Шейх-Мансуру, как их ни напиши, не угодишь никому. Его поклонники похвалят автора именно за то, что до глубины души возмутит хулителей героя, и наоборот. Но, к счастью или к несчастью, миссия историка (по крайней мере, в идеале) состоит не в угождении, а в искусстве научиться самому и научить других видеть и оценивать прошлое, максимально отрешившись, как бы трудно это ни было, от своих и чужих страстей. Ну, а на худой конец, — в умении оставить всех при их неколебимых убеждениях, лишив, однако, желания воевать за них.

Мы далеки от намерения полемизировать как с теми, кто полагает, что история Северного Кавказа бедна именами собственными, достойными славы и права на долгую память потомков, так и с теми, для кого она является пантеоном великих, богоподобных, безгрешных героев. Нет нужды разубеждать исследователей, которые пытаются исправить «несправедливость» истории, оставившей многих персонажей народных преданий, боровшихся за «свободу и независимость» против «колониально-захватнических» устремлений России, под спудом тьмы и безвестности.

Однако какими бы мифотворческими ни выглядели попытки искусственно увеличить естественный исторический масштаб той или иной личности или события, к которому она причастна, в них есть и своеобразное

конструктивное начало. Нынешние баснописцы от истории, предпочитающие научным методам исследования сказительские приемы, невольно заставляют задуматься, по крайней мере, над одним вопросом: а не в том ли и заключается, в конечном счете, высшая справедливость, что о каждом своем персонаже история оставляет ровно такое количество документального материала, которое он заслуживает?

Этот и многие другие вопросы, а также сомнения в возможности найти на них точные ответы, стали для меня главным источником желания написать о Шейх-Мансуре — одном из наиболее таинственных героев кавказской старины, продолжающем и сегодня, в начале XXI века, будоражить страсти, мысли, фантазию.

Автор абсолютно осознанно отказался от традиционного структурного атрибута большинства научных произведений — постановки проблемы, позволив себе уйти в область более или менее свободного размышления над вопросами, которые с помощью других способов, как показывает историографический опыт, решаются в пользу того или иного идеологического клише или мифа. Именно с постановки мифа (что упорно именуется «постановкой проблемы») начинаются практически все современные работы о Шейх-Мансуре. Следовать такому подходу — априорно обрекать себя на бесконечное вращение в порочном круге воображаемого и недоказуемого. И заведомо лишаться возможности перейти на другую орбиту познания, где, возможно, окажется больше шансов приблизиться к тому очень условному образу прошлого, в котором Леопольд фон Ранке, быть может, слишком самонадеянно, пытался разглядеть «подлинную историческую реальность».

Эта книга не только о Шейх-Мансуре, но и о его времени, о ярких людях и запутанных обстоятельствах, в которых они действовали, считая свои помыслы и цели достойными. Шейх-Мансур не мог появиться из ниоткуда (хотя такое впечатление иногда возникает) и существовать в социальном вакууме. Его создала конкретная историческая эпоха и глубоко специфическая культурная среда. Именно они раскрыли его таланты, пусть и с гораздо большей степенью недосказанности, чем нам бы хотелось. И именно поэтому контекст времени, при наличии умения проникнуться им, открывает возможности для изучения личности и деяний Шейх-Мансура.

* * *

В период правления Екатерины II Российская империя решала фундаментальную геополитическую проблему не просто «прорубки окна» в Черное море, а обеспечения максимально широкой линии соприкосновения с этим важнейшим стратегическим и торгово-экономическим пространством, представлявшим уникальную транспортную магистраль мирового значения.

Эта задача, системная и многопрофильная по своей геополитической сути, логически требовала укрепления позиций России на восточном фланге Черного моря, то есть на Северном Кавказе. Однако этому региону принадлежала отнюдь не только страховочная, тыловая функция. Он, вне сомнения, имел самостоятельное значение в качестве связующего звена между двумя морями по линии восток — запад и между Россией и мусульманскими империями (Турцией и Персией) по линии север — юг.

Кроме того, регион обладал крупным демографическим и экономическим потенциалом, хотя, с точки зрения цивилизационной (социальная организация, политическое устройство, культурно-ментальные особенности, конфессионально-культурные предпочтения, языковые системы и т. д.), представлял собой мозаичную и крайне проблемную территорию для освоения.

Владение черноморско-каспийским перешейком являлось для России императивом безопасности и развития, а не прихотью ее правителей, тупо повторяющейся от века к веку, от царствования к царствованию, не известно для чего. Этот императив магистральной линией прорезает весь массив истории Южной России.

Те знаменитые люди, независимо от их веры и племени, которые либо помогали, либо противились расширению Московского государства, а затем империи, образуют необъятную и единую для изучения сюжетно-историческую среду, несмотря на то, что они стояли по разные стороны «линии фронта». Эта линия находилась внутри пространства, именуемого рядом современных исследователей «фронтиром».

Вопрос об этом самом «фронтире», его сути, времени формирования, внутреннем содержании, размерах, колебательных контурах, быть может, содержит ключ к постижению всей истории русско-кавказских отношений. Работы здесь для ученых — непочатый край. Всех результатов ее не предвосхитишь. Но даже самые предварительные (требующие еще проверки и перепроверки) итоги доказывают, что жизнь людей внутри этого «вавилонского» пространства была необыкновенно разнолика и феноменальна.

Гениальным русским художникам А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Л. Н. Толстому достаточно было первого живого контакта с этой феноменальностью, чтобы понять и восхититься ею. Нет, не горской войною и тем, что ей сопутствовало, как любой войне, а «странностью» этой войны, в которой слишком многое было нетипичного для «этого наипротивнейшего человеческому существу состояния», включая ситуации, когда в бою трудно было отличить своего от чужого даже по внешнему виду. Русские офицеры и даже генералы любили щеголять в черкесках, которые порой спасали от вражеской пули, зато делали мишенью для только что приехавших

из России новобранцев, еще не успевших познакомиться со странной местной «модой».

Своим особым внутренним взглядом классики русской литературы видели, что на Кавказе происходит нечто грандиозное, необычное. Здесь и война не похожа на войну. Империя здесь не только и не столько разрушает, сколько строит, примиряет, посредничает, объединяет. Вообще говоря, закладывает основы новой жизни, другого порядка.

То, что писатели улавливают своей душой, чувствами, пророческим даром, ученым историкам приходится исследовать другими инструментами. Но, по большому счету, предмет изучения у них один — все тот же фронтир, бескрайнее поле войны и мира, мести и прощения, ненависти и дружбы, недоверия и добрососедства. С одной стороны, поле, расчерченное линиями грабительских набегов или ответных боевых экспедиций. С другой — испещренное нитями приязни, взаимопроникновения, тяготения к великой державе и ее культуре, нитями, которых не найдешь ни на одной военнотопографической карте. В этом многоцветном и пульсирующем мире образ врага зачастую утрачивал свои классические формы, превращаясь в объект, вызывавший смешанные чувства и провоцировавший тягу к взаимопознанию и взаимоподражанию.

С XVI века русско-кавказский фронтир жил своей жизнью со всплесками и затишьями, обусловленными как общей военно-стратегической ситуацией внутри треугольника «Россия — Турция — Персия», так и местными, горскими усобицами.

* * *

При Екатерине II возникли и объективные, и субъективные условия для активизации Российской империи на южном направлении. Эта эпоха была наполнена историческими событиями огромного значения: две русско-турецкие войны, в результате которых османы отказались от претензий на Центральный Кавказ; присоединение к России Крымского ханства с Правобережной Кубанью; установление российского протектората над Восточной Грузией; учреждение Кавказского наместничества и др.

Историческая среда с такой событийной плотностью создает очень благоприятные предпосылки для появления, точнее — для выявления незаурядных личностей, героев своего времени, которые в иной, более спокойной ситуации, возможно, так и остались бы неизвестными.

Шейх-Мансур не остался...

Мы честно постараемся выяснить: почему? «Честность», в данном случае, нечто большее, чем профессиональная добросовестная работа с исторической информацией, к которой обязывает «клятва Геродота». Речь идет о пре-

одолении труднопреодолимого искушения судить и осуждать, хвалить или хулить, любить или ненавидеть, героизировать или умалять там, где нужно учиться думать и понимать, унимая гнев и пристрастие, находя в себе мужество трезво взглянуть на милые сердцу лестные предания старины.

Порой это невероятно мучительное усилие над собой, к которому не каждый готов: человек все же не компьютер, а история — не физика или математика. Впрочем, в принципе легко можно обойтись и без такого самопринуждения. Ничего в мировой истории от этого не изменится. За исключением одного пустяка: мы просто не будем знать того, что когда-нибудь нам, авось, да пригодится.

Глава 1

«ИМ БОГ – СВОБОДА, ИХ ЗАКОН – ВОЙНА»

Социально-историческая организация чеченского этноса представляет огромный интерес для исследователей традиционного общества. Чеченцы, безусловно похожие своим общественным бытом на другие народы Северного Кавказа, были во многом неповторимы и зачастую предельны в формах проявления *горского типичного*.

Знаменитая строфа М. Ю. Лермонтова «им бог — свобода, их закон — война» дает колоритный образ, применимый ко всему северокавказскому социально-культурному пространству XVIII века. Но поэтической метафорой нельзя заменить научное описание мозаичной картины горского мира, в котором народы сохраняли свои особенные, в чем-то совершенно уникальные черты.

Возможно, поэтому при наличии богатейшего документального материала создание такой картины представляет большую проблему. И тут нет ничего удивительного. Речь ведь идет не о собирании подробной коллекции этнографических экспонатов, а о целостном, системном анализе культурно-цивилизационных основ горской жизни, который очень трудно произвести бесстрастно, освободившись от высоких соображений политкорректности, от комплексов величия или тайного чувства ущербности, от исторических обид и многих других привходящих «ненаучных» факторов.

* * *

Многочисленные чеченские аулы-общины, приютившиеся в горах, предгорьях и на равнине вдоль полутора десятков южных притоков Сунжи, жили своей размеренной и неизменной жизнью в течение многих веков в условиях патриархально-родовой организации. В этом обществе не было ни развитой социальной структуры, ни политического единства, олицетворяемого

фигурой вождя, жреца или военного предводителя. «Русскому начальству на (Кавказской. — В. Д.) линии, — писал В. А. Потто, — приходилось вступать в сношения не с целым народом или его представителем, а с каждым почти большим селением отдельно». Неотъемлемую часть общественного быта составляли межклановая вражда и соперничество, отягощавшиеся законом кровной мести.

Однако это не означало отсутствие всякого порядка и торжество первобытного хаоса войны всех против всех. Те же самые фамилии, которые участвовали в жестоких междоусобицах, вольно или невольно стремились ввести их в рамки каких-то правил. Неким регулятором общественных отношений выступал стихийно складывавшийся баланс между противоборствующими сторонами. Чтобы защититься от могущественных кланов, более мелкие объединялись в союзы, ограничивавшие произвол силы и ее «гегемонистские» притязания.

Наличие этого, пусть и хрупкого, равновесия позволяло повесить роль другого, «надстроечного» регулятивного инструмента в виде обычного права — адата. Он, впрочем, работал не очень хорошо, и тем хуже, чем меньше он подкреплялся реальной силой — в то (да и не только в то) время единственной гарантией соблюдения «законности».

В борьбе чеченских фамилий друг с другом незримо присутствовал и усиливался потестарный, протополитический компонент, поскольку конечной целью этой борьбы постепенно становились такие ценности, как авторитет и влияние на соплеменников. Если правы этнологи, считающие данный процесс проявлением политогенеза общества, то происходил он чрезвычайно медленно и измерялся столетиями. Эволюционное, то есть инертное, начало в нем безусловно доминировало над любыми искусственными факторами в виде, скажем, попыток ускорить естественный ход истории или произвести над ней революционное насилие. К таким принудительным реформам «извне» относились первые опыты внедрения шариата, которым чеченское общество, культура, ментальность оказывали долгое и упорное сопротивление.

Парадоксальным в этом общественно-культурном организме представляется полный диссонанс между его колоссальной пассионарной энергией и «общенациональной» цивилизационной задачей, на которую вся эта мощь работала, — консервация патриархального покоя и неподвижности. Внешне невероятно динамичная жизнь, наполненная междоусобными войнами и грабительскими набегами, не ускоряла течение исторического времени, а останавливала его.

Собственной княжеской знати у чеченцев не было. Эту социальную лакуну они неоднократно пытались заполнить путем приглашения «варягов» — либо князей Малой Кабарды, либо северо-дагестанских (кумыкских

и аварских) владетелей. Но все эти попытки в конце концов заканчивались изгнанием пришлой знати. Чеченцам глубоко претила сама идея подчинения, и они были не в силах избавиться от такого неприятия, даже понимая, сколь это нерационально и рискованно с точки зрения общих интересов, интересов безопасности и выживания социума.

В социальном быту поселений, хорошо защищенных природным ландшафтом, доля военного дела (грабительские рейды на равнину) была значительно больше, чем у тех, кто располагался на открытой и уязвимой местности. Приверженностью к этим занятиям особенно славились горные аулы Атаги и Алды.

Набеги и междоусобицы выработали у чеченцев (как и у других горцев) специфические навыки ведения боевых действий в условиях сложного и разнородного ландшафта, которые с определенными оговорками можно назвать искусством. Это искусство, впрочем, ничего бы не стоило без героического духа, непреклонной отваги, нечеловеческой выносливости. К этому добавлялось еще и самопожертвование, когда приходилось, по законам войны и прихотям судьбы, превращаться из нападающих в обороняющихся и защищать свою общину, свой очаг, своих близких.

Русских авторов, писавших о северокавказских горцах XVIII века не иначе как о «хищниках», «ворах», «злодеях», нельзя упрекать в том, что во многих из них не было той холодной любознательности, которая позволяла бы подняться на уровень беспристрастного историко-социологического взгляда на вещи. Образ жизни горцев со стороны казался беспросветной дикостью. А со стороны тех, кто оказывался его непосредственной жертвой, — еще и преступлением, требующим примерного наказания.

Между тем на все, что делал горец, у него имелась самая высокая моральная санкция. Эту санкцию предоставлял ему обычай предков, диктовавший правила социализации молодого поколения, определявший нормы поведения, дававший тем или иным деяниям их точные имена. По одну сторону от четко прочерченной линии между добром и злом находились такие понятия, как «доблесть», «слава», «добродетель», по другую — господствовала такая собирательная категория, как «преступление» во всех его разновидностях. Для членов общины (или союза кровнородственных общин) этот кодекс имел священный статус, и им не было никакого дела до того, как их разбойничьи подвиги воспринимаются извне. В XVIII веке, да и много позже, пытаться словами объяснить чеченцу, отправляющемуся, следуя обычаям старины, в набег, что этим он совершает преступление по отношению к своим будущим жертвам, значило зря терять время.

Военный образ жизни в той или иной степени вели все северокавказские этносы. Он далеко не исчерпывался промысловыми набегами, которые были

лишь его частью, даже не всегда главной. Зачастую все силы общества тратились на другие цели — защита от большого нашествия, междоусобицы, участие в борьбе за ханскую (то есть политическую) власть или против нее, в коалиционных войнах между мелкими кавказскими правителями, нанимавшими горцев для решения своих задач. Северный Кавказ издавна был огромным рекрутским ресурсом, готовым предоставить себя к услугам платежеспособных клиентов, в том числе крупных (Персия, Турция, Крымское ханство).

Крайне спорен вопрос об экономической роли горской набеговой системы. Считать ли ее своеобразной формой хозяйственной деятельности, порожденной суровой необходимостью выживания в тяжелых природных условиях и искусственного доразщивания совокупного общественного продукта до уровня, обеспечивающего воспроизводство социума? Или это военно-социальный институт, не имевший рационально-экономического оправдания, а представлявший собой некую разновидность явления, получившего в современной этнологии название «престижная экономика»?¹ В каком соотношении находились материальные и моральные мотивы набегов? Насколько тесно были они соединены?²

Ответы на эти вопросы еще долго будут разными, в том числе диаметрально противоположными. Но как бы они ни расходились, стоит все-таки задуматься над степенью научной состоятельности или, если угодно, над степенью вульгарности идеи о набеговой добыче как об источнике «первоначального феодального накопления» в виде собственности, как о некоем базисе, на котором возводилась надстройка новых, классовых общественных отношений. (Автор данных строк когда-то сам придерживался этой идеи, не скрывая, впрочем, сомнений в ее безальтернативности.)

Первый аргумент против этого концепта, приходящий на ум, основан на простом «эмпирическом» наблюдении. Патриархальные дополитические общества занимались набегами на протяжении многих веков, однако привозимая добыча, какой бы богатой она ни была, ни в малейшей степени не влияла на социально-хозяйственный строй, темпы цивилизационной эволюции. Более того, возникает подозрение, что набеговая система не только не колебала устои жизни, но и укрепляла их, замораживала во времени и пространстве.

¹ Суть ее заключается в том, что удачливые участники набегов с помощью заведенных ритуалов (чаще всего пиршеств) раздают добычу членам общины. Таким путем вожди морально укрепляют свой предводительский статус, а молодые джигиты заявляют о своем совершеннолети, праве на уважение в обществе, на репутацию «героя», лучшего жениха и т. д.

² В какой-то степени это — вечные вопросы, касающиеся любой войны, где слава и трофеи являются ее частью и продолжением друг друга. Есть поэтому прямой смысл профессионально обсуждать все аспекты феномена «трофейной экономики» применительно ко всем войнам человечества.

Набеги требовали надежной и не самой простой кавалерийской экипировки, включавшей не только оружие. Все это производили ремесленники (кузнецы, оружейники, шорники, седельщики, бурочники, кожевники, сапожники), которыми особенно славился Дагестан. Были они и в Чечне, в частности в ауле Атаги, известном своими первоклассными мастерами по выделке сабель, кинжалов, ружей, пистолетов и других изделий.

Ремесленное производство обслуживало отнюдь не только набеговое дело, но и традиционную, мирную экономику общества — скотоводство, земледелие, обработку сельскохозяйственного сырья, приготовление пищи, домостроительство, домообустройство и т. д.

Доля «набеговой экономики» (если ее можно назвать так) и занятого в ней населения различалась от этноса к этносу, от племени к племени, от аула к аулу. Но нигде она не составляла фундаментальную основу хозяйственной жизни людей. По одной причине: ставить проблему демографического воспроизводства общества, еще проще — судьбу народа, в зависимость от такого крайне рискованного и «малорентабельного» занятия было равносильно массовому самоубийству.

Видеть в набеговой системе главную особенность социально-хозяйственного строя горцев — такая же абсурдная крайность, как и идея о том, что набеги, если и имели место, то лишь в качестве формы выражения междоусобной вражды, справедливой мести или, еще мудренее, «антифеодалного», «антиколониального», «национально-освободительного» протеста. Многие историки совершенно теряют чувство меры в своих гневно-праведных чувствах, когда они встречают слово «набег», предваренное эпитетами «грабительский», «разбойнический», «воровской», считая это чуть ли не святотатством.

Между тем это абсолютно точные определения для подавляющего большинства не поддающихся исчислению горских набегов. И никакие политкорректные соображения, министерские декреты или «новые образовательные стандарты» не в состоянии изменить данную историческую реальность. Изучать прошлое, выхолостив из него то, что якобы оскорбляет национальную гордость северокавказских народов, так же бесполезно, как и заполнить историю мифами, приятно ласкающими слух соответственно настроенной публики.

* * *

При всей склонности к набеговому промыслу, объединяла чеченские общины вовсе не она и даже не временные военные предводители, способные (а таких было немало) поставить это ремесло на широкую ногу, а стойкое нежелание подчиняться любой организованной власти, не считая такие

ее низшие формы, как народное собрание, точнее — народные собрания, ни одно из которых никогда не имело статуса «всечеченского» института.

Историко-этнографический материал, собранный русскими и европейскими учеными XVIII–XIX веков, дал начало идее (ставшей едва ли не хрестоматийной) о том, что чеченец обладал врожденным, почти ничем не ограниченным инстинктом личной свободы. Физическая сила и выносливость, наличие оружия и военных навыков, способность постоять за себя и близких, умение становиться добытчиком для своей семьи в случае необходимости — все это якобы расширяло пространство его свободы до масштабов, недоступных и непозволительных человеку как социальному существу, живущему в более или менее организованном обществе себе подобных.

Эта идея нашла отражение в том отчасти романтизированном, отчасти брутализированном образе чеченца (и горца вообще), который, благодаря произведениям классиков русской литературы, определил устойчивые стереотипы восприятия северокавказской «экзотики». В этих стереотипах далеко не все безнадежно ошибочно и далеко не все безупречно верно. Одно дело — восхищаться гениальными творениями А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, построенными по законам художественного видения, и другое — исследовать особенности исторического бытия народов с помощью научного инструментария, назначение которого — не конструировать поэтические образы, а реконструировать грубую реальность прошлого.

Социально-культурная система чеченцев, несмотря на то что ее изучают свыше двух столетий, остается во многих своих компонентах непроницаемой и малопонятной материей. В ней не видно той сущностной, типологической однозначности, которую ей искусственно навязывают сторонники наведения строгого научно-категориального порядка во всем и вся.

Как ни странно, картину запутывают сами историко-этнографические источники, включая те, что справедливо считаются весьма репрезентативными и надежными. Запутывают и смущают своей разноречивостью, особенно ученых, приверженных такой логике: если текст источника в одном месте свидетельствует об одном, а в другом — о прямо противоположном, то, значит, где-то ошибка или неправда, и нужно искать — где именно.

Между тем тут нет ни ошибки, ни неправды. А есть противоречивая, разношерстная, узловатая ткань социального бытия определенного архаического типа. Она — не элемент из «периодической системы» истории человечества, наделенный определенными статичными свойствами. Это сама жизнь народа со всем ее внутренним, сложнейшим, во многом неповторимым содержанием. Ее можно умозрительно восстановить и подробно описать с большей или меньшей степенью достоверности. Но эта достоверность будет тем сомнительнее, чем тверже мы вознамеримся настаивать

на принципиальной возможности четкого соотнесения общественного строя чеченцев в XVIII веке с некими «классическими» образцами, за которыми закрепились «классические» наименования: «первобытное общество», «патриархально-родовые отношения», «рабовладение», «феодализм» и т. д.

От всех этих или подобных понятий ученые, скорее всего, не откажутся никогда, хотя бы потому, что сугубо языковые, лексические средства для определения конкретных исторических стадий в развитии общества весьма ограничены, если уже не исчерпаны. Вопрос не в том, насколько они семантически приемлемы и удобны в принципе (вполне даже приемлемы и удобны), а в том, какую меру условности, абстракции, вариативности, или, напротив, конкретности, категоричности, однозначности мы подразумеваем в этих понятиях, которые сами по себе, без соответствующего смыслового наполнения, ни о чем не говорят.

* * *

Многочисленные попытки создания социально-культурного портрета чеченского общества, предпринимавшиеся исследователями, страдали разными методологическими, да и просто логическими изъянами. Но все они, так или иначе, проистекают из главной, фундаментальной, системной ошибки, провоцирующей бесплодные споры.

Люди, изучавшие чеченский общинный мир XVIII века, всегда смотрели на него из другой культуры и из другого времени. Эти два обстоятельства порождали глубокие понятийные недоразумения. Русским и европейским исследователям, даже когда они находились на одной хронологической отметке с объектами своего наблюдения (чеченцами), крайне трудно было постичь то, что им казалось «дремучим варварством». Не легче давалось такое понимание ученым, изучавшим эту «первобытную» субстанцию, к примеру, сто или двести лет спустя.

Несмотря на успехи гуманитарных наук, накопленные за это время, проблема овладения позитивными знаниями о тогдашней Чечне остается весьма острой. Осложняют ее, помимо трудностей познавательного процесса как такового, еще и политико-идеологические доминанты. Они не только уводят от сути дела и без того дезориентированное общественное сознание, но и зачастую порождают деквалификацию ученых, перенаправляя их профессиональные способности, навыки, усилия в тупиковое русло национально-патриотического мифотворчества.

В истории изучения внутренней жизни чеченцев особое место принадлежало и принадлежит определенным словам — словам-знакам, якобы многое объясняющим: «любовь к свободе и к родному очагу», «ненависть к несправедливости», «стремление к независимости», «борьба против угнетения

и угнетателей» и т. д. Некоторые исследователи не прочь даже тонко намекнуть на то, что другие кавказские горцы, не говоря уже о некавказских этносах, обладают этими «уникальными» чертами в гораздо меньшей степени.

Оставляя в стороне доморожденные «индексы свободолюбия народов», обратимся к более важным вещам. «Свобода» — одна из сложнейших философских, ценностных, социальных категорий с очень разными смыслами и семантическими подтекстами. Споры о том, что это такое, идут с Античности и, в качестве интеллектуального дискурса, несущего на себе печать той или иной культурно-цивилизационной среды и эпохи, не закончатся никогда.

В XVIII веке у чеченцев были свои представления о свободе, характерные для тогдашних социально-исторических условий. Им и в голову не пришло бы задумываться над этим определением, как и над тем, зачем нужен или сколько стоит воздух, которым дышишь. Но если бы вдруг чеченцу задали вопрос — что есть для него «свобода», то суть ответа, вероятно, была бы такой: возможность жить так, как он живет, следуя заветам предков. Подобный способ бытия считался настолько естественным, что не подлежал каким-либо сомнениям или рефлексиям.

До поры до времени свобода, по причине избыточного ее количества, а точнее из-за наличия субъективного ощущения ее необъятности, не осознавалась чеченцем как ценность, поскольку обыденное сознание просто не замечало того, чего слишком много. Осознание свободы, идея свободы, вкус к свободе могли прийти только через ранее неведомое человеку ощущение ее недостатка. Чеченец начинал ценить свободу тогда, когда жизнь принуждала его к пониманию, что свобода не есть нечто изначально и навечно данное и может быть вполне даже отчуждаемой ценностью.

Отнюдь не праздный вопрос заключается в том, что именно сам горец субъективно воспринимал как дефицит личной свободы (в отличие, скажем, от цивилизованного европейца конца XVIII века). Он ведь, по большому счету, жил в жестко регламентированной общинной среде, подчиняясь священным законам, традициям, ритуалам, запретам. Эти социально-культурные нормы обладали почти диктаторской властью над сознанием и волей чеченца. Свободы здесь не было и в помине. Но от ее отсутствия чеченец насколько не страдал и никогда не подумал бы назвать это несвободой, чтобы восстать против нее. А вот на защиту диктатуры обычая он поднялся бы не раздумывая.

Чеченец был ограничен и внешними факторами. Стоило ему, отправляясь в набег или по каким-то иным нуждам, покинуть пределы своего аула-общины, он тут же оказывался перед лицом многих опасностей. Чеченец был морально всегда готов к естественной перспективе гибели — участники

набега зачастую наталкивались на жестокий отпор и возвращались домой на щите.

Случалось и похуже. Охотник за добычей иной раз сам превращался в добычу, в пленника, а значит, в раба, приговоренного к самой печальной в горах участи — служить рабочим инвентарем. Реализуя свое природно-исконное право на полную свободу действий вне общины, чеченец подвергался риску вообще не вернуться в родной дом, поскольку на его пути мог встретиться другой вольный горец, тоже готовый ружьем и кинжалом отстаивать свое право вести себя так, как он хочет.

Одним словом, встреча в чистом поле двух «свободолюбивых» людей заканчивалась для кого-то из них прискорбно — либо смертью, либо пленом.

Лишившийся свободы получал уже постфактум самое что ни на есть осязаемое представление о ней. Рабский труд от зари до зари и грязный зиндан на отшибе какого-нибудь поднебесного аула были яркими контрсимволами утраченного и лишь теперь обретшего свою подлинную цену.

Перспектива попасть в такую ситуацию являлась во многом справедливой платой за необузданное «свободолюбие», превращавшееся в фундаментальное «неудобство» жизни, когда опытным путем выяснялось, что свобода одних заканчивается на границе свободы других, нарушение которой стоит дорого, особенно для тех, чье «свободолюбие» не знакомо с чувством меры.

Свобода переставала быть единой, неделимой, всеобщей благодатью — благодатью, ничего не стоившей, как вода в реке или ветер в ущельях, и поэтому никем не замечаемой. Пространство свободы могло сохраняться и расширяться только за счет кого-то и в ущерб кому-то. Избежать участи стать этим «кем-то», оставив ее на долю другому, — вот квинтэссенция реальной, а не эстетизированной горской свободы. Со второй половины XVIII века именно с такой версией свободы чеченцам приходилось иметь дело все чаще.

Это неприятное откровение вызывало недоумение, растерянность, внутренний протест. Они усиливались по мере появления новых обстоятельств (прежде всего русской пограничной линии), стеснявших чеченца в том, что он привык делать или не делать испокон веков. Нетерпимость к этим ограничениям, соединенную с желанием избавиться от них, принято было считать «любовью к свободе».

* * *

Прославлением горского «свободолюбия» увлеченно занимались и русские, и западноевропейские авторы. И чем дальше они находились от объектов своего тайного и явного преклонения, тем восторженнее ими любовались. При более близком знакомстве не с возвышенно-книжными образами,

а с реальными обычаями и нравами горцев, восторги уступали место либо страху и разочарованию, либо трезвому исследовательскому взгляду и попыткам постичь совершенно иную социально-культурную материю.

С течением времени в российском и европейском дискурсе, посвященном северокавказским этносам, рядом со словом «свобода» стали употребляться такие понятия, как «демократия», «республика». С одной стороны, это делалось в поисках социологически корректного описания особенностей внутреннего строя горского общества, основанного на равенстве всех его членов. С другой стороны, историки и этнологи в принципе понимали, что первобытной природе этого равенства должен соответствовать какой-то особый тип демократии — вовсе не той, что в разных модификациях существовала в Европе XVIII–XIX веков. (Фридрих Энгельс называл эту патриархально-клановую демократию «военной».)

Среди серьезных исследователей едва ли найдутся те, кто отважится употреблять эти термины в их точном значении, не подчеркнув их условный характер применительно к тогдашней северокавказской действительности. Скорее всего, они поступят так, как это сделал один русский этнограф, сравнивший Чечню с неким *«подобием»* (курсив мой. — В. Д.) федерально-демократической республики.

Между тем эта «федерально-демократическая республика» наводила страх и трепет на своих соседей. Даже кабардинские и дагестанские феодалы побаивались чеченцев и старались, по крайней мере, не ссориться с ними, а то и просто подкупать, чтобы застраховаться от набегов.

Далеко не всегда это приносило эффект: слишком уж много набиралось тех, кто требовал щедрых отступных за свой отказ от вредных исторических привычек. Во всяком случае, на пространстве между реками Сунжа и Аксай, условно именовавшемся «Чечней», никакого покоя не было.

С развитием процесса изучения истории Кавказа в XIX–XX веках, при сопутствующем усилении вненаучных, в том числе мифологических, тенденций, термины чеченская (горская) «свобода», «равенство», «демократия» стали наполняться политико-идеологическими смыслами.

Определенным общественным силам в России, а тем более в Европе, по определенным соображениям (сразу скажем, не имеющим никакого отношения к научной методологии) стало выгодно противопоставлять горскую «вольницу» «царской самодержавно-крепостнической деспотии», «душительнице свобод» в России и Европе. Любые волнения, любой всплеск набегово-грабительской активности горцев на Кавказе безоговорочно именовались «национально-освободительной борьбой против колониально-захватнической политики» (и т. д.). И тотчас попадали в категорию «прогрессивных» явлений, разрушавших основы «отжившего реакционного режима».

С научно-гуманитарной точки зрения, это был абсолютно бесплодный концепт, умозрительно сконструированный под совершенно конкретные, идеологически-ангажированные цели. Но с наступлением в России долгого исторического цикла (1861–1917) реформ, отрицания и разрушения такое видение особенностей горской социальной энергии и горского характера пришлось по душе многим представителям радикальных политических течений. Благодаря усилиям этих интеллектуально одаренных с блестящими публицистическо-полемическими способностями людей, российское массовое сознание приняло на веру, как нечто естественное, миф о том, что кавказские горцы в силу своего врожденного свободолюбия и демократизма поднялись на борьбу против органически претившей им «царской тирании».

Российские мыслители революционно-демократического и разночинского толка не давали ни себе, ни своим читателям и поклонникам труда задуматься над тем, каким образом горское общество глубоко патриархальной культуры, проникнутое мощной потенциалом сопротивления любым реформам, могло иметь какую-то причастность к тем системным модернизационно-преобразовательным задачам, которые ставили перед собой, кстати говоря, не только русские оппозиционеры-нигилисты всех расцветок, но и официальная, то есть «самодержавно-реакционная», власть.

«Национально-освободительная» концепция, в силу своей простоты, внешней логичности и, так сказать, прецедентности (воевали же, к примеру, алжирцы против французов, а индейцы против американцев) стала проникать из политики в историографию, находить там своих адептов и приобретать некую научную респектабельность. Кавказская война, как оформившееся явление, многими историками XIX века рассматривалась именно так. Причины ее связывали с «жестокой», «захватнической» политикой России, на которую последовала справедливая реакция сопротивления, получившая идеологическую и организационную завершенность в мюридистском учении и практике.

Мало кто пытался связывать истоки Кавказской войны с особенностями социальной организации горцев, с их культурно-поведенческими кодами и психологией, со сложнейшей системой взаимоотношений между язычеством и исламом, иначе говоря — с горской цивилизацией (в самом широком значении слова), сложившейся в очень специфической среде обитания. Эта специфика обуславливалась не только природно-географическими факторами, но и политическими: патриархально-родовые общины и союзы общин соседствовали с более высокоорганизованными обществами — ханствами и всеми его аналогами (шамхальство, уцмийство, майсумство и т. д.), царствами, княжествами, не говоря уже о крупных государствах (Россия, Иран, Турция, Крымское ханство).

Конечно, было бы абсолютно несправедливо предать забвению тех русских ученых, которые профессиональным чутьем и каким-то внутренним наитием угадывали наличие причинно-следственной связи между вековым укладом жизни горцев и происхождением Кавказской войны. Но доработать эту догадку до концептуального вида им почему-то не удалось. Возможно, потому, что событийная картина войны была настолько необъятна и впечатляюща, что поглощала все силы и внимание исследователей, невольно отодвигая предысторию, а значит, задачу углубления в суть вещей, на задний план.

Во всяком случае, у нас нет другого объяснения тому факту, что изучение фактографии войны шло в отрыве от ее фундаментальных предпосылок, которые отнюдь не исчерпывались ни фактором присутствия России, ни таким излюбленным занятием горцев, как набеги.

В советское время исследование этой проблемы получило новое направление — вульгарно-социологическое, с точки зрения теории, и малоперспективное, с точки зрения исторической науки вообще. Под влиянием жестких официально-идеологических установок Кавказская война рассматривалась не только как «национально-освободительное движение против царизма», но и как проявление классовой, антифеодальной борьбы, протекавшей под религиозными лозунгами мюридизма и газавата, которые историки, в зависимости от перепадов идеологической конъюнктуры в СССР, именовали то «прогрессивными», то «реакционными».

Даже в сегодняшнее время, несмотря на предпринятые исследователями более или менее удачные попытки ввести проблему Кавказской войны в русло сугубо научного изучения, она по-прежнему вращается в порочном кругу выяснения степени исторической вины России за пролитую кровь. Излишне говорить, что тех, кто спустя два века после войны переводит вопрос в такую плоскость и наделяет его остро злободневным смыслом, интересует не научная суть дела, а возможность, спекулируя на современном международном праве, выставить России компенсационный иск и получить соответствующие материальные и политические дивиденды в качестве «прямых наследников жертв геноцида».

Глава 2

ИМПЕРИЯ И ЧЕЧНЯ: ФАКТОРЫ НЕСОВМЕСТИМОСТИ

Во второй половине XVIII века на терско-кубанском рубеже росло число русских крепостей, городов и станиц. Все эти типы поселений имели зажиточные хозяйства, которые чеченцы не могли оставить своим вниманием. К лихим рейдам на русскую границу, по крайней мере изначально, толкала не энергия ненависти, вражды или мести, и не высокая мотивация в виде защиты родного аула от «захватчиков» и «колониальных угнетателей» (никто еще никого не «захватывал», а колониального гнета на Северном Кавказе никогда и в помине не было).

Единственной целью являлась добыча. Она служила как бы всеобщим эквивалентом, которым измерялась мужская зрелость горца, его смелость, боевая сноровка и смекалка, степень полезности для общества и степень уважения к его вековым обычаям, авторитет. Она давала чеченцу материальные и моральные стимулы к существованию, наполняла жизнь смыслообразующим началом. И с этой точки зрения, стремление к добыче представляло собой нечто большее, чем простое промысловое занятие. Чеченец привозил из набегов не столько добычу как средство пропитания, сколько символы своей социальной значимости, овеществленную славу.

А если посмотреть на ситуацию шире, то получается, что набеговая практика была важной сферой реализации неотъемлемого права чеченца на свободу, как он ее понимал в тех исторических обстоятельствах. А понимал он ее как естественное право идти в своих желаниях как можно дальше, до тех пор, пока в череде препятствий, встречающихся на пути, не возникнет такое, которое превзойдет все предыдущие и заставит либо искать более мощные средства преодоления, либо остановиться. Именно в этой «концепции свободы» были имманентно заложены истоки системного конфликта чеченцев (и других горцев) с внешним миром.

Подобная «философия» совершенно не устраивала российские власти. Им пришлось убедиться, что присяга двух чеченских аулов на верность России, принятая в 1781 году, совершенно не гарантирует порядка и безопасности, на которые надеялись в Петербурге. В русской столице только начали догадываться, с какой сложной и неизведанной материей придется иметь дело на северокавказской периферии Российской империи.

Непонимания действительно хватало, и подпитывали его не только объективные обстоятельства непреодолимой силы, но и субъективные заблуждения. У Екатерины II, мыслившей крупными геополитическими категориями, не было ни времени, ни особого желания глубоко и профессионально вникать в запутанные чеченские (и вообще северокавказские) дела. Для этого, в конце концов, существовал центральный правительственный штат и его филиалы на местах — Астрахань, Кизляр, Моздок и др.

Екатерина II осознавала, что Чечня — это социально-культурная субстанция, бесконечно далекая от всего, что свойственно европейской цивилизации. Императрица обладала достаточно реалистичным складом ума, чтобы не настаивать на срочных преобразованиях на недавно приобретенных территориях. При этом, однако, ей нужен был там хотя бы элементарный порядок. В любой императорской власти органично заложено стремление к защите от анархии и хаоса. Не могла и Екатерина II спокойно воспринимать сообщения о непрекращающихся чеченских разбоях и междоусобицах.

Но взять курс на умиротворение этого региона оказалось гораздо проще, чем воплотить его в осязаемые результаты. Выполняя стратегическую установку Екатерины II, российская администрация, на первый взгляд, действовала весьма логично. Она начала с попытки найти рычаги управления разрозненными чеченскими общинами путем усиления в них элементов политической организации, которые, кстати сказать, были знакомы чеченцам и раньше, но так и не прижились.

Суть затеи состояла в возвращении этих общин под власть северодагестанских (кумыкских) владетелей. Одна часть чеченцев согласилась признать эту власть. В междуречье Сунжи и Терека им были предоставлены земли для поселения, которые в исторических документах стали именоваться территорией «мирных чеченцев». Другая часть чеченского этноса, в основном обитавшая в горах и лесистых предгорьях, восприняла попытку подчинить ее «пришлым князьям» как посягательство на вековой уклад жизни. Влиятельные старейшины и военные предводители этих общин не без основания усматривали в княжеской власти (пусть и номинальной) угрозу своим социальным позициям и моральному авторитету. Их ответом стало вооруженное сопротивление.

Никакой другой реакции, кроме желания быстро подавить этот «бунт», ожидать от местного российского командования не приходилось. Она была такой же естественной, как и поведение чеченцев. Не подвергалось ни малейшему сомнению, что поднявших оружие на имперскую власть нужно примерно наказать, чтобы неповадно было.

Ничего удивительного и непредвиденного не было в этом и для чеченских предводителей: они сами проявляли беспощадность к тем, кто оказывал сопротивление, и признавали право на нее за другими. Война являлась для них ремеслом, к которому их приучила жизнь и заставила в нем поднатюреть. Чеченцы всегда были готовы к военным жертвам, воспринимавшимся как нечто вполне будничное и в то же время не лишенное героического смысла.

Никто не мог и предположить — чем обернется в перспективе соприкосновение российских имперских порядков с чеченской архаикой.

На тот момент (начало 1780-х годов) казалось, что в Чечне перед Россией стоят довольно простые военно-тактические и не слишком сложные политические задачи. Общая схема выглядела так: нанести удары по двум—трем «мятежным» аулам, привести их к присяге на верноподданство России с обязательством соблюдать внутримперские правила жизни, взять в залог аманатов. Планировалось, по сути, повторение проведенной в 1758 году генералом К. Л. Фраундорфом едва ли не первой экспедиции против чеченцев с надеждой, по крайней мере, на такие же последствия — почти четверть века относительного спокойствия в Чечне. Была так же, как и во времена Фраундорфа, надежда на поддержку лояльных к России слоев чеченского населения и воспитание такой лояльности у враждебно настроенных общин.

Однако с 1758 года ситуация принципиально изменилась. Тогда Россия была вынуждена довольствоваться формальным изъявлением покорности со стороны чеченских обществ, которое не предполагало активного вмешательства в их внутренние дела. Теперь же, когда земли чеченцев (после русско-турецкой войны 1768–1774 гг.) стали частью Российской империи, оставить их в прежнем, «вольном» состоянии со всеми вытекающими отсюда неприятностями считалось недопустимым.

А тут еще с конца 1770-х годов на берегах Терека стали появляться новые казачьи, кумыкские, ногайские и те же чеченские поселения, занимавшиеся успешной хозяйственной деятельностью. Горным чеченцам такое соседство не давало покоя: у них никогда еще не было столь соблазнительных и столь удобных объектов для набегов. Удержаться от искушения они просто не могли.

А русские власти не могли безучастно смотреть на это. В марте, июне, сентябре и октябре 1783 года было проведено несколько военных экспедиций (Ханкалинское ущелье, аулы Атаги, Гехи), в результате которых чеченцы потерпели поражение. Поскольку главная цель казалась достигнутой,

русское командование, судя по всему, не дало себе труда задуматься над уроками этих кампаний — относительно легкие и быстрые победы такого рода являлись слабым стимулом к серьезному военно-тактическому анализу.

Между тем проницательный наблюдатель (а такие, безусловно, были в русской армии) заметил бы, что горная война вообще и с чеченцами, искусными в ней и готовыми яростно защищать свои аулы, в частности, требовала особых навыков, которыми русские регулярные войска еще не обладали и приобрести которые нельзя было без кропотливой, последовательной и длительной работы над ошибками.

Так, в ходе этих экспедиций пришлось столкнуться не только с отчаянным и мужественным сопротивлением, но и с неожиданными и малоприятными для русских отрядов военно-тактическими приемами горцев, простыми и эффективными.

Выяснилось, что, прежде чем добраться до объекта главного удара — того или иного аула, нужно было «каждый шаг покупать силою оружия» и, естественно, жертвами. Практически весь маршрут состоял из больших и малых препятствий, на преодоление которых затрачивались соответствующие силы. Переправа через мелкую речушку зачастую вырастала в целую проблему из-за устроенных неподалеку засад. А спокойный вход в тихое лесистое ущелье вовсе не гарантировал столь же спокойного выхода из него. Завалы на пути следования русских войск приходилось брать штурмом, в ходе которого все преимущества были на стороне оборонявшихся.

Обнаружилась острая потребность в топорах и другом шанцевом инструменте. Дорогу порой буквально прорубали метр за метром, ибо иначе на узкой тропе даже небольшому боевому подразделению нужно было вытягиваться в длинную цепочку, становясь идеальной целью для атак горцев. Чеченцы очень умело использовали тактику рассечения неприятельских войск, позволявшую нанести максимальный урон. У обитателей гор были припасены и другие хитрости для тех, кто появлялся там впервые, уповая на опыт классических сражений.

В чеченских кампаниях 1783 года уже проступали очертания той долгой и изнурительной войны, которая позже получит наименование «Кавказской». Но русским офицерам, достаточно быстро решившим тогда поставленную перед ними конкретную задачу — разгромить гнезда «воров и разбойников», заглядывать так далеко в будущее не приходило в голову.

«Шалости» чеченцев не вызывали особого беспокойства и в высших государственных кругах России, опиравшихся в своем анализе ситуации на прежний опыт. А он говорил о том, что строгих репрессалий, сопровождавшихся взятием аманатов, а также раздачей «пряников» одумавшимся, хватает надолго. Этого запаса времени, как надеялись, будет достаточно,

чтобы обустроить (цивилизовать) чеченскую периферию Российской империи хотя бы элементарно — в той мере, которая позволит отучить местное население от «порочных наклонностей».

В данных предположениях Петербург утверждался тем глубже, чем охотнее демонстрировали подвергшиеся разгрому горные чеченцы готовность изъявить покорность, присягнуть (в который уж раз) на верность России, дать клятву не совершать впредь грабежей, хищений, убийств.

В Петербурге пока еще не вполне осознавали, что горцы соглашались принять какие угодно требования лишь с одной целью — добиться скорейшего ухода русских из их аулов, чтобы вернуться к своей обычной жизни. Что до чеченцев, то они, в свою очередь, не могли уразуметь, что это уже не только «их аулы», но и часть огромного государства, где существуют определенные порядки и законы, совершенно отличные от того, к чему они привыкли. Им трудно было проникнуться новой и очень странной для них реальностью, которая лишала русских всякой возможности уйти далеко и надолго (как они могли себе позволить, к примеру, в первой половине XVIII века).

Этот типичный межцивилизационный конфликт делает бессмысленными обвинения в адрес чеченцев во врожденном вероломстве. В момент принятия «верноподданнических» присяг они были по-своему честны, но затем соблюдали эти присяги ровно настолько, насколько могли в условиях диктатуры горских традиций — совершенно естественных для одной культуры и совершенно диких для другой.

Историки-кавказоведы зачастую загоняют себя в порочный круг, перенося категории межличностного общения (любовь, преданность, искренность, ненависть, предательство, бесчестность и т. д.) на отношения социального и политического характера, как правило, проникнутые жестким прагматизмом и рациональной мотивацией. Механистически проецируя законы поведения отдельного человека и применимые к нему нравственные оценки на более масштабные социально-культурные и политические явления, мы тем самым получаем некорректные результаты скорее эмоционального, чем научного свойства.

Еще в русской исторической литературе XIX века временами сквозят недоумение и обида на горцев за то, что те отвечали на благодеяния российских властей черной неблагодарностью. Однако с социально-политической точки зрения это была не «черная неблагодарность», а нормальное стремление сохранить и защитить вековой уклад жизни от внешнего воздействия, олицетворяемого Россией. Проблема заключалась в том, что для чеченцев не существовало вопроса — «хороший» это уклад или «плохой». Этот вопрос был актуален для российских властей, которые отвечали на него однозначно, поскольку для них «неудобства» от соседства с горской вольницей были абсолютно очевидны.

Чеченцы же со своей стороны не могли никуда деться от суровой реальности, заставлявшей их военно-социальную организацию находиться в непрерывной работе, последствия которой для России становились все более неприемлемыми.³ Горным чеченцам трудно было избавиться от приверженности своим исконным порядкам, а русским — от чувства необходимости покончить с грабительскими рейдами раз и навсегда: на территории империи должны действовать другие порядки. Отсюда стремление решить эту задачу военными методами. Без них в то время обойтись было невозможно.

Дело вовсе не в том, что российские власти заведомо пренебрегали другими средствами воздействия (пресловутая политика «ласканий» горских предводителей насчитывала уже почти три века и стала притчей во языцех). А в том, что сила, продемонстрированная горцам с такой же беспощадностью, с какой ее употребляли сами горцы, давно приобрела в их мироощущении статус непререкаемой ценности. И в этом смысле между чеченцами, с одной стороны, и имперской машиной, с другой, складывалось полное «взаимопонимание».

Лишний раз это подтверждается моральной готовностью горных чеченцев к русским военным экспедициям 1783 года, в которых они не видели ничего противоестественного. Другого, тем более «ласкательного», ответа от России чеченские общины просто не поняли бы. В ноябре того же года аулы Чечен, Алды, Атаги, Шали, Гаджи-аул и Гехи мужественно признали свое поражение (а значит — торжество силы противника), принесли повинную и присягнули на верность России.

Если Петербург надеялся, что эти присяги будут соблюдаться строже, чем предыдущие, то он ошибался. В данных клятвах горцы, как уже говорилось, видели лишь средство поскорее добиться того, чтобы их оставили в покое и чтобы все вернулось на круги своя. С их точки зрения, это означало очень простую и привычную вещь: чеченцы и русские соседствовали на протяжении веков, что в целом не мешало каждому народу жить по своим законам. Чеченцы (в основном горные) периодически совершали набеги на равнину и зачастую нарывались на жесткий отпор, приносивший им людские потери. Но это было совершенно будничным состоянием для границы между Россией и территорией обитания чеченцев.

Русские практически никогда не отвечали карательными экспедициями, нацеленными на непосредственные источники угрозы — отдаленные аулы.

³ Даже высокопрофессиональные российские историки XIX века, оставившие нам богатейшее, уникальное научное наследие, подчас не могли удержаться от пристрастных, эмоциональных интонаций, говоря о северокавказских горцах вообще и чеченцах в частности. Определения «воры», «грабители», «хищники», употребляемые Н. Ф. Дубровиным, В. А. Потто и многими другими, вполне пригодны для описания естественных, человеческих ощущений жертв горских набегов. Но в этих эпитетах нет научного, социологического, если угодно, терминологического смысла.

Чеченцев это вполне устраивало, поскольку не лишало их возможности заниматься знакомым делом. Однако, когда со второй половины XVIII века они стали получать чувствительные ответные удары, и уже совсем не на границе, а у себя дома, в горах, это вызвало ожесточение.

Прибегая к вольной метафоре, можно сказать, что между чеченцами и русскими возник «кризис взаимопонимания», порожденный новой реальностью, которая обуславливалась новым статусом Чечни как части Российской империи. Эта империя, как бы того ни хотела, уже не могла «оставить в покое» тех, кто сам не давал ей покоя. Чеченцам было трудно освоиться с этой элементарной, с точки зрения Петербурга, логикой. Для них же простым и естественным являлся другой вопрос: почему не оставить все так, как было раньше? Мучительные поиски ответов на него вылились в длительную драму для обеих сторон.

Для любой этнической (или иной) общности людей не существует проблемы нравственного примирения с тем, что она делает, поскольку ее действия никогда не нуждаются в оправдании. Этот весьма специфический «моральный кодекс» отпускает ей наперед все грехи, но зато провозглашает несправедливыми и преступными деяния, совершенные против нее.

В соответствии с таким абсолютно естественным двойным стандартом борьба горских общин против ответных экспедиций русских войск стала принимать священный характер, и в данном случае, если не брать предысторию, это было действительно так, ибо речь шла о защите домашнего очага. Однако, чтобы стать перманентной, священная оборонительная война нуждалась в более мощных источниках идеологической энергии, чем те, которые были заложены в традиционной культуре. Последняя, в силу своей специфики, не могла создать «безупречный» образ врага и обеспечить неспасаемый накал ненависти к нему. С этим могла справиться только большая идеологическая система.

Над подобными вещами российские власти пока еще глубоко не задумывались. Для работы «социо-аналитической мысли» в данном направлении нужен был эмпирический материал и эффективные стимулы. События 1783 года в Чечне не могли предоставить ни того, ни другого в достаточном количестве и в убедительном виде. Походы русских войск, завершившиеся чеченскими присягами, создали впечатление, будто спокойствие восстановлено и процесс интеграции Северного Кавказа в имперское пространство идет вполне успешно.

В таком выводе не было почти никакой мотивации для критического изучения российской политики на недавно присоединенных территориях, в том числе — в контексте идеи о том, что это уже не внешняя, а внутренняя политика, требовавшая соответствующих корректив.

Однако задуматься над всем этим придется очень скоро. Иллюзия покоя длилась всего лишь год.

Северный Кавказ чем дальше, тем чаще заставлял убеждаться в том, насколько сложно и мозаично его социально-политическое содержание. Русскому командованию постоянно приходилось опытным путем «изучать» его непредсказуемое разнообразие то в одном, то в другом месте.

После того, как чеченские общества показали свой нор и были укрощены (1783 год), о них, казалось, на некоторое время можно было забыть. Однако то, что со стороны выглядело как восстановленный порядок, на самом деле таило в себе потенциал для новых волнений. Стремление русских властей хотя бы заложить основы для административно-политической организации чеченского этнического пространства в рамках Российской империи вылилось в неоднозначный результат.

Равнинные чеченцы (позже их стали именовать «мирными»), в том числе расселившиеся вблизи русских крепостей вдоль Сунжи и Терека, в целом терпимо восприняли новую имперскую власть. Эта власть пока не вмешивалась в их внутренние дела, довольствуясь лишь возможностью обеспечить такую ситуацию, когда чеченцы, управляемые лояльными к России нечеченскими князьями, не будут совершать набеги и грабежи.

Горные чеченцы, жившие в условиях патриархально-родовой, дополитической организации, не собирались что-либо менять в способе своего существования, включая регулярные вылазки на равнину в поисках добычи. Это тоже был своеобразный, освященный веками порядок. Однако, глядя на социальный быт чеченцев глазами тех, кто наблюдал его в то время извне, приходится воздержаться от идеализации внутриобщинной гармонии и, тем более, межобщинных отношений, не чуждых наследственной вражды и кровавых раздоров. С годами эти междоусобицы для русских властей тоже вырастают в проблему, решение которой совершенно логично вписывалось в стратегию окультуривания новоприобретенных, имперских территорий, где принцип «разделяй и властвуй» был абсолютно контрпродуктивен (чего, к сожалению, не хотят понять некоторые историки).

Мысль о том, что этот принцип всегда являлся краеугольным камнем российской политики на Кавказе, — одно из самых больших историографических недоразумений. Еще с античной эпохи такой способ контроля и управления приобрел репутацию классического и безотказного инструмента. Как порой случается, непререкаемая «классичность» какой-то идеи, тем более переданной в афористически неотразимой форме, невольно мешает ученым подвергнуть ее сомнению. Применительно к Кавказу эта формула настолько укоренилась в массовом сознании, что мало кому из ученых приходит в голову проверить ее, опираясь на документальные источники. Они между

тем рисуют картину, далекую от растиражированного мифа о принципах кавказской политики России.

Безусловная заслуга русских местных (и, кстати, центральных) властей состояла в том, что опытно-экспериментальным путем они вовремя убедились в нерациональности, затратности и очень низком коэффициенте полезного действия доктрины «разделяй и властвуй». В отличие от своих османских, крымских и персидских конкурентов, широко применявших эту методику на Кавказе, Россия еще в XVI веке, как видно по документам, стала прибегать к прямо противоположной технологии утверждения своего влияния — «посредничай, примирай, управляй». Сами реалии жизни (отсутствие достаточной военной силы) заставили ее проявить политическую изобретательность, благодаря которой русские медленно, но верно вытесняли из кавказского пространства своих соперников, веривших в эффективность старых как мир классических политических технологий.

Появление России на Северном Кавказе поставило перед чеченцами вопрос — принимать или не принимать... даже не новую власть, а новую реальность соседства? На уязвимой равнине и в защищенных горах он решался по-разному. Но в любом случае близость русских крепостей и поселений постепенно выводит чеченский мир из статичного состояния. А подобные процессы всегда сложны и трудноуправляемы.

Их течение обуславливалось еще одним фактором. К чеченцам стал проникать ислам, сопровождавшийся возникновением обслуживающего персонала идеологов — мулл, стремившихся морально подчинить общество своему влиянию и новому порядку вещей. Но им многого не хватало для реализации этих претензий. Новоиспеченные проповедники сами были частью патриархальной культуры, полностью изжить которую в себе они не могли. Молитва к Аллаху или шариатское правосудие зачастую облекались в форму понятного и знакомого языческого обряда. Из уст большей частью неграмотных мулл суры из Корана, заученные в искаженном до неузнаваемости виде, тоже звучали почти как идолопоклонническое заклинание. Квалифицированных законовевов и служителей веры у горцев не было.

Исламская религия натолкнулась на стихийное сопротивление людей, привыкших руководствоваться менее требовательными и более древними нормами обычного права. Консервативно-охранительный инстинкт общества оказался слишком сильным, чтобы его можно было преодолеть быстро и безвозвратно. Столкновение старого и нового вывело социум из состояния относительного равновесия и породило обычные для таких ситуаций конфликты. Рано или поздно они должны были во что-то вылиться.

Глава 3

СЛОВО ПРАВЕДНИКА К НАРОДУ

И это произошло. В феврале 1785 года по Чечне пошел слух, что в ауле Алды живет бедный молодой пастух по имени Ушурма (вскоре взявший себе имя Мансур), объявивший себя пророком.⁴ Он призывал горцев отказаться от «варварской жизни», от известных «с давнего времени» «дурных обычаев воровать, убивать без всякого сожаления наших ближних, и вообще ничего иного не делать, кроме зла». Мансур признавался, что и сам поступал таким же образом до тех пор, пока не «осветился размышлением» о неминуемом наступлении смертного часа и необходимости держать ответ перед Аллахом «на страшном судилище». Это заставило его устыдиться своих деяний и «покаяться во грехах своих».⁵ Тем, кто не последует его примеру и не обратится к свету божественной истины, Мансур грозил гневом господним, от которого не будет спасения никому. Осмелившихся усомниться в его великой миссии донести слово Аллаха до сердец людей ждет вечное проклятье.

Богатейшая духовная история Востока знает бесчисленное количество таких «пророков», странствующих по миру с вполне стандартным набором эсхатологических откровений. В большинстве случаев их воспринимали так же, как на Руси, — юродивых и блаженных, являвшихся частью обыденной жизни. Лишь экстраординарные персоны имели шансы увлечь за собой народ.

В Чечне, где исламская религия и культура делали первые шаги, подобные феномены были еще в диковинку. Да и сам Мансур, благодаря своей яр-

⁴ Точных данных о времени начала деятельности Шейх-Мансура нет. В одном русском мемуарном источнике говорится, что первые четыре недели 1785 года русское офицерство на Кавказской линии провело весело и беззаботно.

⁵ Здесь и далее приводятся цитаты из подробных показаний, который дал Мансур после пленения его русскими войсками в 1791 году.

кой натуре, явно отличался от банальных дервишей, о которых чеченцы, возможно, что-то и слышали.

Если говорить просто, то «учение» Мансура требовало от горцев отказаться от несправедливой жизни, основанной, с одной стороны, на нормах адата⁶ и, с другой, на неосведомленности о том, что такое ислам правоверного толка. Одно он собирался искоренить, другое исправить, чтобы вывести народ из заблуждения и преодолеть пороки, многие из которых в языческом обществе таковыми не считались.⁷

Мансур говорил, что грабежи, междоусобицы, убийства, кровомщение губят чеченцев. Он призывал не курить, не пьянствовать, не прелюбодействовать, истребить нечестно накопленное имущество и даже не сеять хлеб, ибо каждый праведник получит все от Аллаха. Тех, кто откажется подчиняться его указаниям и верить в его предсказания, Мансур объявлял грешниками, обещая им кару небесную и земную.

У Мансура появились последователи. Первоначально их круг был невелик, но он быстро расширился во многом благодаря умению этого одаренного и волевого человека воздействовать на толпу. Арсенал используемых им средств был обычен для соискателей «пророческого» статуса: явление «чудес» с помощью разного рода ухищрений, инсценировок, толкований сновидений.

Хорошо зная, *что именно* производит впечатление на суеверный и легковверный народ, Мансур легко добивался нужного эффекта. Он ловко имитировал падучую болезнь, считавшуюся у горцев знаком избранничества; притворялся умершим, чтобы потом воскреснуть; сеял о себе небылицы, которые тут же приукрашивались народной молвой и фантазией; со слезами на глазах рассказывал тайны, открывавшиеся ему во снах; запирался на несколько дней в своем доме, проводя их в посте и молитвах, чтобы потом выйти к односельчанам и поведать о повелениях, полученных им от Аллаха. Своим внешним видом, поведением, аскетическим образом жизни, широкими благотворительными жестами он старался подражать пророку Магомету. (Через несколько десятков лет все эти приемы в точности повторяют дагестанские имамы Кази-мулла, Гамзат-бек и, особенно, Шамиль.)

Слава о Мансуре распространилась далеко за пределы Чечни. Алды стали местом паломничества для тех, кто хотел увидеть чудотворца.⁸ Но он, как

⁶ Шейх-Мансур говорил, что правосудие есть исключительная привилегия Аллаха, и, когда люди присваивают ее себе, производя суд по адату, они тем самым притязают на богоподобие, а значит, творят грех.

⁷ Русскими историками было в общем справедливо замечено, что проповедь Мансура «первоначально в основе своей имела лишь возвращение к истинному учению Корана, и это привлекало к пророку сравнительно мало приверженцев».

⁸ Сам Ума-хан аварский прислал Мансуну письмо, в котором выражал ему поддержку и предлагал объединиться в борьбе с неверными.

тонкий психолог, редко показывался народу, чем еще больше сгущал вокруг себя ореол таинственности.⁹ Как метко заметил русский историк В. А. Потто, «неудовлетворенное любопытство (народа. — В. Д.) заставило сильнее работать воображение».¹⁰

Это неотъемлемое свойство человеческой природы получило полную свободу «творчества» 12 февраля 1785 года, когда на Северном Кавказе произошло сильное землетрясение. Оно вызвало у чеченцев суеверный ужас и было воспринято как предсказанное Мансуром наказание за людские грехи. Многие увидели в бедном пастухе божьего избранника, посланного наставить людей на путь истинный, перестали курить табак, пить бузу, простили друг другу обиды. Из самых преданных сторонников Мансура образовалась его личная гвардия (50 человек), находившаяся при учителе неотлучно. Люди дарили ему овец, лошадей, быков, продукты, деньги, но он раздавал все это нуждающимся.

Началось то, что можно назвать неупорядоченным брожением, предвестием смуты. Люди безотчетно ощущали: что-то происходит, но не понимали — что именно. Тревога и ожидание охватили многих так же произвольно, как поддаются массы сильным чувствам — восторгу, радости, страху, панике. А что если этот Мансур, творящий нечто невероятное, и есть тот самый тайный имам, пришествие которого предвозвещено в священных книгах? В таком случае, с какой иной миссией мог он явиться на землю, кроме как служить людям, делу их спасения и благоденствия?

Надежда получить положительные ответы на эти вопросы создавала общий психологический фон, благоприятствовавший планам Мансура. Все чаще его имя — весьма вероятно, без ведома хозяина — стало употребляться с приставкой «Шейх», символизировавшей высокое духовное звание, священное у мусульман. Но это не означало, что все горские народы и все социальные слои были едины в своем восприятии «пророка» и в своих ожиданиях. В пестром этнокультурном и этнополитическом мире Северо-Восточного

⁹ Мансур настолько в этом преуспел, что озадачил некоторых историков, ввергнув их в сомнение относительно возможности появления столь незаурядного человека внутри патриархально-замкнутого, социально неразвитого чеченского общества. Так возникло несколько гипотез (а скорее легенд), одна из них — об иностранном происхождении Мансура, который якобы был итальянским авантюристом по имени Джованни Батиста Бозетти (в других транскрипциях — Жан-Батист-Бозетти). Очень одаренный человек и типичная для XVIII века фигура наемника-космополита, прожектера и искателя приключений, Бозетти, после скитаний по странам Средиземноморья и Востока, оказался в Закавказье, а оттуда проник в Чечню, где решил сделать «карьеру» пророка-самозванца, пользуясь невежеством местного населения. Есть версия о том, что Мансур происходил из оренбургских татар, получил духовное образование в Бухаре, «откуда он и занес на Кавказ зачатки нового учения». И, наконец, сторонники третьей точки зрения считают Мансура османским эмиссаром, посланным в Чечню для возбуждения народа против России.

¹⁰ Мансур, судя по источникам, прекрасно понимал силу психологического воздействия подобных приемов. На вопросы людей, имевшие целью выяснить, кто он все же такой, был один ответ: «Никто не знает, кто я, и никто этого не узнает. Тайна остается тайною».

Кавказа, пронизанном непримиримо конфликтующими интересами, такое исключалось в принципе. От Мансура ожидали многого, разного и прямо противоположного. Это лишало «пророка» той свободы действий, которую требовали его грандиозные замыслы и которую ему могла предоставить только всеобщая и единая воля народа.

В таких условиях Мансуру ничего не оставалось, как выбрать конкретную социальную опору, способную обеспечить его материальными силами для достижения поставленных целей. Но за этот ресурс нужно будет заплатить недешево — удовлетворением реальных интересов тех, кто станет в ряды «пророка», и, соответственно, пойти против столь же реальных интересов других общественных слоев.

Жизнь ставила Мансура в ситуацию, когда субъективное стремление сплотить общество объективно обрекало это общество на раскол и трагедию.

* * *

Но пока, весной 1785 года, и «пророку», и растущей массе его почитателей все виделось в более обнадеживающих тонах. Во всяком случае, иллюзия стать надплеменным, всенародным духовным вождем, объединителем горцев не покидала Мансура.

Воспользовавшись решительным психологическим переломом ситуации в свою пользу после землетрясения, Мансур «официально» провозгласил себя «шейхом» или «имамом», появление которого предвещал пророк Магомет.¹¹ Он стал еще настойчивее требовать повиновения себе и порядка, обещая послушникам «путь к будущему блаженству», а беззаконникам — «в ров погибели». Мансур дошел до кощунства, объявив вове не обязательным совершать хадж в Мекку, ибо Мекка отныне там, где находится в данный момент он, Шейх-Мансур.

Это уже переходило всякие границы. Как ни слабы были местные муллы в понимании и толковании тонкостей Корана, они почуяли в действиях Мансура явные расхождения с правилами ислама. В лице мусульманского духовенства, пусть и численно ничтожного, он столкнулся с критическим восприятием его реформ и растущей оппозицией. Видимо, даже их «просвещенности» в делах религии хватало на то, чтобы уличить «пророка» в очевидных нарушениях канона.

Однако среди духовных лиц было немало и тех, кто предпочитал закрывать глаза на мессианские претензии Мансура. Возможно, они шли против

¹¹ В 1791 году на допросах Мансур утверждал, что сам он никогда не присваивал себе таких титулов, однако не мог помешать народу воспринимать его в подобном качестве. Не скрывал Мансур и своей неграмотности, что оставляет открытым вопрос о том, как он обучился догматам ислама и насколько хорошо их знал.

своей совести, но отнюдь не против логики. Муллы никогда не пользовались непрерываемым общественным авторитетом и влиянием. Зачастую их сомнительная нравственная репутация попадала под прицел народных анекдотов и язвительных насмешек. При наличии уязвимых моральных тылов вести борьбу с адатами было нелегко. Муллы остро нуждались в одаренном лидере, способном возглавить эту борьбу и поднять их престиж. Кумыкские и аварские служители шариата призывали знать и простонародье Северо-Восточного Кавказа «почитать его (Мансура. — В. Д.) за шиха и имама», повиноваться его требованиям.

Разные территории и разные социальные элементы отзывались на эти призывы по-разному. Влиятельные кумыкские и отчасти кабардинские владельцы считали Мансура «лжецом», заверяя кизлярского коменданта И. Вишнякова в своей преданности России.

Среди их подвластных были иные настроения. Некоторые отправлялись в Алды удостовериться в том, что Мансур действительно существует. Удостоверившиеся несли к нему подношения «по недостаткам каждого». Других интересовали не столько экзотические откровения «пророка», сколько его способность устраивать практические дела. Для многих из таких «реалистов» куда понятнее всех этих таинств был разосланный шихом (приблизительно конец марта 1785 года) призыв готовиться к походу на Кизляр.

Мансур был слишком умным человеком, чтобы не понимать очевидного: никакие его чудотворческие экзерсисы не смогут возбудить и мобилизовать массы так, как богатства большого купеческого города. На протяжении всей истории русско-кавказских отношений Кизляр неотразимо приманивал к себе горские набеговые партии. Единственным ограничителем для их безмерных appetитов был боеспособный гарнизон и крепостные пушки, подставляясь под смертельный, внушающий суеверный ужас огонь которых никто не хотел.

Чтобы вволю поживиться в Кизляре, обычного, даже самого дерзкого и искусного набега было недостаточно. Лишь крупное, хорошо организованное и хорошо управляемое военное предприятие с применением не только набеговой тактики давало шансы на успех. Впрочем, все это можно было проверить только опытным путем, что, собственно, и собирался сделать Мансур.

Но прежде он хотел основательно подготовиться, осознавая масштабы и значение этой операции гораздо глубже, чем горцы, жаждавшие выступить поскорее — уже в середине апреля.

Бесконечное превосходство его упреждающего мышления над обыденным горским сознанием, воспринимавшим лишь близкую, хорошо обозреваемую, сиюминутную и совершенно осязаемую цель, проявлялось в остром

стратегическом зрении, в способности видеть не одну, а несколько целей, выстроенных в параллельном или последовательном порядке, и — самое главное — препятствия на пути к ним.

Планируемый кизлярский поход, с точки зрения его сущности, имел для Мансура и подавляющей массы его сторонников абсолютно разные смыслы.

Сгоравшие от нетерпения кумыкские, аварские, чеченские воины мечтали об одном — принять участие в этом «супернабеге», чтобы вернуться из него с «супердобычей» и желательно без людских потерь. В их промысловом воображении просто не оставалось места для каких-то других устремлений.

Опыт и обычаи предков, тесный, изолированный мир общины не давали горской фантазии разгуляться в, так сказать, военно-политическом, государственно-строительном, эволюционно-созидательном направлении. Набег он и есть набег, и ничего больше. Это «цель в себе и для себя», которая исчезает, когда она достигнута, как исчезает повышенный интерес к еде у сытого человека. За ней нет ничего следующего, поступательного, кроме ровно такой же цели, вытекающей, через определенное время, из того же источника, чтобы опять самоисчерпаться.

Впрочем, нельзя сказать, что набеговая рутина являлась совершенно статичным феноменом. В ней, пожалуй, есть элемент своеобразного развития, развития инволюционного, саморазрушительного. Оно может оставаться и остается незаметным до тех пор, пока против набегов в конце концов не найдется та сокрушительная сила, которая не захочет их терпеть ни при каких обстоятельствах. Она не сразу обретет непреклонную решимость искоренять их беспощадно и повсюду, но уже не остановится ни перед чем, когда, после многих лет умиротворительных экспериментов, окончательно убедится, что другого способа уничтожения этого «абсолютного зла» не существует.

Любой горец, претендовавший на статус вождя и объединителя, неминуемо становился заложником института набегничества, как бы он к нему ни относился. Мансур, исходя из того, что о нем известно, не был похож на джигита-промысловика. Если идти еще дальше в наших вольных предположениях, то, возможно, ему, человеку весьма тонкого внутреннего склада, глубоко претило это варварское ремесло. Однако в условиях, когда другого инструмента массового рекрутирования у Мансура не было, ему пришлось самому придумать идею «великого кизлярского набега» и заняться вопросами организации этого рискованного предприятия.

Отсюда столь долгая, по горским понятиям, подготовка, включавшая не только военно-мобилизационную, но и социально-пропагандистскую, проповедническую работу. Она была направлена против богопротивных народных обычаев и велась в революционном, воинственном стиле.

Поход на Кизляр Мансур задумывал, прежде всего, как средство продемонстрировать духоподъемную силу ислама, способного сокрушать все на своем пути и вознаграждать правоверных по заслугам, в данном случае — беспрецедентно богатой добычей.

Сам же имам жаждал для себя совсем иного трофея — нематериального, но бесценного. Он мечтал, чтобы его воинство вернулось из «великого набега» не только с «дарами» купеческих лавок Кизляра, но и с верой, что победы Аллаха дарит только тем, кто воюет под знаменами шариата, а живет по его законам.

Кто бы и с каким бы энтузиазмом ни готовился к походу, пока оставалось черпать вдохновение из обещаний Мансура, надеясь на благосклонное будущее. Имам знал, что лишь предъявление самого чудесного чуда — разорение Кизляра и поражение гяуров — заставит умолкнуть его оппонентов и скептиков. Покуда же шансов на всеобщую исламизацию горцев даже у такого харизматического лидера было немного.

Инстинктивное, непроизвольное сопротивление шариатским реформам оказывали чеченцы, привыкшие жить по законам адата, в которых было много проверенных временем рациональных вещей. Отказ от них граничил с абсурдом.

Мансур оказался меж двух огней, и это заставило его быть прагматиком. Он пошел на ряд уступок и недовольному духовенству, и блюстителям народных обычаев. Находившиеся в оппозиции к Мансуру муллы, нащупав слабинку в его теологической компетентности, пытались сыграть на этом в своей политике дискредитации его в глазах горцев.

Имам тотчас принял вызов и пошел в контрнаступление. Его проповеди звучали с особой силой, вдохновением, выразительностью. Они сопровождались новыми подвигами чудотворчества, укрепившими его репутацию прорицателя, против которой муллы оказались бессильными.

Но самое мощное оружие против врагов и скептиков Мансур нашел в другом. Он поставил перед горцами большую цель, призванную объединить адат и шариат, материальное и идеальное, религию и политику. И тем самым сплотить разноязыкие племена вокруг вождя. Этой целью был газават (или джихад) — священная война против неверных, прежде всего русских, которые пришли покорять правоверных мусульман.

Из истории известно, как легко и быстро простая с виду идея увлекает массы, особенно когда ее проповедует выдающаяся личность, умеющая перевести сложную мировоззренческую систему на понятный народу язык. Силлогизм, предложенный Мансуром «городу и миру», и в самом деле был элементарен: все люди делятся на правоверных («нас») и врагов-гяуров («их»), которых мы должны либо обратить в свою веру, либо уничтожить, за что Всевышний награждает нас на земле добычей, а на небесах — райской жизнью.

Газават был удобен тем, что освобождал от необходимости ломать голову над премудростями религии и разом решал все проблемы. Привычные для чеченцев и других горцев война и грабеж становились еще и богоугодным делом. Горские воины теперь будут возвращаться домой не только с богатой добычей, но и в ореоле героев, борцов за веру. Еще большее воздаяние ждет погибших шахидов — с поля боя они прямиком попадают в рай, где их ждут прекрасные гурии.

Свой приз — конечно, не в столь примитивном виде — получает и Мансур. Он приобретает непререкаемый авторитет имама и пророка, огромное моральное влияние на массы и преобразует его в реальную политическую власть над всеми горцами.

Правда, Мансур пока не представлял, как организовать эту власть институционально. Возможно, он, сложись у него все удачнее, нашел бы ответ и на этот вопрос. Перед его глазами были примеры внутреннего устройства дагестанских ханств, в разных их разновидностях. Любой из них сгодился бы для заимствования. (Вспомним, что «имаматы» Кази-муллы, Гамзатбека и Шамиля создавались во многом по этим образцам.)

Однако Мансур осознавал более важную на тот момент необходимость — для достижения его амбициозных целей нужна в первую очередь военная сила. Приблизительно с марта 1785 года он сосредоточился именно на этой задаче в рамках подготовки кизлярского похода. Сама собой она решиться не могла. Стихийно стекавшихся к Мансуру вооруженных людей было явно недостаточно. Для мобилизации войска требовалась масштабная проповедническая кампания, которую «пророк» провел блестяще и результативно.

В речах перед «паствой» Мансур развернул грандиозную, поистине эпическую картину своего наступления против нечестивцев. Она была наполнена совершенно сказочными подробностями, поверить в которые нормальный человек не смог бы никогда. Но Мансуру верили, поскольку он, стремясь к убедительности, широко использовал приемы народной сказительской культуры, где реальность легко перетекала в фантазию и наоборот, что никого не смущало.

К началу мая Мансур, вероятно, уже располагал военным отрядом в несколько тысяч человек.¹² Что с ними делать, он до поры до времени не знал. С кизлярской экспедицией имам явно не спешил (к неудовольствию заждавшихся горцев): это был очень опасный шаг из категории «ва-банк», начинать

¹² Точных данных нет. По расчетам генерала П. С. Потемкина, совокупный военный потенциал Мансура, «в случае единодушного восстания» горцев, мог достигнуть 25 тысяч человек. Сам «пророк» обещал своим сторонникам собрать 90-тысячное войско, что являлось очень большим преувеличением. Реальные же силы, которыми он оперировал, никогда не превышали 12 тысяч.

с которого он не хотел, ибо первая же неудача в столь крупном деле грозила поставить крест на всех его замыслах.

Детально разработанного, генерального плана действий у Мансура не было и позже. Но попытаться проследить общее направление его мыслей все же стоит.

В повестку дня он поставил идеологическую экспансию, осуществляемую, в зависимости от степени сопротивления народа, соответствующими, то есть не обязательно военными, средствами. Сначала Мансур предполагал обратить в новую веру соседних карабулаков и ингушей, затем двинуться в Кабарду и, наконец, «в русские пределы, для истребления христиан».

Будущее триумфальное шествие ислама Мансур живописал в подробностях, совершенно не исключая, что «все жители русских селений последуют нашему закону». Он уделял особое, порой чрезмерное, внимание, так сказать, театральной части своих походов, как будто речь шла не о военных операциях, а о постановке сказочных сюжетов: «встретят нас три белые лошади с полным убором»; «каждый из моих последователей должен иметь с собою небольшой медный кувшин, чтобы в пути по земле русской черпать им воду из рек, которые от того пересохнут»; «каждый из вас получит от меня по небольшому ножу, который при взмахе против христиан будет удлиняться»; слушники «будут разрублены нами надвое, причем одна половина тела обратится в собаку, а другая — в свинью».

Смысловое ядро проповедей Мансура постепенно наполнялось идеей объединения всех новообращенных мусульман, независимо от этнического происхождения, под его властью. Религия превращалась в политику, политика — в войну.¹³ Личные дарования Мансура лишь ускоряли этот процесс.

Все это заставляет скептически относиться к некоторым, чересчур уж «спрямленным» объяснениям причин возникновения в Чечне волнений, не имевших там исторических precedентов. Искушению пойти «коротким путем» поддавались даже историки высокого класса. В частности, В. А. Потто писал: «Нельзя сомневаться (курсив мой. — В. Д.) в том, что появление шейха Мансура в качестве народного предводителя с знаменем войны за веру было вызвано жестокими поражениями, понесенными чеченцами в 1782 и 1783 годах, в отмщение за их хищнические набеги в русские пределы».¹⁴

¹³ Как подчеркнуто в одном русском издании начала XX века, с появлением в проповедях Мансура слова «газават» «его учение, потеряв религиозный характер, обращалось в политическое движение против неверных, то есть русских и тех горцев, которые еще не присоединились к Мансуру».

¹⁴ В ответ на это весьма незатейливое заявление можно возразить столь же незатейливо: горцы терпели «жестокие поражения» задолго до 1782–1783 годов и много позже ареста Мансура в 1791 году, однако эти поражения не производили на свет подобный феномен. Первый проповедник и практик мюридизма, Кази-мулла, также объявился отнюдь не вследствие военных поражений своих соплеменников. Тогда России было не до горцев, поскольку она воевала с Персией и Турцией.

Мансур, как социальное явление, рожден целым комплексом факторов, не столько тесно переплетенных, сколько запутанных в тугой, почти гордиев узел. Их природа до сих пор остается во многом не проясненной из-за очевидного дефицита исторической информации. *Восполнить* этот недостаток, по объективной причине (исчерпанность документальной базы, с точки зрения ее количественных характеристик), похоже, уже не удастся. Но *компенсировать* его можно путем учинения в отношении имеющихся, хорошо или не очень хорошо известных источников новых «допросов с пристрастием», как выразился бы Марк Блок. Погрузившись в материал глубже, чем это делали предшественники, взглянув на него с иного ракурса, историк наверняка будет вознагражден открывшимися перед ним познавательными перспективами, которые станут еще шире, если сугубо «цеховые» исследовательские методики обогатить междисциплинарным подходом.

Глава 4

ГИБЕЛЬ ОТРЯДА ПЬЕРИ: УРОК ДЛЯ УСВОЕНИЯ

Русские военные власти на Северном Кавказе поначалу не поняли, что происходит.¹⁵ С декабря 1784 года до конца сентября 1785 года командующий местными войсками генерал П. С. Потемкин (троюродный брат фельдмаршала и президента Военной коллегии князя Г. А. Потемкина, могущественного фаворита Екатерины II) находился в Петербурге по вызову императрицы и по своим личным делам (женильба).

Он, по выражению одного современника, «оставил Кавказскую область со всех сторон обеспеченную тишиною». Замещавший П. С. Потемкина генерал-поручик М. Н. Леонтьев хотя и получал из Чечни тревожную информацию, всех масштабов опасности, видимо, еще не представлял. На всякий случай он, конечно, предпринял необходимые меры оборонительного характера, но что делать кроме этого, было пока не ясно. Сталкиваясь с такой ситуацией доселе не доводилось. Она и в самом деле выглядела необычно: какой-то самозванец, объявивший себя пророком, волнует народ, рассказывая ему небылицы, обещая райскую жизнь...

Похоже, острее других опасность почувствовал находившийся вдалеке от событий П. С. Потемкин. На известия от своего подчиненного он отреагировал замечанием: сколь они «ни темны и не обстоятельны, тем не менее требуют... уважения». Командующий приказал своим войскам преградить пути возможного наступления Мансура¹⁶ и избегать всего, что могло бы «послужить к ободрению мятежников».

В борьбе против лжепророка (типичное для русских документов того времени определение) П. С. Потемкин надеялся на испытанные средства:

¹⁵ Это непонимание нашло символическое выражение в первой реакции Екатерины II на сообщения из Чечни: «Имама Мансура почитаю за сказку».

¹⁶ Русская армия на Северном Кавказе не превышала 27 тысяч человек, которых было явно недостаточно для эффективного контроля над всей территорией региона.

«страх наказания и надежда мзды имеют в тех народах всегда сильное движение». Генерал не знал подлинной природы этого феномена, но смутно догадывался о скрытом в нем взрывоопасном потенциале. Отсюда его приказ — «усмирить волнение в самом начале и не дать самой малой искре произвести пламень».

П. С. Потемкин обратился к чеченцам и другим горцам с прокламацией, в которой призывал их не верить «бродяге и обманщику», «возмущающему лживыми прельщениями спокойствие народа», а тем, кто не одумается, грозил наказанием. Обращение не произвело никакого эффекта. С ростом числа последователей «бродяги и обманщика» его действия принимали военно-политическое направление, что, к сожалению для П. С. Потемкина, делало их все менее похожими на простой мятеж.

Глубоко вникать в смысл происходящего не было времени. Что бы ни скрывалось в сути этого явления, требовались контрдействия. Усмирять чеченцев приходилось дважды (1758, 1783 гг.), и оба раза применение силы давало быстрый результат. Но тогда причина волнений была другой, что теперь заставляло искать такой ответ на возникшую проблему, который соответствовал бы изменившимся обстоятельствам.

Князь Г. А. Потемкин попытался это сделать. Он, конечно, не преминул распорядиться о сборе войск, однако новизна момента состояла в том, что он не спешил пускать их в ход. Полковнику Н. Ю. Пьери, через П. С. Потемкина, было приказано «дать знать прельщенным от лжепророка, что единое средство к отвращению предстоящего им бедствия есть выдача сего обманщика, без сомнения, подосланного от противной стороны (намек на Турцию. — В. Д.), и что *в случае уторства* (здесь и далее курсив мой. — В. Д.) подвергнут они себя всей тяжести наказания. Весьма желательно, чтобы дело сие было окончено *без пролития крови*».

Вина и, возможно, беда Пьери состояли в том, что он не понял или не захотел понять суть данного приказа: произвести операцию психологического устрашения, предполагавшую применение силы лишь после решительного отказа горцев подчиниться. Остается лишь гадать, какие причины (не исключено, что это жажда обрести славу легким и сомнительным путем) побудили полковника обойти вниманием предписание вначале оповестить чеченцев и действовать в зависимости от их ответа.¹⁷

Вместо этого Пьери решил заставить их врасплох¹⁸, и 4 июля 1785 года начал войсковую операцию. Не дожидаясь подмоги и тем самым нарушив еще

¹⁷ «Тогда бы, — писал князь Потемкин, — знали чеченцы, зачем идут к ним и, может быть, предпочли бы выдать злодея, нежели за него драться и подвергнуть себя мщению».

¹⁸ Если бы такое оповещение было сделано (а документы говорят об обратном), то вся история приобрела бы иную окраску.

одну инструкцию, теперь уже П. С. Потемкина, Пьери попробовал обойтись малыми силами (одним полком и одним батальоном). Он явно посчитал чеченцев как противников, не достойными сил больших. И жестоко поплатился за это.¹⁹

Вначале все шло по плану. Русский отряд двинулся к резиденции Мансура, аулу Алды (400 дворов). Его жители, для которых это стало полной неожиданностью, бежали вместе со своим предводителем. Село подверглось разорению, и, хотя поймать лжепророка не удалось, все же материал для победной репортажи у Пьери имелся. Скорее всего, главным козырем полковника могло бы стать предположение, что воспоминаний об этом жесте устрашения чеченцам хватит надолго.

С этими мыслями Пьери пустился в обратный путь. Это была та же лесная дорога, по которой он прошел днем ранее без особых проблем. С «одной лишь» разницей: там теперь его поджидали превосходящие силы чеченцев, засевшие в чаще деревьев и кустарников. Фактор внезапности был на их стороне. «Оживший» лес стал полной и фатальной неожиданностью для Пьери.

На колонну, широко растянувшуюся на узкой тропе, обрушились яростные атаки горцев. Впрочем, особой нужды атаковать у них в принципе не было. Как удачно заметил В. А. Потто, «невидимый враг бил из густой чащи на выбор». Организовать эффективное сопротивление в таких условиях не представлялось возможным. Почти весь отряд, включая командира, был уничтожен.²⁰

Поражения уже после решенной боевой задачи становились печальной традицией для русской армии, болезнью, против которой пока не было противоядия. Да его, похоже, и не искали, надеясь, что уж в следующий раз такое не повторится. Уроки конца XVI — начала XVII века (в шамхальстве Тарковском) и чеченской экспедиции 1783 года не пошли впрок.

Иногда создается впечатление, будто многие не понимали необходимости извлечения подобных уроков. В частности, крайне странно слышать из уст такого авторитетного военного историка второй половины XIX века, как А. Н. Петров, заявление о том, что случай с Пьери важен не «сам по себе», ибо жертвой его «было несколько десятков людей (? — В. Д.)», а лишь как источник «поднятия духа приверженцев Шейх-Мансура».

Узнав об этом деле, князь Г. А. Потемкин написал своему брату (4 августа 1785 года): «Мне жаль Пиерия (Пьери. — В. Д.), но не настолько, как людей, ибо вся потеря произошла от его безрассудной запальчивости. Да притом

¹⁹ Коварную шутку с Пьери сыграли два обстоятельства, похоже притупившие чувство осторожности: его бесспорная храбрость и та легкая победа, которую он одержал над чеченцами в 1783 году в Ханкалинском ущелье.

²⁰ Общие потери составили 584 человека, из них 422 убитыми, включая 8 офицеров. Среди уцелевших оказался унтер-офицер князь П. И. Багратион, будущий герой 1812 года.

еще Чеченцы правы: им в силу моего предписания не было объявлено, чтобы выдали бродягу, а пришли (войска Пьери в Алды. — *В. Д.*) прямо воровски; но как же им не обороняться от разорителей? Я нетерпеливо желаю твоего на месте пребывания. Постарайся произвесть в Чеченцах раскаяние. В то же время можно им дать чувствовать, что сие дело исполнено было своевольным предприятием, а не по повелению».

Это очень красноречивый документ во всех отношениях. Из него явствует, прежде всего, что приказ, повлекший трагические последствия, был отдан князем Г. А. Потемкиным. Пьери грубо отступил от его буквы и духа, и в этом смысле основная вина вроде бы ложилась на него. Но проблема заключалась в том, что Пьери в какой-то степени искупил ее своей смертью, которая, впрочем, служила для фельдмаршала слабым утешением. Г. А. Потемкин прекрасно осознал, что, в конечном счете, вся ответственность за происшедшее — на нем.²¹ Во всяком случае — перед Екатериной II. Как будет выглядеть эта прискорбная история и его роль в ней в глазах императрицы? Вот вопрос, беспокоивший фаворита едва ли не в первую очередь. Ему мучительно не хотелось расстраивать государыню горькой правдой.

Такая мотивация, разумеется, не была чужда и Павлу Сергеевичу, но над ним, находившимся не столь близко к трону, она довлела в гораздо меньшей степени. Кроме того, экспедиция Пьери случилась в его отсутствие, что позволяло П. С. Потемкину назвать вещи своими именами. Вероятно, поэтому он это и сделал в своем докладе в Военную коллегию.

Светлейшему князю эта откровенность крайне не понравилась. В письме к брату от 16 октября 1785 года он сердито вопрошал: «Долго ли будем придавать Пиериеву делу титул несчастливого», как будто «вся уже армия (кавказская. — *В. Д.*) ... истреблена?». И далее: «Недоволен я был, что и вы (вслед за генералом Н. С. (?) Шемякиным. — *В. Д.*) ... придали Алдинскому делу плачевное название. Прошу сие впредь называть глупым делом».

Морально оправдывая чеченцев, которым не оставили никакого выбора, как защищаться, князь Потемкин фактически оправдывал самого себя, отдавшего распоряжение — заранее честно предупредить алдинцев о последствиях невыдачи Мансура, что подразумевало ожидание ответа. И в этом оправдании имелся смысл.

Куда меньше его было в предписании фельдмаршала принести чеченцам, по сути, извинение в форме извещения их о том, что Пьери совершил «своевольное предприятие». Освоить такую логику горская психология была не в силах. Какой толк могла найти она в этих пояснениях после того, как русские войска разорили Алды дотла?

²¹ Об этом князь Потемкин прямо заявил своему брату Павлу Сергеевичу в письме от 19 октября 1785 года: «...все успехи, конечно, отдаю тебе, но в худых обстоятельствах терплю я».

Горцам нужны были не извинения, а отмщение. Эту «моральную» категорию они понимали хорошо. Те же оправдания, которые им собирались предложить, воспринялись бы, особенно теперь, после их триумфальной мести, как трусливое заискивание перед героями-победителями. В свою очередь, для понимания такого рода вещей была непригодна «великодушно-имперская» логика князя Потемкина, часто увлекавшегося предположением, что горцы мыслят так же, как он.

Григорий Александрович был настолько раздражен «глупым делом» Пьери, что посчитал не лишним строго выговорить своему «братцу» (как он называл Павла Сергеевича) за его попытки выгородить себя, в том числе с помощью «пышного слога писем» с перечислением своих заслуг на Кавказе. «На что мне возносишь труды свои?» — спрашивал князь. На поздравление по поводу именин, полученное от Павла Сергеевича, он ответил, что предпочел бы в качестве подарка сообщение о «приведении всего в порядок».²²

П. С. Потемкин сам, без нужды, подставился под горячую руку своим стремлением перестраховаться там, где никто его ни в чем не обвинял. Возможно, генералу чего-то не хватило, чтобы прийти к не слишком сложному умозаключению: выводя себя из-под удара, который ему не грозил, он вольно или невольно оставлял всю ответственность на Григории Александровиче, коль скоро непосредственный виновник неудачи, Пьери, был мертв.

Между тем «светлейший» быстро потерял интерес к вопросу «кто виноват». Его больше волновал тот факт, что на Северном Кавказе «все в расстройке», даже в умах военных. К такому выводу его привело не только поражение от Мансура, но и неспособность должностных лиц «ясно описать обстоятельства» этого происшествия: «все основано на слухах и гаданиях».

«Расстройку» Г. А. Потемкин усмотрел и в принципах распределения войск, при котором «ненужные посты, в степи расположенные, растаскивают людей много и больше разделяют заботу командира, нежели служат к какой-либо пользе».

После унижительного фиаско Пьери князь Потемкин ускорил запланированное ранее укрупнение полков и произвел некоторую структурную реорганизацию в кавказских войсках, призванную усилить их маневренность и более эффективно распределить между ними зоны ответственности.

Для проверки исполнения своих предписаний Григорий Александрович собирался приехать на Северный Кавказ с инспекционным визитом. От Павла Сергеевича он требовал «расшевелить спящих», предупреждая: «Я строго буду осматривать полки. Сообщите полковникам, что сей смотр будет не на шутку».

²² Григорий Александрович прямо заявил своему брату, что родство — родством, а служба — службой.

Справедливости ради нелишне заметить, что среди русского офицерства было немало и тех, кто остро ощущал необходимость учиться умению вести эту странную горную войну. Учиться на собственном опыте и во многом по наитию, ибо военные учебники далеко не всегда годились «для отыскания чего-либо сходного».

Иначе говоря, опираться на прецеденты из мировой стратегической практики было, как правило, бесполезно. Каждая боевая ситуация в горах имела свои коварные особенности. На микроуровне эта учеба имела особое значение, она была вопросом жизни и смерти. Поэтому командиры мелких подразделений осваивали науку выживания быстрее и успешнее генералов, которым, впрочем, тоже приходилось радикально пересматривать свои представления и приравниваться к «другой войне».²³

В одном мемуарном источнике есть признание русского офицера о том, что он, выбирая место стоянки для своего эскадрона, взял за правило три часа, не слезая с коня, изучать окружающий рельеф в мельчайших подробностях, чтобы не оказаться в ловушке.

²³ В 1783 году во время экспедиции в Атаги полковник Кек, идя к аулу через Ханкалинское лесистое ущелье, предусмотрительно оставил там арьергардный батальон, который при возвращении основного отряда не дал чеченцам устроить засаду. Если бы два года спустя Пьерри сделал бы то же самое при наступлении на Алды, военный (а с ним, возможно, и политико-психологический) результат был бы иным.

Глава 5

ЧТО ДЕЛАТЬ С ПОБЕДОЙ НАД РУССКИМИ?

Ничто не могло бы подействовать на воображение чеченцев сильнее, чем «чудо из чудес», продемонстрированное Мансуром.²⁴ Русская неудача, как писал С. М. Броневский, «прославленная и увеличенная в горах, привела горские народы в высокоумие и тем вяще утвердила доверенность их к Шейх-Мансуру (у Броневского: «Шаху Мансуру». — *В. Д.*). Разнеслось предубеждение, что при нем магометане будут непобедимы, и даже ядра российские вредить им не смогут».

Пророческий статус и авторитет Мансура упрочились — настолько, что их не смогла затмить следом проведенная операция возмездия, в ходе которой горцы понесли существенный урон в живой силе (не менее двухсот человек). Мансура признали своим вождем почти все чеченские общества. Мало кто осмеливался критиковать его распоряжения и вводимые им нормы жизни, даже самые несуразные и противоречившие духу ислама. Иными словами, благодаря победе над Пьери вера горцев в имама-чудотворца приобрела определенный запас прочности.

У Мансура появились шансы вовлечь в свое движение кабардинцев, пришедших в состояние волнения под воздействием слухов об успехах «пророка». Есть сведения, что к имаму в Алды приезжала кабардинская делегация, чтобы «переманить его к себе», но он якобы отказался, в ответ потребовав от них явиться к нему с собранным войском.

Дагестанское население оказалось менее впечатлительным, возможно, потому, что значительная его часть находилась под властью лояльно расположенных к России ханов. Что касается настороженной реакции предво-

²⁴ «Чудесная» победа над русскими стала одним из героических сюжетов чеченских преданий, которые, как известно, передают исторические события на свой, баснословный лад, сложно переплетая правду и вымысел.

дителей вольных обществ, то она объяснялась их нежеланием уступать свое влияние на соплеменников какому-то пастуху.

От осетин и ингушей эмиссары Мансура тоже вернулись ни с чем. Эти народы отказались следовать новому учению, точнее — вульгарному и оторванному от реалий жизни толкованию ислама, проповедуемому богословски не вполне образованным самозванцем. Не следует также сбрасывать со счетов определенные успехи православного миссионерства среди осетин и глубоко укоренившиеся языческие обычаи ингушей, являвшиеся защитным барьером от внешних идей.

Мансура это не смутило. Он надеялся, что с каждой новой победой силы его будут прирастать теми, кто пока еще колеблется. «Пророк» верил в свою правоту и удачу, но, чтобы в это же поверили другие, нужно было постоянно побеждать. Постоянные победы были невозможны, а победами редкими, приносящими лишь славу, оплаченную немалыми жертвами, власть над горцами долго не удержишь. Мансур интуитивно чувствовал необходимость синтеза идейного и материального, ислама и обычая.

Важным подспорьем здесь являлся тот факт, что между этими, казалось бы, противостоящими друг другу категориями не было непроходимого барьера, — более того, существовала внутренняя диалектическая связь. Отдельные нормы ислама вполне гармонировали (по крайней мере, были адаптируемы) с отдельными традициями горских обществ, в частности — с наездничеством, считавшимся молодеческим, похвальным занятием, с помощью которого горец завоевывал социальный авторитет, с одной стороны, и добычу — с другой.

Мансур все яснее осознавал, что путь к политической власти пролегает не только через проповедь, но и через достойное материальное вознаграждение сподвижников за приверженность вождю и его учению.

Идеальным источником такого вознаграждения был богатый Кизляр, о предстоящем и столь долгожданном походе на который Мансур торжественно возвестил сразу после победы над Пьери. Но Кизляр был не только торговым городом, где имелось чем поживиться, но и крепостью с гарнизоном, способным оказать сопротивление.

«Пророк» понимал: одно дело нанести поражение окруженному в лесу русскому отряду, используя партизанские методы, другое — атаковать укрепленную крепость по всем правилам военного искусства. Поэтому он решил прежде выбрать более уязвимые места, чтобы не рисковать, ставя на карту свою полководческую репутацию.

В июле 1785 года Мансур напал на маленький Каргинский редут, верстах в пяти от Кизляра. Поскольку, несмотря на огромное численное превосходство, овладеть редутом горцам не удалось, они подожгли его. Взорвавшийся

в результате пороховой погреб уничтожил укрепление. Отряд, посланный из Кизляра, где узнали об этом деле случайно, подоспел поздно, но тут же ударил по чеченскому воинству, посеял среди них беспорядок и загнал в топкие болота (там Мансур едва не потонул), откуда они с трудом выбрались, чтобы бежать за Терек.

Однако горская молва, не без помощи пропагандистского искусства имама, разнесла не эти подробности, а рассказы о его новой славной победе над нечестивцами. Сам же Мансур понял, что для похода на Кизляр его войско еще недостаточно велико и боеспособно. Вопрос — кем пополнить его — встал остро и срочно.

* * *

Имаму пришлось пересмотреть свой повелительный тон, который он еще совсем недавно позволял себе в отношении кабардинцев, когда, в ответ на их приглашение приехать к ним, дал понять, что это они должны явиться к нему, а не наоборот. Теперь в свете насущной необходимости в наращивании боевой силы Мансур готов был сам отправиться в Кабарду за подмогой. А это уже напоминало скорее просительный акт, чем требование.

Имам унимал свою гордость неспроста. Кабардинцы были широко известны своей великолепной военной организацией и выучкой. В «мирное время» все это растрачивалось на междоусобицы, приближавшие Кабарду к полному политическому распаду. Мансур предложил другую область применения этого исторического капитала — борьбу с Россией, ее пособниками и вообще с неверными. Если он знал что-то об истории русско-кабардинских отношений, то ему, вероятно, было ведомо, что эти отношения, при всей их неоднозначности, вряд ли дадут ему гарантию превращения похода в Кабарду в триумфальное шествие.

Однако в том, что «пророк» вселил надежду во многих, включая часть кабардинцев, сомневаться не приходилось. В нем увидели объединяющую и примиряющую силу, третейского судью, гаранта против произвола²⁵ князей не только по отношению к своим крестьянам, но и к своим вассалам (узденям) — некоему аналогу служилого дворянства. Эти люди многократно жаловались русским властям, но те воздерживались от вмешательства, балансируя между различными социальными силами, дабы сохранить влияние на каждую из них. И такая позиция зачастую не устраивала всех.

²⁵ Понятие «произвол» употребимо здесь в весьма специфическом смысле — не как средство описания «острых классовых противоречий», а как отражение княжеской политики поправки вековых обычаев, регламентирующих отношения между «верхами» и «низми». Именно это, в глазах патриархального общества, являлось преступлением, а отнюдь не сам факт несения «холопских» и узденских («дворянских») повинностей перед князем, которые всеми воспринимались как законный институт социальной жизни.

С точки зрения нейтрализации этих противоречий, имя Мансура, обраставшее легендами, представляло собой таинственное и поэтому более обнадеживающее явление, в котором каждый додумывал то, что ему было по душе.

В кабардинском обществе, раздираемом усобицами, однозначного отношения к «пророку» быть не могло в принципе. Его воспринимали с настороженностью не только лояльные к России князья. Делиться властью и влиянием на своих «подданных» не хотел никто.

Речь могла идти лишь о военно-союзнических отношениях для достижения общей на данный момент цели. Ответ на вопрос «в чем эта общая цель?», на первый взгляд, прост — борьба против России. Но без надежды на победу любая борьба бессмысленна. Мансур обещает победу, и теперь выбор был за кабардинцами — верить ему или нет.

В отличие от «пророка», кабардинские князья имели долгий, исторический опыт общения с Россией и имели более достоверное представление о ее силе. Вполне вероятно, что эти знания заставляли осторожно относиться к рассказам о военных «триумфах» Мансура. Иначе говоря, история с Пьери и взрыв в Каргинском редуте — это, конечно, вести приятные для врагов России, но ведь погибло-то всего несколько сот русских солдат, которых у императрицы Екатерины II несметное количество.

На этом вопросы не заканчивались. При всей объективной заинтересованности кабардинской знати в третьей силе, а кабардинских крестьян — в защитнике от «своих» мироедов, нетрудно было предположить, что за услуги Мансура в наведении порядка в расколотом обществе, где не все жаждут этого самого порядка, придется платить. Вопрос «кому, чем и сколько» был далеко не праздным.

Имелось еще одно обстоятельство чрезвычайно деликатного характера. От чужака, претендующего на лидерство, требовались неоспоримые доказательства обоснованности таких претензий. Тем более если учесть, что эти доказательства должен был предъявить какой-то безродный пастух, и не кому-нибудь, а кабардинским князьям, знавшим свои родословные наизусть и отличавшимся особыми манерами, в чем-то похожими на правила поведения западноевропейского рыцарства.

Это было крупным психологическим препятствием на пути распространения харизматической энергии Мансура. Массового, всенародного подъема в Кабарде не произошло, хотя какая-то часть населения (князь Дол со своими людьми) присоединилась к имаму, да и то весьма условно, оставляя за собой большую свободу действий.

Ожидать полной пассивности горцев в сложившейся ситуации было нереально. На Северном Кавказе ни один призыв к участию в военном предприятии, сулящем материальное вознаграждение, не оставался без ответа.

И чем убедительнее звучал этот призыв, тем большее число людей собиралось вокруг того, кто звал за собой. А уж убеждать Мансур умел.

В конце июля 1785 года Мансур, вместе с примкнувшими к нему кабардинцами, появился около Григориополиса, небольшого редута между Владикавказом и Моздоком (не путать с Григориополисом на Кубани). Используя преимущества местного ландшафта, горцы осадили укрепление и стали готовиться к штурму, открыв сильный ружейный огонь по противнику. Видя бесполезность такой тактики, Мансур велел поджечь окрестные строения, чтобы под прикрытием дымовой завесы атаковать укрепление.

Руководивший обороной подполковник Вреде, знавший нравы противника, ответил своей хитростью. Он стал выпускать из крепости скот мелкими партиями. Горцы, позабыв обо всем, бросились на добычу и попали под артиллерийский огонь, понеся большие потери. Не дав войскам «пророка» опомниться, Вреде предпринял стремительную контратаку и обратил их в бегство. Осада Григориополиса закончилась полным провалом.

Если русские власти рассчитывали на поучительный эффект данного события, то напрасно. Лишь немногие из кабардинцев, участвовавших в предприятии Мансура, принесли России повинную и вернулись в свои села. Социально-политическое напряжение в Кабарде не спадало, а скорее даже усиливалось. Еще больше углубился традиционный раскол между князьями. Одни поддержали Мансура, другие остались верны России, третьи пребывали в нерешительности, пытаясь сохранить нейтралитет и испытывая противоречивые чувства к обеим сторонам.

Мансур, стремившийся к устранению междоусобного беспорядка на основе объединения горцев под знаменем ислама, добился противоположного. Беспорядок не исчез, а усилился благодаря смятению, внесенному в сознание знати и простолюдов.

Люди плохо понимали, чего именно хочет от них Мансур. Понятым он становился лишь тогда, когда звал грабить русские поселения. Все остальное было слишком сложным, требовало работы мысли, отказа от обычаев предков — то есть радикальных изменений, которые горцам претили. Разумеется, его харизматическая персона и явленные им чудеса вызывали любопытство. Но само по себе это чувство не могло породить массовый порыв, обращенный к ясной цели и наполненный общедоступным смыслом.

Если раньше социально-политические противоречия на Северном Кавказе находились в более или менее статичном состоянии, то Мансур, вопреки задуманному, привел их в хаотическое движение. Обычный кавказский беспорядок, относительно стабильный и «гармоничный», приобрел другую динамику. Он распространялся стихийно, как лесной пожар, и в основном в западном направлении — Большая Кабарда, Черкесия.

Каждый князь, каждый вождь племени, каждый уздень старался приобщиться к этому почти броуновскому движению, найти в нем свой интерес. Общего политического знаменателя в этом движении не было. Вставая под флаги Мансура, знать и «чернь» преследовали разные цели. В каком-то смысле можно представить себя на месте тех и других.

«Пророк» ведь шел на запад не столько увещевать, сколько подчинять своему «учению» и своей воле. Церемониться со строптивыми он не собирался. Нужно было либо оказывать ему сопротивление, либо покоряться. Для кабардинской знати Мансур был слишком очевидным политическим соперником, который мог нанести чувствительный удар по ее слабым социальным тылам.

Власть князей над зависимыми категориями населения, перед лицом тех проповедей Мансура, в которых порой слышались нотки эгалитарной риторики, оказывалась под угрозой. Для устранения именно этой угрозы знать предпочла присоединиться к пришельцу. А простолюдины, напротив, видели в нем силу, способную решить проблему, в отношении которой Россия проявляла непоследовательность, — освободить их скорее от ненавистных, чем непосильных повинностей.

Но это лишь грубая, умозрительная схема. В реальной жизни все было далеко не столь однозначно и всегда по-разному — когда сложнее, а когда и проще.²⁶

У историка есть все основания задуматься над вопросом — а почему Мансур не стал развивать свою военно-идеологическую экспансию в другом направлении — Кумыкия, Центральный, Приморский и Южный Дагестан? Не потому ли, что в социально-политической текстуре Северного Кавказа он старался нащупать самые слабые места, чтобы управлять беспорядком, поставив его на службу своим планам?

И еще вопрос — а, собственно, что это были за планы? Если они предполагали создание теократического государства (наподобие будущего имама-та Шамиля), как считают исследователи, то это был настолько сырой проект, что о нем можно лишь догадываться в свете последовавших почти через полвека событий. В документах, касающихся движения Мансура, нет намека даже на общие контуры идеи строительства такого государства.

²⁶ В отечественной историографии есть примеры явно преувеличенного, вульгарного толкования социально-эмансипаторских мотивов в деятельности Мансура. «Зависимые сословия Кабарды, — писал В. А. Потто, — изнемогавшие под тяжким гнетом своих владельцев, с радостью приветствовали принесенное им *учение о незаконности княжеской власти* (курсив мой. — В. Д.)». Однако в тех скудных источниках, которые в состоянии пролить хоть какой-то свет на «учение» Мансура, ничего не говорится о «незаконности княжеской власти». А если допустить, что В. А. Потто в данном случае прав, то его мысль об «антифеодальной» природе проповедей Мансура плохо согласуется со следом идущим утверждением историка, что «страх потери подвластных невольно увлекал их (князей. — В. Д.) на сторону имама», и лишь «из опасения русских штыков» «они не решались открыто передаться Мансуру». Пожалуй, единственное, чем можно оправдать подобную путаницу, так это наличествующим в работах В. А. Потто общим пониманием неоднозначной, неформившейся сущности идеологии Мансура.

Это подсказывает гипотезу. Возможно, лояльное отношение кабардинской знати к имаму объяснялось тем «успокаивающим» фактом, что он не располагал институтом организованной власти, способной подчинять себе.

Как бы там ни было, чтобы дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе, «политики», проводимой Мансуром, хватало вполне, но для стратегического управления данной ситуацией соответствующих доктринально-политических и личностных ресурсов у него (в отличие от Шамиля) было явно недостаточно.

* * *

Искать в этом утешение русские военные власти не могли себе позволить. В конкретной обстановке августа—ноября 1785 года для них не имело никакого значения — носило ли это движение политический характер или нет. Главное заключалась в том, что с распространением слуха о Мансуре заметно участились набеги горцев на русские поселения Северного Кавказа — набеги, как и прежде, не имевшие никаких иных целей, кроме грабежа, угона скота и пленения людей. Особенно активизировались кабардинцы и закубанские черкесы.

Мансур стремился использовать это обстоятельство в своих интересах, а русские власти — помешать ему. Горцы совершали вылазки то там, то здесь. Реагировать на каждую из них не представлялось возможным, поскольку русские войска (всего 27 тысяч человек) были рассредоточены по всей линии от Кизляра до низовьев Кубани. Маневрировать ими в условиях непредсказуемости противника было крайне трудно.

«Раздробленное повсюду малыми частями наше войско, — сообщал один очевидец, — не в силах было поставить должной преграды неприятелю подблющемся приливу и отливу морскому; грабежи по дорогам, нападения на все посты слабые были столь часты, что никто не смел из крепостей показаться, ежели не желал на веревке водим быть в горы».

Отвечали лишь на крупные, хорошо подготовленные набеги — на те, информация о которых добывалась относительно легко. Один из таких набегов с участием около 1 тысячи кабардинцев успешно отразил отряд генерал-майора Шемякина в районе реки Малка в начале августа 1785 года.

Мансур продолжал обещать горцам большие победы над русскими и большую добычу. Выполнить эти обещания и доказать свою военную состоятельность можно было, лишь захватив Кизляр. После неудачной первой попытки (нападение на Каргинский редут) ничего не оставалось, как предпринимать вторую, на этот раз уже прямо нацеленную на Кизляр.

Одним лишь объявлением о своем намерении Мансур обеспечил приток в свои ряды самой разношерстной массы, влекомой отнюдь не высокой исламской эзотерикой, а совершенно земными побуждениями.

Кроме чеченцев и кабардинцев, это были люди из лезгинских и кумыкских обществ. Характерно, что большая часть северодагестанской знати отказалась присоединяться к Мансуру (шамхал тарковский, костековский и эндирейский владетели), но удержать своих «подданных» от антироссийских действий им зачастую не удавалось. (Что лишний раз свидетельствовало о степени неразвитости политических организмов Северо-Восточного Кавказа.)

Не удавалось и Мансуру, опять-таки в отличие от Шамиля, решить проблему управления горцами в рамках хотя бы какой-то организации, достойной иного названия, чем «скопище», обычно употреблявшегося в документах того времени. Чем быстрее шел прирост горского воинства, тем выше становился уровень его дезорганизации. Это ставило перед Мансуром сложнейшие полководческие задачи, справиться с которыми было вне человеческих возможностей.

Нападение на Кизляр, наконец-то последовавшее 19–21 августа 1785 года после более чем четырехмесячной подготовки, — еще одно тому доказательство. Мансур имел почти пятикратное превосходство (10–12 тыс. человек против 2,5 тыс. обороняющихся). Кизлярский гарнизон еще никогда не стоял лицом к лицу с такой опасностью. Среди гражданского населения началась паника.

Парадокс, однако, заключался в том, что численное преимущество горцев оказалось на руку не Мансуру, а русским. Сам он, безусловно понимая, в чем состояли просчеты, допущенные им при атаках на Каргинский редут и Григориополис, рад бы был не повторять их, если бы все зависело от его воли. Но стихия набега подчинялась лишь собственной логике, исключая военно-стратегические и, тем более, политические задачи. Эта стихия заставляла Мансура, какие бы планы он ни вынашивал, становиться банальным предводителем предприятия, преследующего единственную цель — добычу.

Он пытался внести в действия горцев осмысленность, заставить их шире смотреть на вещи, направить внутреннюю энергию общества в реформаторское русло. Но тщетно.

Революционный замысел Шейх-Мансура понимали лишь избранные. Да и они схватывали идею скорее интуицией, чем разумом. Даже сам «пророк» не был готов придать ей четкое звучание ни в теоретическом, ни в практическом плане. В его проповедях, как, впрочем, и в его деятельности, заметны непоследовательность, расхождения с исламскими канонами, компромиссы с адатами, за что его упрекали доморожденные горские богословы. Идея, еще не созревшая в сознании реформатора, не могла овладеть массами.

Мансур не был великим знатоком Корана, но он обладал исключительным социальным чутьем, подсказавшим ему мысль о необходимости максимально вульгаризировать тонкие духовные материи, чтобы сделать их более или менее доступными массовому восприятию.

По большому счету, нападения на русские крепости и вообще борьба против России были для Мансура не самоцелью, а средством социальной мобилизации горцев для осуществления (как позволительно опять-таки лишь осторожно предполагать) государственно-теократического проекта. Пожалуй, единственное, но зато главное, что различимо в его смутных контурах, — это принцип надэтнического объединения горцев на основе исламизации и вытеснения адатов. Россия — враг постольку, поскольку она стояла на пути к этой цели и вынашивала совсем другие планы в отношении Северного Кавказа.

Если бы у Мансура была малейшая возможность избежать столкновения с Россией, он бы непременно ею воспользовался. Беда в том, что этой возможности не было ни у Мансура, ни — позже — у Шамиля, который, в отличие от своего предшественника, имел четкие представления о том, какие организационные формы наиболее эффективны для реализации исламской реформации.

Мансур не был ни пророком, ни дьяволом. Он, как можно осторожно предполагать, был очень далеким прообразом тех социально-религиозных преобразователей, которые поднимутся на волне сложнейших процессов, происходивших на Северном Кавказе в 20-х годах XIX века. Мансуром двигала не ненависть к гяурам вообще и к русским в частности, а революционная идея.

С определенными оговорками можно поверить словам одного из приверженцев Мансура: «Он есть удостоенный и избранный от Бога, человек добрый и справедливый. Он *не велит обижать христиан и других беззаконников* (курсив мой. — В. Д.), приказывает наблюдать закон магометанский. К стороне вашей (русской. — В. Д.) убытку... не желал».²⁷

Мансур воевал с Россией лишь потому, что именно она была основным препятствием к осуществлению мечты. Россию нужно было представить в образе врага и соединить этот образ с материальными стимулами в виде обещания богатой добычи для борцов с неверными: другого способа придать обычной военно-набеговой практике горцев перманентный и целенаправленный характер не существовало.

Этим обуславливался его настойчивый интерес к Кизляру, выразившийся в новой попытке захватить город. Это был объект, достойный его амбициозных военно-политических планов. Но внутренняя сущность этих планов вновь и вновь оказывалась вне пределов понимания тех, кто шел за «пророком». Атаковав окрестности Кизляра (19–20 августа 1785 года), горцы предались грабе-

²⁷ Вполне допустимо предположение о том, что Мансур понимал сакральную природу лобой веры и относился к христианству с уважительной терпимостью. Как тут не вспомнить Шамиля, который построил на территории своей резиденции православную церковь для служивших у него русских перебежчиков.

жу, совершенно потеряв из виду стратегическую цель — овладение крепостью. Это дало обороняющимся выигрыш во времени и возможность правильно подготовиться к контрнаступлению, в результате которого войска Мансура понесли чувствительные потери и «в беспорядке отступили за Терек».

Нападение на Кизляр во второй раз закончилось неудачей. «Пророк» не стал возвращаться в Чечню, где он потерял поддержку, а скрылся в кумыкских аулах, из которых он, после скитаний, выбрал в качестве места пребывания Эндирей. Рядом с ним осталась лишь горстка (девять чеченцев) беззаветно преданных ему людей.

На тот момент прежний социальный ресурс Мансура был почти полностью исчерпан. Имам больше не мог рассчитывать на тех, кто на своем скорбном опыте убедился, что его «пророчества», обещанные им победы над русскими и сопутствующее материальное вознаграждение — миф, развеянный под Кизляром, богатства которого служили главным источником боевого вдохновения.

Теперь рекрутская база Мансура, судя по всему, заметно сузилась и еще больше маргинализировалась. Под его знамена, с которых окончательно стерлись «идейные» лозунги, стали стягиваться «толпы бездомников, искателей приключений, вообще людей сомнительного поведения».

Мансур, понимая всю бесперспективность перспективы превратиться в классического предводителя разбойников и заложника их примитивных устремлений, начал искать сторонников за пределами Чечни и Дагестана, где ему уже не верили. Ему нужны были не свидетели и не жертвы его поражений, а те, для кого он пока еще оставался легендой. Сохраниться этот легендарный образ мог лишь на приличном удалении от дурнопамятных мест вроде Кизляра. Логика, с которой у Мансура было все в порядке, подсказывала единственный вариант — искать продолжение своей «военно-политической карьеры» на западе от Чечни, то есть в Кабарде и Черкесии.

* * *

Наступившее затишье создавало впечатление, что движение выдохлось. Н. Ф. Дубровин (и другие русские историки), усматривал принципиальную ошибку местного военного начальства в том, что оно благодушно поддалось этому ощущению вместо того, чтобы довести дело подавления волнений до конца.

В устах исследователей, анализирующих события почти столетней давности, то есть уже знающих, что за чем последует, эта критика справедлива. Однако нелишне войти в тогдашнее положение русских властей на Северном Кавказе. С подобным явлением они встречались впервые. Предвидеть пути его развития, при отсутствии аналогичных прецедентов в прошлом, было практически нереально.

Кто мог бы с уверенностью утверждать, что после трех поражений, охладивших воинственный пыл горцев, Мансур не потеряет охоты начинать все заново, явно злоупотребляя милосердием судьбы, уже не раз спасавшей его от гибели?

Следует учесть еще один фактор. Образование в 1785 году (фактически — в начале 1786 года) Кавказского наместничества-губернии ясно говорило о намерении Екатерины II придать курсу на социально-политическую и хозяйственную интеграцию горских народов в имперскую систему устойчивый, динамичный, поступательный характер. Данная политика была адресована народам, уже перешедшим в категорию подданных Российской империи, что предполагало последовательный отказ от силовых методов, к которым, впрочем, Екатерина II и раньше не испытывала особой тяги.

И, наконец, дело было еще и в том, что до начала октября 1785 года Северный Кавказ оставался без главнокомандующего. Находившийся в Петербурге П. С. Потемкин судил о происходившем по докладам подчиненных, имевшим свое видение ситуации, которая менялась быстрее, чем эти доклады доходили до адресата. За время, необходимое для отсылки донесений и получения ответных инструкций, легко могло случиться, что эти инструкции вообще потеряют смысл по причине возникновения новых обстоятельств. До возвращения П. С. Потемкина никто из его подчиненных действовать на свой страх и риск не хотел, даже если бы и был уверен в целесообразности решительных военных мер.

Вполне понятна и логика самого главнокомандующего, который, не видя всего своими глазами, воздерживался от распоряжений радикального толка. К нему ведь шли в основном победные реляции о «славных делах» при Каргинском редуте, Григориополисе, Кизляре. Почему бы ему не поверить в то, что с Мансуром, который еле унес ноги от преследовавших его русских войск и лишился почти всех своих соратников, покончено?

Видимо, под влиянием этой иллюзии П. С. Потемкин посчитал главной задачей добиться от «заблудшей части» горцев «чистосердечного раскаяния», которое не будет «отринуто» «милосердием Великой Екатерины». Естественно, такая установка предполагала увещевания, переговоры, «ласкания», и, судя по ряду признаков, он собирался самолично проводить эту линию по возвращении из Петербурга.

Пока курьеры везли на Северный Кавказ соответствующие распоряжения П. С. Потемкина, местная обстановка вновь стала принимать угрожающий характер. Поражения Мансура не произвели на горцев того впечатления, на которое рассчитывали русские власти. Вместо разочаровавшихся у него, пусть и не в прежних количествах, появились новые последователи, еще не имевшие опыта военных неудач под знаменами «пророка».

Мансур, несмотря на свои поражения, оставался точкой притяжения для определенной части горцев, для одних (абсолютное большинство) — по сугубо материальным соображениям, как полководец, обещавший и, возможно, способный организовать крупные промысловые рейды; для других (мизерное меньшинство) — по соображениям духовным, связанным с исканиями новых идеалов и новых основ общественной жизни.

Чувствуя это, он вновь принимается за проповеди, которые искусным сочетанием земного и возвышенного привлекали и «стяжателей», и «идеалистов». Шли в ход и угрозы: тех, «кто ко мне не последует, буду грабить». Эти запугивания действовали не на всех. 12 октября 1785 года жители Брагун попросту не пустили к себе посланцев имама, и он затаил желание наказать их.

В Эндирей, где поселился Мансур, стали стекаться люди с разными мотивациями — партиями и поодиночке. В начале сентября у него собралось до 500 человек. Это, конечно, не те 10–12 тысяч, что атаковали Кизляр, но зато примечателен сам факт, что новую волну рекрутов составляли горцы, представлявшие географически более обширную, чем прежде, территорию. Это были уже не только чеченцы и кумыки, проживавшие в треугольнике «Аксай — Эндирей — Костек», но и люди из аулов Казанищи, Губден, Эрпели, Карабудагкента, Каякента и даже из столицы Аварского ханства Хунзаха.

Даже некоторые обычно лояльные к России кумыкские князья, чтобы не потерять влияние на своих подвластных, были вынуждены принять сторону Мансура. Они вполне искренне оправдывались перед русским начальством безвыходным положением, хотя кое-кто из них, возможно, и сочувствовал «пророку».

Среди сочувствовавших были многие кабардинские князья, по-прежнему недовольные покровительственной политикой России в отношении бежавших от них холопов. Русским властям предъявили соответствующие требования, в случае невыполнения которых князья оставляли за собой право присоединиться к Мансуру. Вероятнее всего, кабардинская знать, свысока смотревшая на беспородного «пастуха», рассматривала его лишь как идеальную возможность шантажировать Россию. Подчиняться ему она, конечно, и не думала.

Перед Мансуром остро стояла проблема набора в его «армию». Причина не только в тех трех военных неудачах, которые оттолкнули от имама чеченцев — основной костяк его войска. Дело еще и в другом. Замыслы его были слишком аморфны, чтобы широкие массы захотели проникнуться ими.

Идея «освобождения от гнета России» являлась совершенно неактуальной, потому что этого гнета никто не ощущал по причине его отсутствия: во внутреннюю жизнь горцев российская администрация практически не вмешивалась.

Религиозный мотив объединения против неверных также не имел достаточного консолидирующего потенциала. Тотально доминирующей духовной

и социально-организующей силой ислам на Северном Кавказе так и не стал из-за мощного сопротивления адата. Преодолеть его в условиях, когда главный вдохновитель антиадатного движения сам находился в мучительных поисках, было невозможно. Мансур был бесконечно далек от того конкретного теократического плана, который Шамиль принялся воплощать в жизнь едва ли не с первых дней своего имамства.²⁸ Для соединения высокой идеи с реалиями жизни требовалось еще очень много недостающих обстоятельств и объективного, и субъективного характера. Созревание этих обстоятельств представляло собой сложнейший процесс, управлять которым даже выдающаяся личность была не в состоянии.

Единственное, что оставалось Мансуну, — играть на восприимчивости горцев к материальным стимулам, на не слишком ярко выраженных противоречиях между «верхами» и «низами» общества, а также на антироссийских настроениях определенной части северокавказской знати.

В начале сентября имам опять объявил, что пойдет на Кизляр. Те, кто уже однажды обжегся на этом предприятии (в основном чеченцы), отказывались испытывать судьбу еще раз и предлагали совершить набег на другое значное место (Калиновскую станицу). Однако вождю требовалась не столько добыча, сколько символ победы над русскими гяурами, как средство привлечения новых приверженцев.

Найти живую силу в достаточном для решения военно-политических задач количестве было трудно. Постоянно держать рядом с собой большую массу людей без дела Мансур не мог: ни один аул не согласился бы на такой обременительный постой.²⁹

Горцы привыкли собираться на короткое время, а после набега расходиться по домам. Для того, чтобы воспитать у них другие привычки, нужна была огромная преобразовательная работа, а она, в свою очередь, требовала исторически подготовленной социально-политической почвы. Но именно с этим дела обстояли совсем не так, как хотелось бы имаму, и он был вынужден приспособливаться к такой ситуации.

Поэтому в течение сентября Мансур распустил (а возможно, они разошлись сами) те 500 человек, которые откликнулись на его призыв к новому нападению на Кизляр, но которых было для этого явно недостаточно. Рядом с ним осталось человек сто. В их сопровождении он стал объезжать кумыкские аулы, куда приезжали на переговоры и кабардинские князья.

Ключевым моментом этой агитационной кампании оставалось обещание взять в Кизляре богатую добычу. Мансур вольно или невольно стано-

²⁸ Но и Шамиль с его государственно-теократическими институтами, даже близких аналогов которых не было у Мансура, потерпел полное фиаско в борьбе с адатами.

²⁹ На то, что Мансур понимал это, указывают его попытки устроить себе резиденцию вне горских поселений.

вился идейным вдохновителем этого нападения, хотя его будущим участникам никакой идеи не требовалось.

Охладевшим к нему чеченцам имам заявил, что публично предаст себя сожжению, если и на этот раз ему не удастся выполнить обещанное. Большинство горцев без энтузиазма выслушало «окружное послание» Мансура и оставило его без ответа.

Активнее реагировали на призывы Мансура некоторые представители кабардинской знати, вновь предложившие ему явиться к ним и руководить военными действиями против России. Тот не решился, зная, что безусловной поддержки в Кабарде у него никогда не будет. Вместо самого «пророка» кабардинцы получили от него знамя и инструкции — тревожить русских на всем протяжении Кавказской линии, пока он будет атаковать Кизляр.

Поведение кабардинских князей в этот период современники и историки склонны рассматривать как непосредственную реакцию на агитационно-пропагандистскую кампанию Мансура. Если они и правы, то, скорее всего, лишь отчасти. Князья не имели ничего против того, чтобы их просветили в вопросах, касающихся правильного соблюдения мусульманских обрядов и благочестия. Но они не принимали в проповедях имама то, что можно было истолковать как социально-эгалитарные, «антифеодальные» идеи.

Имелось также подозрение о наличии политического подтекста в идее о дагестанско-чечено-кабардинском военном союзе против России. Вопрос о том, кто будет главенствовать в этом объединении и как долго, имел для амбициозных элит Кабарды принципиальное значение. Ведь одно дело — предоставление временных полномочий военному предводителю, способному направить набеговую стихию в организованное русло с целью причинения России максимального ущерба и принуждения ее к серьезным уступкам. Другое — построение теократического государства, где один будет властвовать, а остальные ему подчиняться.

Весьма проблематично, чтобы кабардинские князья с их исторически сложными отношениями с кумыками и чеченцами (первых они считали своими давними «геополитическими» соперниками, вторых — своими холопами) согласились бы поставить над собой человека, воспитанного не в традициях хабзэ, будь он даже семи пядей во лбу и пройди он все круги премудростей Корана.

Складывалась довольно противоречивая конъюнктура, обусловленная конфликтом интересов. В принципе, для кабардинской элиты сближение с господствующим классом Российской империи имело судьбоносное значение. И в этом смысле ей было не по пути с Мансуром, выгоды от союза с которым не шли ни в какое сравнение с преимуществами дружбы с Петербургом.

Петербург, однако, вызывал сильное недовольство своим нежеланием возвращать князьям их беглых холопов, нашедших приют на Кавказской линии. Выражалось это недовольство как в петициях, так и в отместке в виде набегов на русские поселения — вовсе не обязательно на те, что укрывали беглецов. И тут сугубо военное взаимодействие с Мансуром и общее волнение, которое он сеял среди горцев, оказывались весьма кстати.

Впрочем, кабардинцы в этом отнюдь не новом для себя занятии спокойно могли обойтись и обходились без чьих-либо указаний. Так, малокабардинский князь Дол, безотносительно к Мансуру, давно уже разбойничал в окрестностях Владикавказа, имея при себе отряд в 700 человек. На какое-то время он прервал сообщение между Россией и Грузией, в котором обе стороны особенно остро нуждались после заключения Георгиевского трактата.

Строительство этой русской крепости в 1784 году кабардинская знать расценила так же, как и возведение Моздока двадцатью годами раньше, — то есть как посягательство на свою территорию и создание еще одного убежища для беглых княжеских холопов.

С призывом к совместным набегам на русские поселения кабардинцы обратились к закубанским черкесам, еще ничего толком не знавшим о Мансуре. Долго уговаривать их не пришлось: они всегда были готовы к такого рода предприятиям, главным стимулом к которым являлась перспектива захвата добычи.

В начале октября 1785 года объединенные кабардино-черкесские партии по 400–500 человек совершили серию нападений на несколько русских укреплений и селений в районе современного Пятигорска и Невинномыска, захватили большое количество скота (более 1300 голов), пленили и увели в горы несколько десятков человек.

Между тем сам Мансур пока ничего особенного не предпринимал. От нового набега на Кизляр он всячески уклонялся, ссылаясь на желание горцев атаковать более предпочтительные цели, расположенные между станицами Шелкозаводской и Щедринской. Имам, ясно видя, что горцев интересует одно — «разорить селения и отогнать табуны» — вынужден был сообразовываться с этой мотивировкой. Но даже для сравнительно мелких разбойничьих вылазок у него не хватало сил, о чем свидетельствовало неудачное нападение на Каргалинскую станицу. Не солоно хлебавши вернулись и чеченцы (начало октября 1785 г.) из своих самостоятельных рейдов в Наурскую станицу и Моздок.

Глава 6

ВОЙНА И ПОЛИТИКА В СТРАТЕГИИ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА

В начале октября П. С. Потемкин наконец вернулся на Северный Кавказ уже в статусе главы только что образованного (пока лишь на бумаге) Кавказского наместничества. Представшую перед его глазами картину командующий в рапорте князю Г. А. Потемкину (от 2 октября 1785 года) охарактеризовал так: «Обстоятельства здешние в крайнем замешательстве, лжепророк собирается напасть на Кизляр и на все наши селения. Все кумыки, чеченцы и прочие горцы, даже часть дагестанцев, стекаются к нему для нападения на наши пределы».

В отсутствие П. С. Потемкина никто не решался брать на себя инициативу проведения системных стратегических мероприятий по упреждению планов Мансура. Один русский офицер, очевидец событий, острил: «В сей суматохе слабость голов наших генералов оказалась во всей своей силе, и они в нерешимости ничего не предпринимали». Дело было, разумеется, не в «слабости голов», а в опасении нарушить субординацию, превысить полномочия и потом расплачиваться за это, возможно, всей своей карьерой.

Поэтому русские войска решали лишь конкретные оперативные задачи оборонительного и чрезвычайного характера, диктуемые обстановкой. Офицерский состав ждал возвращения П. С. Потемкина с нетерпением, и, когда «пушечные выстрелы с валов крепости Георгиевской возвестили... приезд толико ожидаемого начальника», на смену всеобщей нервозности пришла планомерная военная работа.

Командующий оставил край в одном, относительно спокойном, состоянии, а застал в другом. В то время как просвещенная Екатерина II намеревалась прививать на новоприобретенных территориях своей империи начала

цивилизации и гражданственности, П. С. Потемкин столкнулся с куда более простыми и грубыми вопросами.

Прежде всего срочно нужно было элементарно защититься от участвовавших грабежей по всей Кавказской линии. Они носили рассеянный и бессистемный характер, и в этом была вся каверза. Отвечать на организованные нападения было гораздо легче, что подтвердил опыт столкновений с войсками Мансура.

С точки зрения своих оборонительных возможностей, Кавказская линия была очень уязвима благодаря большим прорехам в ней.³⁰ Рассредоточенные по всей ее длине русские войска состояли в основном из пехотных полков, большей частью некомплектных, нередко «в половинном числе против определенного (для полка. — *В. Д.*) штата». Быстро собрать нужные силы в нужном месте было почти невозможно: объект атаки горцы могли поменять мгновенно, в зависимости от степени его обороноспособности.

Пехота могла защищать поселения от набегов, но не преследовать нападающих. Недоставало именно такого важного военно-психологического оружия, как кавалерийские полки, испытывавшие недостаток в лошадях — в тех самых, что в разное время, по иронии судьбы, были тайно украдены горцами из небрежно охранявшихся полковых хозяйств. Впрочем, русская кавалерия была медленнее горской, как правило, легко уходившей от погони.

Горцы прекрасно изучили слабые места на Кавказской линии и совершали набеги только туда, где риск встретить мощный отпор был минимальный. Зачастую единственным средством возмездия оставался ответный поход в те аулы, откуда производились нападения, или использование традиции взимания баранты — нанесения адекватного ущерба противнику.

Поднятые Мансуром набеговые волны поставили перед П. С. Потемкиным проблему поиска упорядоченной системы отражения их, рассчитанной на ближайшую и отдаленную перспективу. Он сформировал три самостоятельные воинские соединения, в зону ответственности каждого из которых входили соответственно: Северо-Восточный Кавказ (против кумыков, чеченцев, дагестанцев), Центральный Кавказ (против кабардинцев), Северо-Западный Кавказ (против закубанских черкесов). Эти соединения включали все рода войск, предназначенные для решения тех или иных конкретных боевых задач — пехотные, казачьи, егерские полки, гренадерские батальоны, драгунские эскадроны, «туземное» ополчение, полевая артиллерия.

³⁰ Зачастую новопоселенцы были вынуждены сами заботиться о собственной защите. Станицы обносились глубокими рвами. Жители-земледельцы, с помощью официальных властей, обзаводились ружьями. Отставные солдаты превращали самооборону в более или менее организованное занятие.

Эти структурированные контингенты позволяли уже не только обороняться, но и гнать неприятеля, доставая его там, откуда он пришел. П. С. Потемкин искал и, похоже, отчасти нашел оптимальный выход из труднейшего положения — распределил малочисленные русские силы на Кавказской линии так, чтобы они могли держать под своим контролем реальные и потенциальные источники угроз на обширных территориях. П. С. Потемкин предложил пока еще очень отдаленный прообраз той системы, которую экспериментально опробует сначала А. П. Ермолов, а затем доведет до ума А. И. Барятинский.

Конечно, по степени эффективности, этот механизм, созданный на скорую руку и под давлением непредсказуемых обстоятельств, был далеко не идеален. Но он заставлял участников набегов основательнее задумываться над «рентабельностью» данного промысла, тщательнее изучать соотношение между соблазнами и опасностями.

Приводя войска в боевое состояние, П. С. Потемкин не терял надежды убедить хотя бы часть горцев в том, что Мансур — лжепророк и шарлатан, который никого «не спасет обманными чудесами» от справедливого возмездия за пролитие крови и грабежи.³¹

После возвращения из Петербурга П. С. Потемкин ощущал себя уже не только боевым генералом, перед которым стоят четкие профессиональные задачи, но и губернатором, ответственным за мир, покой, развитие цивилизации, просвещения и гражданских начал в крае, никогда ничего подобного не знавшем. Наместник понимал, что пока еще крайне трудно говорить с горцами на этом непонятном им языке. Но понимал он и то, что когда-то этот разговор надо начинать непременно.

На пути у П. С. Потемкина стоял Мансур со своим, политико-теократическим видением будущего Северного Кавказа. Идеи имама выглядели как яркая антитеза российско-имперскому проекту, и олицетворяла ее реальная и незаурядная личность. Такое препятствие необходимо было либо обойти, либо устранить.

В принципе (как мы увидим позже) наместник не исключал возможность привлечения «пророка» на сторону России по примеру многих местных ханов и князей. Остановка была за «малым»: требовался соответствующий сигнал со стороны Мансура.

В какой-то момент могло показаться, что нечто вроде такого сигнала он подал через старшин чеченского аула Алды (напомним — родина имама). Они уверяли П. С. Потемкина, что имам не имеет к России враждебных намерений — все его усилия сосредоточены на поправлении испорченных

³¹ Некоторые русские историки считали, что попытки П. С. Потемкина «склонить горцев увещаниями» были лишь потерей времени, позволившей Мансуру поправить свои дела.

нравов горцев с помощью точного соблюдения предписаний мусульманской религии и строгих наказаний преступников. Мысль о том, что Мансур «к стороне вашей (к России. — В. Д.) убытку не желает», звучала с особым акцентом. Старшины не скрывали своей готовности подчиниться ему как вождю, «удостоенному и избранному от Бога». Поэтому разрешение на переговоры с русским правительством относится к сфере его полномочий.

Сама постановка вопроса о переговорах была очень похожа на дипломатическое зондирование. Эта, пока еще осторожная и замаскированная, инициатива исходила от Мансура. Имам, вероятно, не надеялся, что русские захотят признать его в качестве законной власти и иметь с ним дело так же, как с потомственными дагестанскими ханами или кабардинскими князьями.

Не менее вероятно, что, стремясь к такому или большему уровню политической статусности, он боялся дискредитировать себя в глазах своих последователей слишком явным поиском прямых контактов с русскими. Будет гораздо лучше, если П. С. Потемкин услышит из уст народа, кто главный в Чечне, а стало быть, через кого можно управлять ею. Именно это и донесли до наместника чеченские старшины.

* * *

Не все, однако, было так просто. Популярность Мансура, его авторитет проповедника нельзя отождествлять с реальной властью, установить которую в Чечне никому и никогда не удавалось. Допустимо говорить о той или иной степени влияния имама на определенную часть населения, но силу, характер, достоверные объекты этого влияния историкам предстоит выяснять еще долго.

Открытым остается и вопрос о причинах резких перепадов уровня восприимчивости людей к призывам Мансура в пределах этнически однородных поселений и даже отдельно взятого аула.³²

Имам стал пленником своего рационального ума, подсказывавшего, что самым активным компонентом в механизме его воздействия на простых горцев является не столько пропаганда правильной, безгрешной жизни, сколько его вождизм промыслового толка, сулящий богатую добычу в набегах. От него ждали не поучений, а умелой организации прежде всего этой стороны «общественной» жизни.

Такая ситуация подрывала реформаторские планы Мансура, заставляя перенаправлять его амбиции в другое, более прозаическое русло. Удержать

³² Так, жители одного из самых крупных аулов Чечни Большие Атаги заверяли П. С. Потемкина в своей преданности России и в своей непричастности к предприятиям Мансура. Зная из истории цену таким заверениям, можно, тем не менее, предположить, что не все в них было лукавством.

возле себя сколь-нибудь значительное количество горцев в походном состоянии представляло собой задачу невероятной сложности. Иной объединяющей цели, кроме грабежа, у них не было.

Однако и тут они не могли договориться. Находившиеся в отряде имама дагестанцы (а их было большинство) предлагали идти на богатый Кизляр. Чеченцы предпочитали менее защищенные объекты для нападения — приречные русские поселения, расположенные неподалеку от горных ущелий, куда можно было увезти добычу.

Подавляющее большинство населения Северо-Восточного Кавказа, вне зависимости от степени интереса к личности Мансура или сочувствия к его учению, присоединяться к нему не решалось. Многие вообще не понимали, чего он хочет. А те, кто понимал, что от них требуют принципиально изменить вековые устои своей жизни, не собирались этого делать. Способность осознать и принять такие дерзкие идеи — всегда удел единиц. Горские народы, как и любые другие, не могли сплошь состоять из людей избранных и посвященных, тем более — из прирожденных революционеро-реформаторов.

Отдельной проблемой для Мансура были кабардинцы, руководствовавшиеся более сложными мотивами в своем отношении к имаму. Их интересовали набеги не только как традиционный промысел, но и как средство политического давления на Россию, которая своими имперскими планами, с одной стороны, подрывала социальный престиж и ограничивала привилегии кабардинских князей, с другой — становилась объективным препятствием на пути их геополитической экспансии.

Именно в экспансии они искали спасение от системного распада Кабарды. Ввиду массового бегства крестьян и холопов на территорию России, князья становились правителями без «подданных». Их высокий социально-политический статус терял смысл. В целях его сохранения они готовы были с остатками челяди переселиться куда угодно. Наиболее предпочтительное направление — Черкесия, где князья к тому же надеялись восполнить то, чего они лишились в Кабарде, — демографический потенциал — за счет некоторых черкесских племен, издавна находившихся в той или иной степени податной зависимости от кабардинской знати. В каком-то смысле ставилась задача — создать вместо старой, распавшейся и обессиленной Кабарды новую, но на другом месте.

Воспользовавшись затруднительным положением России, князья потребовали от нее возвращения бежавших на Кавказскую линию холопов. В противном случае они грозили присоединиться к Мансуру.

П. С. Потемкин не без основания считал, что уступка в этом вопросе будет расценена как признак слабости и спровоцирует новые попытки шан-

тажа. Наместник отказал князьям, подчеркнув, что на языке ультиматумов говорить с ним бесполезно.

Вместе с тем он не закрыл путь к переговорам на эту тему, но дал понять о наличии шансов лишь у тех, кто научится пристойно излагать свои просьбы и соблюдать верноподданническую присягу Екатерине II. Вернуть холопов — в принципе, возможно, «но сей милости должно сделаться достойными».

В общении с кабардинской знатью наместник уделял особое внимание задаче переиграть Мансура на пропагандистском, идеологическом поле, подорвать его моральное влияние, дискредитировав его, прежде всего, как самозванца и шарлатана. В своей прокламации к кабардинскому народу (от 23 октября 1785 года) П. С. Потемкин говорит, что в божественных откровениях Корана нет и намека ни на «пророка», ни на «имама» Мансура. Стало быть, он «льстец и обманщик», ослепляющий людей обещаниями чудес, так и не свершившихся. Мансур — посланник дьявола, «явившийся на гибель здешних народов». Он сеет зло, поощряет народную склонность к грабегам и разбоям, проливает кровь.

Любопытно заметить, что в стилистике обращения П. С. Потемкина к горцам присутствуют образные языковые приемы и эпические обороты, свидетельствующие о его понимании патриархального сознания и культуры.

Наместник не забыл и о собственных заслугах в деле обеспечения благоденствия Кабарды, утверждения там «мира, тишины и правосудия, которые продолжались до моего отъезда (в Петербург. — В. Д.)». «Сравните те времена с настоящими: повсюду проливается кровь, и кровь сия вопиет о мщении; повсюду грабежи и зло рассеяно... Пусть скажут мне, какое было именно утеснение кабардинцам: утеснялись ли они в исповедании магометанского закона? Нет. Всеавгустейшая императрица позволяет свободное каждому исповедание вер и требует только верности, которую кабардинцы троекратно нарушали».

П. С. Потемкин сообщал, что намерен вернуть порядок, существовавший до его отъезда: духовенству и законопослушному народу нечего бояться, они будут приняты «под покров императорского оружия», «преступников же буду гнать, разить и карать доколе не придут они с раскаянием и падут к ногам просить помилования».

Эффект, произведенный этим оповещением, достоин особого внимания, в частности, в свете распространенной в историографии идеи о тотальном характере движения Мансура, охватившего якобы весь Северный Кавказ и принявшего форму «всесословного», наднационального протеста против царского «социального и колониального гнета».

Ничего подобного не было. В реакции кабардинцев на появление Мансура и на предупреждение П. С. Потемкина не видно чего-либо нового. Лишний раз подтвердилось отсутствие политического единства внутри знати, способности вести за собой народ, сохранять его целостность и перспективы благополучного развития.

Традиционно пророссийски настроенная часть кабардинских князей тотчас явилась в распоряжение русских войск, стоявших на реке Малка, просить защиты от своих соплеменников. Вместе с ними пришли и некоторые князья из антиросийской партии — они винулись за прошлое и заверяли в преданности Екатерине II. П. С. Потемкин потребовал в качестве доказательств их искренности освобождения захваченных в русских поселениях пленных, возвращения награбленного имущества и плату за убитых.

Князья обещали исполнить требование. На созванном для обсуждения этого вопроса кабардинском народном собрании вновь обнажились острейшие разногласия по жизненно важным проблемам. Решение так и не было принято. Вместо этого князья сочли за лучшее спрятать свои семьи, холопов и всю движимую собственность высоко в горах.

Такой ответ означал, что знать ждала прихода Мансура. И этот факт, как ничто другое, свидетельствовал о моральной деградации кабардинского правящего сословия, одним из системных признаков которого являлась нищета лидерства.

В прошлом, даже на фоне политического разложения Кабарды, из княжеской среды время от времени выходили довольно крупные (по северокавказским меркам) личности, заставлявшие считаться с собой и крымских ханов, и дагестанских владетелей, и московских царей. Теперь же все перевернулось верх дном. Гордые кабардинские князья, хранители знаменитого рыцарского кодекса хабзэ — предмета уважения и подражания для соседей — ждут, едва ли не как мессию, какого-то Мансура. Мало того, что пастуха, но еще и из чеченцев, которых кабардинцы иначе как своих холопов никогда не воспринимали.

* * *

Вникать в эти тонкости у П. С. Потемкина не было времени. Он хотел понять военные планы Мансура, о которых тот сам не имел точного представления. 12 октября 1785 года имам с отрядом горцев собрался переправиться на левый (северный) берег Терека у станицы Старогладковской, в нескольких десятках верст к западу от Кизляра. Вопрос был в том, куда он предполагал идти дальше — на Кизляр или в сторону Кабарды?

В любом случае перед русскими войсками стояла задача — помешать переправе. Это было легко сделано с помощью всего лишь сотни казаков

и одного орудия. Мы не знаем, какими силами располагал в тот момент Мансур, но ружейного огня противника и десяти выстрелов из пушки было достаточно, чтобы горцы попрятались по близлежащим лесам.

После этого «сражения» намерения имама прояснились. Он отказался от нападения на Кизляр (хотя маловероятно, чтобы он когда-нибудь горел желанием повторить неудачный опыт штурма этой крепости³³ и двинулся на запад, вверх по течению Терека, выискивая места для безопасной переправы и уязвимые места в русской обороне на той стороне реки.

Увидев, что Шейх-Мансур находится в походном состоянии — а оно всегда источник притяжения внимания горцев — к нему стали стекаться вооруженные люди (в основном чеченцы, кумыки, лезгины), и к концу месяца численность их, судя по донесениям русских военных, приблизилась к 20 тысячам.³⁴

Даже если верить этой цифре, то она скорее создавала проблемы для Мансура, чем решала их. Долго удерживать эту массу возле себя он не мог, ибо ее нужно было продовольствовать, что являлось задачей невероятной сложности. Иначе войско начинало расходиться по домам или жить по своим законам. Единственное, что оставалось имаму, — занимать горцев постоянным движением, мелкими стычками с русскими, грабежами. Впрочем, на южном берегу Терека грабить было некого — разве что своих соплеменников чеченцев. Отсюда стремление Мансура перебраться на северную сторону: зажиточные казачьи поселения располагались там.

Но это было совсем не просто. По левому берегу Терека, параллельно войскам имама, двигались русские войска, не давая неприятелю скрыться из виду.

24 октября 1785 года Мансур, которому, видимо, показалось, что он ушел от преследования, решил совершить переправу у станицы Червленной. Однако туда вовремя подоспел отряд полковника Лунина и несколькими залпами из орудий сорвал планы противника.

Горское войско несколько дней стояло на месте. Двигаться на отоцвавших лошадях было невозможно. Не хватало еды и для людей. Продовольственный вопрос становился критическим. Частично эту проблему Мансур решил за счет жителей Брагун. Не забыв нанесенного ими оскорбления, имам (26 октября) послал в аул реквизиционный отряд, силой забравший

³³ Уцмий кайтагский был уверен, что под Кизляром Мансур получил жестокий урок: там «имелось у него до 12-ти тысяч человек, а с российской стороны только 2 тысячи, коими он повержен, с того времени ... себе твердо то помнит».

³⁴ Это крайне сомнительная цифра, учитывая не только заинтересованность П. С. Потемкина и его подчиненных в преувеличении сил противника, но и невозможность даже приблизительно подсчитать число сторонников имама на тот или иной момент. Эта величина была подвержена стремительным колебаниям очень широкой амплитуды.

оттуда скот и муку, а также разоривший армянскую общину в «Горячих колдцах».

Поскольку этого оказалось недостаточно, Мансур обратился к князьям Малой Кабарды с просьбой о срочной помощи и, похоже, получил ее. Приведя свою «интендантскую» часть в относительный порядок, он возобновил движение на запад.

Теперь у П. С. Потемкина не оставалось никаких сомнений, что противник хочет соединиться с кабардинцами и атаковать русские позиции. Появилась четкая цель — не допустить этого соединения и навязать Мансору «генеральное сражение», которого он всегда избегал, прекрасно понимая, что не в этом его сила.

В соответствии с изменившейся обстановкой П. С. Потемкин быстро перегруппировал силы так, чтобы не допустить проникновения противника в Большую Кабарду и, тем более, дальше на запад, в Черкесию. Учитывая возможность присоединения к нему кабардинских князей с их боевыми дружинами, наместник сконцентрировал около Моздока 2-тысячное войско под командованием полковника Л. Т. Нагеля — пехота, конница, казачьи сотни, артиллерия.³⁵

Сам же наместник возглавил более крупную группировку — 5700 человек, ставшую лагерем на реке Малка. Скорее всего, он взял на себя стратегическую задачу — не допустить прорыва Мансура на запад, если тому удастся ускользнуть от Нагеля или, того хуже, одолеть его.

Общая ситуация, со всех точек зрения (военной, социально-психологической, внешнеполитической и даже климатической — поздняя осень на Северном Кавказе непредсказуема), была крайне неопределенной. П. С. Потемкину сложно было судить о подлинном военном потенциале Мансура и его конкретных тактических планах. (Говорить о наличии какой-то большой военно-политической стратегии, наподобие той, которую имел имам Шамиль, не приходится.) За последние три-четыре дня октября имам стремительно преодолел расстояние от станицы Червленной до слияния Терека и Уруха, то есть приблизительно сто верст через всю Малую Кабарду. На этом марше он мог получить существенное прибавление к своим войскам за счет враждебно настроенных к России кабардинцев. Что представляли из себя его силы к началу ноября, П. С. Потемкин не знал.³⁶

³⁵ Подсчитано очень приблизительно. Известно, что в отряд Нагеля входили два пехотных полка, один гренадерский батальон, два драгунских эскадрона, три казачьих сотни. Учитывая большой недокомплект в воинских подразделениях на Северном Кавказе, едва ли суммарная цифра превышала 2 тысячи человек.

³⁶ Нельзя сказать, что русская разведка, располагавшая широкой осведомительной сетью, чего-то недоглядела. Дело в другом. Численность и местоположение сил Мансура могли измениться молниеносно в любую сторону. Горцы уходили от него так же легко, как и приходили. Не было ни воинской дисциплины, ни продуманной организации действий. Стихия явно преобладала над порядком. Уследить за противником, который все делает

В этих условиях русским следовало быть готовыми ко всему. И наместник был готов, но до последнего момента пытался уговорить кабардинских князей не присоединятся к «лжепророку». В отношении значительной части знати увещевания оказались бесполезными: тайно или явно она содействовала Мансуру и определенно сочувствовала ему.

Ясно было одно: нельзя терять время, отдавая инициативу в руки неприятеля. В конце октября 1785 года отряд Нагеля выступил из Моздока и направился на юг в поисках противника. По мере приближения к Кавказскому хребту полковник, по оставленным и сожженным селам, понимал, что его заманивают в горы, где готовится «теплая» встреча.

Задача Нагеля состояла в том, чтобы нанести решающий удар по противнику на открытой местности, до того как тот окажется в привычном для себя горно-лесистом ландшафте: там преимущество будет на стороне «неправильных», партизанских методов ведения боевых действий.

Мансур, видя, что русские это понимают и не дадут заманить себя в ловушку, решил рискнуть, поскольку отряд Нагеля и так уже углубился в предгорную местность. На рассвете 30 октября 1785 года войско имама, имея многократное численное преимущество, окружило русских в большой излучине Терека, южнее Моздока, и атаковало их со всех сторон. После пятичасовой рукопашной схватки, в которой «обе стороны сражались с одинаковой храбростью», атака была отбита. Нападающие отступили на исходные позиции, засев в мелких лесистых ущельях, откуда они открыли беглый огонь по противнику.

Нагель приказал выбить горцев из укрытий, что и было сделано в результате «самого ожесточенного боя». Мансур, как сообщают источники, понес тяжелые потери.³⁷ Имама это не остановило. Он сообщил князю Долу, что русские окружены и дело лишь за тем, чтобы добить их. Но для этого ему потребуется помощь кабардинцев.

Возможно, эта помощь была бы предоставлена, если бы П. С. Потемкин не учел данного обстоятельства и не отрядил часть своих войск для наступления на Большую Кабарду с северо-западной стороны, с линии реки Малка. Это в какой-то степени охладило и Мансура, и кабардинских князей, собиравшихся примкнуть к нему.

Однако положение Нагеля вселяло тревогу. Горцы имели заметное численное превосходство и не отказывались от намерения нанести ему пора-

не по канону, а по наитию, было невозможно. Остается удивляться, как в такой ситуации имаму вообще удалось совершить марш-бросок от окрестностей Кизляра до восточной границы Большой Кабарды.

³⁷ Н. Ф. Дубровин, ссылаясь на рапорт П. С. Потемкина князю Потемкину от 4 ноября 1785 г., пишет о «многих убитых и раненых». Вновь мы встречаем это типичное для русских военных отчетов клише, которое оставляет нам лишь гадать о том, что значит «много».

жение. Действовал имам не без выдумки. Запрудив мелкие речки, обеспечивавшие лагерь Нагеля водой, Мансур заставил русских переместиться еще ближе к горам, к местечку Татартуп (между современными станицей Змейской и селом Эльхотово, что в Северной Осетии). Здесь атаковать неприятеля горцам было сподручнее. Кроме того, свертывание лагеря было ими принято за отступление, а это означало еще и то, что вступало в силу правило: горцам показывать спину нельзя.

2 ноября около семи часов утра отряд Нагеля подвергся стремительному нападению войск Мансура. Они были организованы по этническому принципу. И этот же принцип использовался в тактике боя. С правого фланга действовали «лучшие кабардинские наездники под руководством князя Дола», с левого — аварцы,³⁸ с тыла — «кумыки под начальством самого Мансура», и, наконец, «с фронта — главное скопище, состоящее из чеченцев и прочих мелких племен».³⁹ Любопытен и не вполне понятен тот факт, что Мансур возглавил не своих соплеменников, а кумыков. Именно с ними он пошел в решающую атаку, используя очень хитроумные приспособления для защиты от артиллерийского огня.

Это, однако, не помогло. Нагель, сдержав ожесточенный натиск, ответил контрнаступлением, применяя в основном штыковые атаки, в результате которых горцы обратились в бегство.⁴⁰ Как сообщают источники, имам оставил поле сражения «одним из первых». П. С. Потемкин доносил князю Потемкину, что «число убитых у злодеев весьма велико». О русских потерях не сообщалось.

Пожалуй, единственное, что может констатировать историк, имея на руках такую «статистику», — это факт поражения Мансура. Что касается материального и морального ущерба, понесенного имамом, то о размерах его свидетельствуют рапорты подчиненных П. С. Потемкина, от капрала до полковника, поданные в течение недели после события. Все они сходятся

³⁸ В источниках они часто именуется «тавлинцами», что является разновидностью аллоэтнонимов, то есть названий, даваемых тому или иному народу его соседями. В широком смысле, «тавлинец» — это имя нарицательное, означающее «горец».

³⁹ Н. Ф. Дубровин дает несколько противоречивую картину. С одной стороны, он говорит о фронтальной атаке, предпринятой «чеченцами и прочими мелкими племенами», и тут же отмечает, что чеченцы «держались вдалеке, прятались за разного рода прикрытиями и ограничивались одною перестрелкой». Что здесь ближе к истине, сказать сложно. Если — второе утверждение, то не исключено, что Мансур прибег к такому тактическому приему, как выделение резервных сил для последующего ввода их в бой. В этом случае можно констатировать весьма высокий уровень полководческого мышления.

⁴⁰ История военных действий на Кавказе изобилует многочисленными свидетельствами одной «странной» особенности поведения горцев. Они поражали русских своей храбростью в такой же степени, в какой удивляли паническим страхом перед штыком — оружием, которым «колят только грязное животное», запрещенное Кораном к употреблению в пищу. Горец не боялся смерти. Его пугала позорная гибель от колотой раны.

в одном: неприятель был вынужден бежать без оглядки, оставив «все свое имущество» и знамена.

Бегство сопровождалось полным разложением и деморализацией войска, от которого фактически ничего не осталось. Среди тех, кого уже смело можно было называть бывшими сторонниками Мансура, начались жестокие раздоры, растворившие в крови последние остатки общей идеи, если она вообще существовала. Лезгины и чеченцы устроили между собой резню. Многие горцы, лишившись всего, не решались возвращаться в свои родные аулы с позором. У тех, у кого оставались конь и оружие, продавали их за бесценок, чтобы купить немного хлеба. Некоторые обменивали на еду даже свою одежду.

В горах, быть может, самым страшным и унижительным испокон веков являлся статус лишенца, вырванного из защитной социальной оболочки в виде родового аула или сильной фамилии и неспособного постоять за себя. С точки зрения тогдашней и тамошней ментальности, это уже не субъект, а объект отношений между «полноценными» людьми. Иначе говоря — пленник и живой товар.

Именно в таком качестве и воспринимались сунженскими чеченцами обнищавшие и полураздетые скитальцы, брошенные на произвол судьбы участники кабардинского похода Мансура, искавшие прибежища и спасения от голодной смерти на любых условиях. Чеченцы обращали этих уже безоружных «бездомовников» в рабство или продавали на невольничьих рынках, в том числе туркам.

Нагель, конечно, понимал, что он победил, но судить о последствиях поражения противника полковник поначалу не спешил. Победа далась ему нелегко. Почти неделю (с конца октября по 2 ноября) его отряд был в состоянии повышенной боеготовности, двигаясь от Моздока до Татартупа (приблизительно 60 верст) по пересеченной, незнакомой местности, подвергаясь постоянной опасности нападения, испытывая нехватку фуража. Два трудных боя с горцами (30 октября и 2 ноября) изнурили войска до крайности. Преследовать противника на некормленных лошадях Нагель не решился, тем более что он ничего не знал о ближайших военных планах Шейх-Мансура.

Уже имевшийся исторический опыт сражений с горцами говорил о необходимости соблюдения осторожности, даже когда они побеждены и «рассеяны». Именно в таких ситуациях выясняется, что у них припасены неприятные сюрпризы для тех, кто посчитал, что их песня спета.

До того, как стало очевидно, что это не тот случай, Нагель принял решение, во избежание подобных сюрпризов, не только не углубляться в горы в поисках противника, но и отойти поближе к Моздоку, чтобы не растягивать коммуникационную линию. Более того, учитывая усталость войск, он

попросил подкрепления, которые П. С. Потемкин предоставил незамедлительно.

Только некоторое время спустя появились основания полагать, что от нанесенного ему удара Мансур оправится не скоро, ни физически, ни морально.⁴¹ П. С. Потемкин, однако, не стал уповать на естественный ход событий и предпочел использовать подходящий момент для того, чтобы обратиться к дагестанцам и чеченцам с новым манифестом, разосланным 6 ноября 1785 года.

«Настало время, — писал наместник, — чтобы все народы, ослепленные (в тексте: «ослепясь». — *В. Д.*) обманами известного злодея и развратника, дерзнувшего назвать себя ложным священным именем пророка и принявшего имя имама Мансура, ныне, скинув мрак с ослепленных очей, прозрели на обман сего злодея и преступления свои».

П. С. Потемкин риторически просил «владельцев, старшин и народ» вспомнить хотя бы одно из явленных Мансуром «чудес». Кто слышал ниспосланный «глас с небес», проливающийся «во всех концах вселенной»? Или «звуки бубнов», оглушающих неверных? Где умолкнувшие по его велению «орудия» и «ружья российского воинства»? Вместо всего этого горцы стали свидетелями его поражения и постыдного бегства «от руки победителей».

П. С. Потемкин называл Мансура «разбойником и обманщиком», повинным в гибели многих людей, поддавшихся на его обещания. Наместник призывал горцев «опаматоваться», принести раскаяние и выдать «сего развратника» (за живого — 3 тысячи рублей, за мертвого — 500 рублей). «Опаматовшиеся» будут «во всем прощены», а тем, кто не перестанет «к нему (Мансуре. — *В. Д.*) прилепляться», грозит «гром оружия и меч острый».

Это обращение не могло произвести на горцев большего впечатления, чем сам факт их сокрушительного поражения. Хотя Мансура никто не выдал,⁴² доверие к нему было сильно подорвано. Жители аула Алды во главе со своим кадием явились к Мансуре с такими словами: «Ты много прежде обещал нам, но ничего не исполнил и подверг только нас мщению русских. Что теперь ты нам скажешь: оставаться ли нам на зиму в деревне или разойтись и скрыться в горах?» «Я не князь ваш, — ответил Мансур, — делайте, что хотите».

Возмущенные таким ответом алдинцы чуть было не накинулись на своего знаменитого односельца, но кадий остановил их.

⁴¹ В некоторых источниках встречается несколько завышенная оценка этого события. В частности, один русский офицер в своих мемуарах писал: «Сия по справедливости знаменитая для тамошнего края победа доставила покой всем».

⁴² Дело вовсе не в том, что не было соблазнившихся предложением П. С. Потемкина. Поимка и доставка «обманщика» к русским или его уничтожение представляли собой технически трудновыполнимую задачу.

Чеченцы и дагестанцы поняли, что «пророк» снял с себя всякую ответственность за свою «паству» и отныне те, кто не без причины опасался возмездия со стороны русских, должны сами позаботиться о своем спасении. Одни стали уходить в горы, другие, как, к примеру, жители Эндирея, — обносить свои аулы рвом и строить оборонительные сооружения.

* * *

Любой, даже самый стойкий человек на месте Мансура имел все основания для подавленного состояния. Моральный капитал его впечатляющей победы над Пьери был стремительно растрочен в последующих чувствительных поражениях. Ставка на «большой кизлярский поход», которую имам сделал в надежде на огромную материальную добычу, обещавшую упрочить его военно-предводительский и духовно-пастырский статус, оказалась битой. Как ни готовился Мансур к этому предприятию, как ни старался провести его в стиле хорошо организованной и грамотно управляемой стратегической операции, в итоге все равно получился набег, быстро вылившийся в стихию и беспорядочность.

После такого Мансур, видимо, потерял желание затевать что-либо с воинством, у которого инстинкт грабежа был настолько силен, что парализовал все остальное, в том числе решение элементарной, с точки зрения логики и тактики боя, задачи — для начала хотя бы реализовать численное превосходство над противником, чтобы добиться победы, а уже потом пожинать ее плоды.

Русские войска, конечно, являлись непреодолимым препятствием во всех стратегических расчетах Мансура. Но были и другие, не военные, но не менее опасные угрозы, причем — той сфере его человеческой неординарности, где имам слыл непревзойденным волшебником. Речь идет о его поразительных экстрасенсорных (назовем их так) способностях гипнотизировать людей с помощью неистощимого арсенала (опять употребим специфическое понятие) суггестивных приемов. Здесь у него до поры до времени не было конкурентов. Да и, казалось бы, откуда им взяться: ведь не каждый день рождаются люди со столь необычным даром.

Но вдруг, приблизительно в августе 1785 года, поразительно не вовремя для Мансура и подозрительно кстати для его врагов, среди чеченцев распространился слух о том, что в ауле Шали живет девятилетний мальчик Юсуп (сын Батырхана Усманова), невероятным талантам которого односельчане диву давались.

Как-то мать ребенка с изумлением обнаружила, что он всю ночь напролет читает во сне молитвы из Корана, причем так, как это делают настоящие ученые муллы. Чуть ли не в одно мгновение Юсуп научился арабскому чте-

нию и письму. Сам мальчик объяснял это волшебство следующим образом. Каждую ночь к нему, якобы, являлся человек в зеленом кафтане и красной чалме, вынимал из тела мальчика «дух», возносил его на небо «в покой» и беседовал там о земных делах. Этот же человек научил Юсупа не только арабскому, но и какому-то «исусовому» языку, поручив мальчику посоветовать чеченцам изучать Коран именно на этом языке.

Пожалуй, в чем-то эти чудеса были похлеще некогда явленных Мансуром. Фактически на глазах у многочисленных свидетелей произошло внезапное перерождение маленького мальчика в «пророка», на которого пал выбор высших сил, благословивших его на проповедь и спасение людей — душевное и телесное. Он учил взрослых людей правильному богомолению, предписанному Кораном, говорил о богопротивности «воровства и других шалостей». Со сверстниками Юсуп не общался, а водил знакомство только с «духовными особами». Своими молитвами он исцелял больных, вызывая восхищение и признательность шалинцев. К нему стали приходиться на поклонение и нести подарки, от которых он, в отличие от Мансура, отказывался.

Одним словом, у Мансура неожиданно появился уникальный соперник. То ли из любопытства, то ли из чувства беспокойства имам сам приехал в Шали, чтобы убедиться в существовании этого самородка. Говорят, он обласкал Юсупа и назвал своим сыном, но мальчик угрюмо хранил молчание, видимо не слишком обрадованный таким родством.

Что в тот момент на самом деле думали эти два человека, хорошо понимавшие цену своей неординарности, не знает никто. Быть может, именно пронзительное видение друг друга сближало их так же, как и отталкивало.

Во всяком случае, очевидно, что «чудотворцы» по-разному смотрели на свою пастырскую миссию. Один проповедовал спасение через войну, другой — через послушническую молитву и отказ от греховной жизни.

Словно в подтверждение несостоятельности идей Мансура Юсуп напророчествовал ему полный провал кизлярского похода.

Нам больше ничего не известно о маленьком волшебнике. Его история темна, как и многое из того, что связано с Мансуром. Мы не случайно обратили внимание на странное временное совпадение между военно-политическими неудачами имама и появлением нового препятствия — Юсупа — на его пути. Слишком маловероятно, чтобы оно возникло само собой именно тогда, когда для Мансура наступило самое неблагоприятное стечение обстоятельств.

Все это очень похоже на тонкий расчет. Не слепой судьбы, а зрячих людей, хорошо продумывающих свои действия. И, скорее всего, эти люди представляли «старое», традиционное исламское духовенство, которое изначально воспринимало имама скептически — и как идеологического кон-

курента, и как самозванца, претендовавшего на гораздо большее, чем позволяли его сомнительное благочестие и плохое, с их точки зрения, знание религиозных канонов.

Возможно, антимансуровский «проект Юсуп» внес свой вклад в общее военное и социально-идеологическое поражение имама на Северо-Восточном Кавказе. Однако преувеличивать эффект этой задумки не стоит. Дискредитировать уже знаменитого Мансура, противопоставив ему девятилетнего мальчика, о чудотворческих подвигах которого мало кто знал за пределами Шали, было почти невозможно из-за несопоставимости масштабов их славы и известности.

В принципе, кукловоды (если, конечно, мы не ошибаемся в нашей гипотезе) действовали умно. Юсуп был исключительно благодатным материалом для создания потенциально сокрушительного противовеса Мансуру. Но для «раскрутки» образа нового мессии требовалось время, в том числе для того, чтобы ребенок подрос — хотя бы до нижней планки возраста, когда люди смогут воспринимать его более серьезно, и не только в качестве «факира».

Теоретически не исключено, что этот «проект» был бы продолжен, если бы нужда в нем не отпала сама собой, в связи с последовавшим вскоре общим провалом дела Мансура на Северо-Восточном Кавказе. Юной восходящей звезде чеченской эзотерики не суждено было вырасти в сильного и авторитетного идейно-духовного антагониста имама. Юсуп так и остался лишь яркой диковинкой местного, шалинского масштаба, бесследным эпизодом на фоне стремительного взлета и падения Мансура.

Но у клерикалов было припасено еще одно средство для удара по подорванному авторитету имама. В Чечне и Дагестане получил хождение написанный одним из табасаранских мулл своеобразный манифест, в котором Мансур и его «учение» подвергались разоблачительной критике. Это был очень умно и тонко составленный текст. Заявляя: «Пишу я сие не в поношение Шиха (Шейх-Мансура. — *В. Д.*)», автор пояснял, что движим простым стремлением — сопоставить слова и дела имама с незыблемыми истинами святой веры.

Как утверждалось в манифесте, ниспослание благодати небесной, чудес и знамений есть исключительная прерогатива избранных и посланников Аллаха. Этих угодников Всевышнего легко распознать не только по их чудотворческим деяниям, но и по образу жизни. Они, «оставляя все мирские прихоти, отвращаются уже ото всего до сану их неприличного», ищут душеспасения, «злато и серебро почитают как некое бремя, похвалой не возносятся и поношение приемлют они за благо».

«О подвигах и делах назвавшегося имамом слышно, что они противны закону и святому нашему писанию», — продолжал автор, перечисляя вопи-

ющие случаи нарушения Мансуром религиозных заповедей. Это касалось не только богослужебных обрядов. Один из пунктов обвинений подрывал веру в бескорыстие имама — «чинит поборы с народа и приемлет подарки», что «не будет ему в душеспасение, но в пагубу».

Табасаранского критика Мансура беспокоит судьба простых людей, которые «по непросвещению своему» ожидают от «пророка» если не чудес, то хотя бы «чего-либо полезного». Но вместо того, чтобы «наставлять заблуждающихся на путь истинный, ведущий к *тишине и общему спокойствию* (курсив мой. — В. Д.), Ших обманывает их несбыточными обещаниями.

Вывод «манифеста» звучит недвусмысленно: имамами могут считаться лишь те «преподобные, в коих почивает благодать Божия» и чьи деяния «сами по себе доказывают свое достояние». Таким критериям избранничества Мансур не соответствует.

Это — чрезвычайно любопытный и до сих пор недооцененный документ.⁴³ Интересен он прежде всего тем, что происходил из клерикальной среды — среды теологических, духовных оппонентов Мансура, который отнял у них значительную часть паствы.

В то время ислам в Чечне и во многих, в основном горных, районах Дагестана находился лишь на стадии зарождения. Абсолютное большинство населения придерживалось вековых языческих обрядов и не разбиралось в вопросах мусульманского благочестия. Прозелитистские усилия образованных мулл⁴⁴ наталкивались, с одной стороны, на естественное сопротивление традиционного, патриархального мировоззрения, с другой — на мощную идеологическую конкуренцию таких незаурядных личностей, как Мансур.⁴⁵

Явно уступая «клерикалам-профессионалам» в, так сказать, эзотерической области, он компенсировал этот недостаток своими выдающимися талантами социального манипулятора. Быть может, самая загадочная часть феномена Мансура в том, что он был честен перед самим собой, поскольку не только горцы, но и сам «пророк» попал под магическое воздействие своего социального иллюзионизма. Тут он на какой-то момент переиграл соперников по всем статьям.

Эти обстоятельства, казалось бы, позволяют предположить пристрастный характер «манифеста». Отчасти он таковым и является. Однако его

⁴³ Покуда нет доказательств обратного, будем исходить из того, что он не сфабрикован русскими властями, хотя теоретически такое не исключено.

⁴⁴ Конфессионально грамотных людей на Северо-Восточном Кавказе было крайне мало. А подлинных знатоков богословских премудростей и тонких материй — единицы. Жили они в основном на территориях политически более или менее развитых образований Дагестана и Северного Азербайджана.

⁴⁵ Мансура, с определенными оговорками, можно поставить в один типологический ряд с более поздними историческими персонажами — Казимуллой, Гамзат-беком, Шамилем, Мухаммед-Эмином.

текст, с точки зрения теологической аргументации, составлен настолько блистательно и убедительно, что предвзятости в нем почти не видно.⁴⁶

Обвинения в адрес Мансура строятся с опорой на факты. Он обещал «чудеса» — их нет. Вместо пути истины горцам указан путь заблуждения. Есть краеугольные положения ислама, которые искажаются Шихом и, естественно, теми, кто следует за ним. Он слишком падок на мирское, светское, чтобы претендовать на роль духовного пастыря. Возбуждая людей неосуществимыми перспективами, Ших стал врагом «тишины и общего спокойствия». Значит, он обманщик и самозванец, незаслуженно присвоивший себе высокий титул имама.

Едва ли не главный вопрос — к кому апеллировал табасаранский мулла, если учесть, что текст «манифеста» был написан (надо полагать) на арабском языке и изобилует сложными оборотами и витиеватыми образами, понятными лишь посвященному? К неграмотным горским массам?

В конечном итоге и в идеале — да. Но прежде этот документ должен был попасть в руки представителей образованного духовенства, способного перевести его в другие, более простые понятийные категории и в таком адаптированном виде донести до сознания народа.⁴⁷

К ним-то и адресовался автор «манифеста» еще и потому, что какая-то часть клерикальной элиты попала под обаяние неординарной личности Мансура, заразилась его реформаторскими идеями и зарядилась его энергией. Задача заключалась в том, чтобы, во-первых, вернуть этих «обновленцев» в правоверно-каноническое русло, во-вторых, склонить их к участию в разоблачительной кампании, призванной открыть народу глаза на обман и самозванство имама.

«Манифест» не случайно был приурочен к военному поражению Мансура. Раньше подобные прокламации имели бы гораздо меньше шансов на успех. Теперь же сам имам вырыл себе политическую могилу публичным заявлением: «делайте, что хотите». И если уже простые горцы выказали готовность применить насилие к бывшему кумиру, то не воспользоваться такой ситуацией идеологические оппоненты Мансура не могли по определению.

По мнению Н. Ф. Дубровина, послание табасаранского муллы «оказало свое действие, и большая часть приверженцев пророка искала прощения и помилования».

⁴⁶ Сравнивая содержание этого «манифеста» с посланиями, с которыми Мансур обращался «к городу и миру», приходится признать очевидное превосходство табасаранского муллы в том, что касалось степени глубины его богословского образования. Другой вопрос — какой был прок от этого, если «пророк» превосходил духовенство в умении говорить с людьми на понятном им языке?

⁴⁷ Этот микроскопически тонкий слой общества обладал непропорционально большим потенциалом духовного влияния и авторитета. С данным обстоятельством вынуждены были считаться в своей политике и русские власти, и строители горских теократий.

Вероятно, это так.⁴⁸ Однако главная причина истощения массового порыва заключалась в осознании горцами невозможности дальнейшего сопротивления. После разгрома Мансур вернулся в Алды, но поскольку и в родном ауле он не чувствовал себя в безопасности, ему пришлось бежать в горы, в аул Шали, к брату своей жены.

Для русских властей самым важным военным и политическим последствием поражения Мансура явилось пресечение наиболее опасной тенденции — развития движения в направлении Кабарды и Черкесии,⁴⁹ где он мог бы мобилизовать новые ресурсы для осуществления своего теократического проекта⁵⁰ и продолжения борьбы против тех, кто был основным препятствием на этом пути, — России и ее местных приспешников. Татартуп произвел отрезвляющее воздействие на кабардинцев.⁵¹

Как только войска П. С. Потемкина подошли к реке Баксан (13 ноября 1785 года), кабардинские князья прислали делегацию для переговоров. Наместник принял ее «ласково», но потребовал выполнения трех условий: вернуть все награбленное на Кавказской линии; выплатить русским поселенцам штрафы за убитых родственников (по 250 баранов за каждого); сформировать представительную депутацию для отправки к князю Потемкину, а затем в Петербург с просьбой о помиловании. Наместник заявил, что его цель — «вывести их (кабардинцев. — В. Д.) из заблуждения и привести в покорность». В случае сопротивления их ждет «разорение».

Поскольку кабардинские делегаты не имели полномочий для решения такого вопроса, он был передан на рассмотрение народного собрания. Там разгорелся спор между сторонниками (большинство) и противниками (меньшинство) примирения с Россией. Острота его обуславливалась еще и тем, что разногласия между «прорусской» и «антирусской» партиями сложно переплетались с междоусобными распрями, участникам которых всегда нужен был внешний союзник. Надежды на Мансура рассеялись. Оставались Россия, победившая в большой войне 1768–1774 гг., и Турция, воспринимавшаяся после поражения в этой войне как менее предпочтительный выбор.

⁴⁸ Правда, во многих случаях уход горцев от Мансура отнюдь не был равнозначен признанию русской власти.

⁴⁹ Это направление предвидели даже русские офицеры низших рангов.

⁵⁰ Историки знают об этом «проекте» очень мало. Сугубо гипотетически предполагается, что Мансур был предтечей Шамиля, а его планы — прообразом теократических реформ третьего имама Чечни и Дагестана. Однако развернуть данную гипотезу дальше гипотезы не позволяет острый недостаток того самого документального материала, который в изобилии предоставляет деятельность Шамиля.

⁵¹ Дело еще и в том, что Татартуп был для кабардинцев святыней, где они возносили молитвы богам и скрепляли клятвами решения самых сложных споров, включая примирение кровников. Поэтому суеверное сознание вполне могло дать свое объяснение победе русских: если уж она случилась около святого места, призванного оберегать кабардинцев, значит, они чем-то прогневили своих небесных покровителей.

Выступивший на собрании старший князь Мисост Баматов сообщил, что русские уже построили мост через Баксан, и, если они перейдут реку, всем кабардинцам не поздоровится. Поэтому, чтобы не навлекать «многие бедствия», князь предложил принять требования П. С. Потемкина безусловно. По-видимому, тема, связанная с перспективой «потери имущества» и физического наказания, оказалась самым убедительным аргументом. Присутствующие избрали четырех представителей для отправки их в русский лагерь с письмами, удостоверяющими готовность выполнить «три пункта» наместника.

Объявив от имени Екатерины II прощение кабардинцам, П. С. Потемкин отправил депутатов с письмами к князю Потемкину. Для надзора за выполнением взятых горцами обязательств, в Кабарду был назначен пристав — майор князь Ураков. Назвать эту меру излишней предосторожностью нельзя. Уже много раз в истории кабардинская знать не выполняла своих клятвенных обещаний. И чаще не потому, что не хотела, а потому, что не могла. Помочь ей призван был русский «кнут и пряник».

К мерам принудительного характера относилось, помимо назначения Уракова, требование выдать, в залог соблюдения договоренностей, по одному аманату от каждой знатной фамилии. Затем, как это не раз бывало, последовал «пряник». Наиболее преданным России князьям назначили ежегодные пенсии — «для привлечения их к видам и покорности России». Мисост Баматов и эндирейский (кумыкский) владетель Муртазали получили от П. С. Потемкина по перстню с бриллиантами.

Вместе с тем, чтобы эти подарки не были превратно истолкованы горским «общественным мнением»⁵², наместник не преминул распространить по Северному Кавказу близкую к реальности версию о том, что кабардинцы попросили пощады под страхом наказания.

В военно-политических планах Петербурга в то время Кабарда занимала особое место именно потому, что такую же роль она играла в планах Мансура. Иمامу, исчерпавшему себя на Северо-Восточном Кавказе, как воздух необходим был прорыв туда, где он мог начать все заново.

Чечня оказалась ему не по силам ввиду своего неукротимого безначалия, помноженного на патриархальный консерватизм. Дагестан — из-за своих государственно-политических институций (шамхальство, ханства, уцмийства и т. д.), показавших достаточный запас прочности, чтобы выдержать натиск революционно-реформаторских идей, тем более весьма аморфного толка.

⁵² Ведь в глазах горцев эти знаки внимания могли, при соответствующей пропагандистской работе, восприниматься как некая форма дани, с помощью которой Россия стремится откупиться от тех, с кем она не в состоянии справиться силой. Совершенно логично предположить, что облагодетельствованным князьям было морально невыгодно мешать людям думать именно так.

Но самое главное — те края стали свидетелями впечатляющих военных поражений Мансура, вождя, поднявшегося над массой во многом благодаря обещаниям сокрушить Россию и обеспечить победителей богатой добычей.

Имаму требовалось новое, более перспективное поприще для приложения его идей и талантов. В этом плане Кабарда, даже при ее раздробленности и междоусобицах, представляла интерес и как военная организация со славной исторической репутацией, и как дорога на Северо-Западный Кавказ. Там, в условиях близости османских владений, открывался простор для деятельности совсем другого, международного масштаба.

* * *

Полному удовлетворению П. С. Потемкина от кампании 1785 года мешал тот факт, что Мансур остался на свободе и мог начать все сначала. Во всяком случае, это не исключалось, поскольку имама не удалось ни схватить, ни уничтожить. Судя по всему, наместник хотел успеть до наступления зимы окончательно закрыть «проблему Шейх-Мансура».

Приблизительно в середине ноября 1785 года П. С. Потемкин сформировал довольно сильный отряд (три полка, три батальона гренадер и все казачьи войска, размещенные от Моздока до Сунжи) для учинения поисков «лжепророка» с последующим его арестом. Готовилась не карательная экспедиция, а демонстрация силы по аналогии с той, что была устроена на Малке и Баксане в отношении кабардинцев. Чтобы изолировать Мансура от тех горячих голов, которые вновь захотят попытать счастья под его знаменами, гарантировалась неприкосновенность горцам, решившим больше не поднимать оружия против русских.

Отряду предстояло пройти через аулы Эндирей, Аксай, Брагуны. Командир, полковник Нагель, получил также распоряжение разведать, где жители этих аулов пасут свой скот: предполагалось, в случае чего, использовать и рычаг экономического давления на строптивых. Наведенные через Терек три переправы довершали картину русских приготовлений, призванных оставить Мансура без поддержки соплеменников и минимизировать риск возрождения его движения.

Однако приближающаяся зима и недостаток продовольствия заставили П. С. Потемкина отложить экспедицию. Это была не совсем та нота, на которой генерал планировал завершить 1785 год. Но никаких причин ожидать драматического поворота событий вспять он не видел.

А тут еще стало известно о рескрипте Екатерины II (от 30 ноября 1785 года) «с изъявлением удовольствия за поражение на Кавказе обманщика Мансура», где был отмечен и он, «наш генерал-поручик Потемкин».

Хотя императрица не слишком старалась занимать свои мысли Мансуром, он, тем не менее, вызывал у нее достаточную тревогу, чтобы дважды упомянуть его в высочайшем рескрипте и там же выразить надежду на «совершенное успокоение края того» и пресечение «самого корня зла».

Настроение П. С. Потемкину подняло также полученное им в конце года сообщение о том, что горцы покинули Мансура, и он скрылся в отдаленном горном ауле Шали, где собирался построить дом и поселиться навсегда в качестве частного лица.

Ободряло и известие об уходе от имама его главного сторонника Чапалова (сына одного из эндирейских владетелей, кумыка по этнической принадлежности). Перед разрывом между ними состоялся тяжелый разговор. Обвиняя «пророка» в обмане, Чапалов итожил деятельность своего бывшего кумира такими словами: «дагестанцы (по-видимому, аварцы, лезгины и другие этносы. — *В. Д.*) от тебя отстали, они побиты, ограблены или запроданы, чеченцы тебя презирают, кабардинцы покорились, а наши (кумыки. — *В. Д.*) просят пощады».

Задавался ли Мансур вопросом о том, каковы объективные результаты его стремления заставить чеченцев и дагестанцев жить по-иному? Стоило оно тех несчастий, которые обрушились на головы простых горцев? Достаточно ли хорошо чувствовал он социально-культурную среду, превращенную им в поле для эксперимента? Мучился ли имам угрызениями совести?

Мы этого не знаем. Известно только, что за веру в обещания «пророка» избавить их от пороков прежней греховной жизни эти несчастные горцы расплатились избавлением от всего, что они в той жизни имели, включая родной очаг. Их поход в райское царство свободы от «гяуров-притеснителей» закончился либо на том свете, либо в рабовладельческих хозяйствах Кавказа и Турции, где воины ислама стали живым инвентарем и собственностью своих правоверных братьев.

Имам вверх горцев в бедствия, которым суждено будет стать провозвестием грядущих трагических событий, вызванных в чем-то гениальной, но исторически бессмысленной деятельностью будущего горского революционера-реформатора Шамиля.

* * *

Где и как найти точный инструмент для измерения подлинных, немифилогизированных масштабов событий, связанных с восточно-кавказским этапом движения Мансура? И вообще, существует ли он для тех, кто не склонен увлекаться баснословием?

Документы, направлявшиеся русскими военными властями на Северном Кавказе в Петербург, зачастую открывают перед историком противоречи-

вую, а порой просто странную картину. Вроде бы нет оснований не доверять сообщениям 1785 года о тревожном состоянии края, о «крайнем замешательстве» и «полном расстройстве дел». Но, когда начинаешь анализировать отчеты о сугубо боевых операциях, видишь, за редкими исключениями, ничтожность их масштабов, находишь в основном факты о победах русских войск и при этом невнятную статистику потерь, из которой ясно лишь, что с русской стороны они исчисляются единицами, а с вражеской стороны — такими мало о чем говорящими категориями, как «весьма много».

В военных сводках фигурируют преимущественно события, которые язык не поворачивается назвать «сражениями». К примеру: «отогнали партию, покушавшуюся впасть в наши пределы». Или: «собравшееся у переправы через Терек скопище было рассеяно», «воровская шайка, завидев приближение наших войск, обратилась в бегство».⁵³ Иначе говоря, речь идет о банальнейших ситуациях, характерных для трехвековой истории не всегда добрососедских отношений между Россией и Северным Кавказом.

Возникает вопрос: почему военно-политические и оперативно-стратегические оценки обстановки подчас столь явно не совпадают с реальными фактами?

Одного ответа, скорее всего, нет. Возможно, первое обстоятельство, над которым стоит задуматься, связано с общим характером отношений между центральными властями (в лице императрицы и ее ближайших сановников) и военной администрацией на Северном Кавказе.

Лишь на первый взгляд они выглядят просто: есть официальные установки Петербурга, а выполнение их — дело наместника и его подчиненных. В реальности же не было изначальной статичности ни в правительственном курсе, ни в способах его осуществления на местах.

Из зачастую противоречивых информационных сигналов, шедших снизу, и не только от П. С. Потемкина, в Петербурге пытались составить цельную картину, не всегда, быть может, осознавая до конца, что эта цельность образуема не иначе как из мозаики противоречий.

Процесс принятия принципиальных стратегических решений обуславливался взаимодействием между Петербургом, со всей его сложной бюрократической механикой, и кавказским наместником, опиравшимся не только на собственное видение ситуации, но и на мнение своих генералов, соприкасавшихся с горцами непосредственно.

Трудно найти точное, математическое соотношение степеней влияния друг на друга двух элементов в рамках вертикали «центр — периферия». Что

⁵³ При этом не совсем ясно, каким образом «разбитые наголову» и «обращенные в бегство» горцы умудрялись прихватывать с собой русских солдат и офицеров в полном вооружении.

в Петербурге не могли обойтись без фактического и концептуального материала, содержавшегося в донесениях с Кавказа, нет сомнений. Сомнения, однако, вполне правомерны в отношении качества анализа и синтеза, то есть сугубо интеллектуальных процедур, которым подвергался этот материал.⁵⁴

Некоторые русские историки XIX века критикуют П. С. Потемкина за потерю времени и упущенную возможность покончить с Мансуром в первые месяцы его деятельности. Вместо того, чтобы решительно пресечь распространение движения, наместник принялся уговаривать его сторонников, в том числе потенциальных, образумиться.

Если действительно всему виной нерешительность П. С. Потемкина, то значительную часть ее следует возложить на Екатерину II, страдавшую, как известно, слабостью к политике «ласкательств», которую она часто приказывала применять не к тем, кто понимал и заслуживал такое отношение.

Когда П. С. Потемкин занимался увещеваниями, он всего-навсего следовал «высочайшим» предписаниям, хотя и сам, нужно сказать, не спешил пускать в ход оружие. Был, к примеру, случай, когда командующий, разобравшись в сути дела, срочно приказал остановить уже почти начавшуюся упредительно-карательную экспедицию против абазин, ложно заподозренных в подготовке вооруженного выступления против России.⁵⁵

Есть, впрочем, другая, быть может, более темная сторона дела. Наместник — живой человек, со всеми его слабостями. Он стоит на карьерной лестнице, по которой ему, естественно, хочется двигаться только вверх. А Кавказ — это поприще, дающее шансы на такую перспективу и таящее угрозу перечеркнуть ее. За все происходящее там несет ответственность П. С. Потемкин, а не обстоятельства, которыми эту ответственность он не прочь был бы прикрыть. Спрашивается: как лучше делать карьеру наместнику? Докладывая Екатерине II, что во вверенном ему крае полным ходом идет процесс гражданского и хозяйственного благоустройства новоприобретенных территорий империи? Или, напротив, сгущая краски донесениями, где обычные разбойничьи набеги горцев и ответные операции преподносятся как «военные сражения», достойные войти в мировую историю?

⁵⁴ Тут нужно непременно оговориться. Эти сомнения может позволить себе профессиональный историк, хорошо знающий суть дела и прекрасно понимающий, что на критику тогдашней политики Петербурга он имеет право лишь постольку, поскольку обладает единственным преимуществом над людьми, творившими эту самую политику, торя пути в неведомое: историк смотрит на предмет своего исследования с высоты времени и с мировоззренческих позиций своего поколения, когда уже давно известно, «что и за чем последовало». Но даже среди историков мало кто задается вопросом: «а каково это — оказаться на месте наших предков, стоявших перед лицом неизвестности?»

⁵⁵ Характерный штрих к этой истории: вестовому с приказом об отмене операции предстояло преодолеть большое расстояние, и был риск не успеть. Поэтому он выбрал кратчайший, но опасный для жизни путь. Впоследствии офицер очень гордился, что ему удалось доставить пакет как нельзя вовремя и «спасти народ от гибели».

Нет ничего невероятного в предположении, что П. С. Потемкин постоянно стоял перед этой дилеммой. (Подобная ситуация была хорошо знакома многим его преемникам.) Она становилась еще более сложной в свете желания Екатерины II как можно скорее предъявить «просвещенной» Европе результаты своей цивилизаторской работы среди народов, включенных в состав Российской империи.⁵⁶

Вольно или невольно П. С. Потемкину приходилось выбирать между славой блестящего исполнителя цивилизаторских планов Екатерины II и репутацией победоносного полководца. Либо искать золотую середину.⁵⁷

В условиях движения Мансура наместник не мог себе позволить делать акцент на благоустройстве Северного Кавказа.⁵⁸ Какой бы ни была реальная сила этого движения, П. С. Потемкин не усматривал для себя никакой выгоды в том, чтобы преуменьшать его значение. Поэтому оставалось одно — преувеличивать, поскольку за рутинную борьбу против горских «шалостей» наград не дают. Наместник объективно был заинтересован в использовании момента для создания впечатления, будто на Кавказе идут масштабные боевые действия.⁵⁹ И чем красочнее они будут представлены, тем выше цена русских побед.

Одним словом, желательно было бы поднять северокавказские события до уровня, подпадающего под определение «война».⁶⁰ Это не значит,

⁵⁶ Всего лишь через два года, в 1787 г., Екатерина совершит свое знаменитое путешествие по Южной России (включая Крым, приобретенный, между прочим, позже ряда северокавказских территорий) в сопровождении августейших свидетелей — австрийского императора Иосифа II и польского короля Станислава Понятовского, а также французского посла в Петербурге графа Сегюра. Пропагандистскому эффекту этого мероприятия государыня придавала огромное значение.

⁵⁷ Для сравнения вспомним, что М. С. Воронцов, после крупной военной неудачи в Дарго в 1845 году, отдал предпочтение работе по культурному, экономическому и административному обустройству Кавказа, поручив сугубо военные дела своим подчиненным. Благодаря этому он вошел в историю как выдающийся организатор мирной жизни в крае, где мир всегда считался не вполне естественным состоянием.

⁵⁸ При том, что П. С. Потемкин для этого сделал очень много, особенно в области переселенческой, хозяйственной и торговой политики, обустройства городов, строительства дорог с почтовыми станциями.

⁵⁹ П. С. Потемкину было хорошо известно, какой моральный и материальный капитал принесли русским генералам войны с Турцией, Швецией, Пруссией, Польшей. Такие люди, как П. А. Румянцев, А. В. Суворов, А. Г. Орлов, его, Потемкина, троюродный брат князь Григорий Александрович и многие другие, овеяны героической славой и осыпаны щедротами Екатерины II. А он, Павел Сергеевич, прозябает в диком захолустье империи, гоняясь за «шайками разбойников». Нельзя сказать, что императрица осталась перед ним в долгу за его заслуги в период русско-турецкой войны 1768–1774 годов и подавления пугачевского бунта. (Сюда следует также причислить милости государыни за политико-дипломатическую деятельность Павла Сергеевича на Кавказе.) Но генералу, видимо, хотелось большего. Это вполне могло осложнять для наместника проблему расстановки «правильных» акцентов в донесениях, направляемых «навстречу».

⁶⁰ Примечательно, что князь Г. А. Потемкин чутко улавливал эти психологические нюансы, поскольку сам грешил склонностью к показухе. Он выражал крайнее недовольство теми «пышными донесениями о подвигах» кавказских военачальников, в которых о сути заурядного дела, по его словам, «можно было сказать короче».

что в докладах в Петербург черное именовалось белым и наоборот. Вместе с тем П. С. Потемкину вовсе не хотелось, чтобы там думали, будто он занят лишь будничной административно-хозяйственной работой, нацеленной на приобщение местных народов к цивилизованному образу жизни. Похоже, именно этим объясняется наличие гипертрофированных элементов в имеющейся в распоряжении у историков общей картине движения Мансура — картине, главным средством воссоздания которой до сих пор остаются русские источники.

Из них же выясняется, что Мансур в этом плане иногда был, так сказать, честнее перед историей. Как мы увидим ниже, в ситуациях, когда у него не было ни возможности, ни нужды лукавить, имам, по сути, признавал гипертрофированную и преходящую природу своей славы, а также неспособность действовать без посторонней помощи.

Глава 7

МАНСУР ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ БЕЗ ВЫБОРА

Движение Мансура возникло в условиях обострившихся русско-турецких отношений. Причиной явились два события 1783 года: подписание Георгиевского трактата о российском протекторате над Картло-Кахетией и присоединение к России Крымского ханства вместе с подвластными ему территориями к востоку от Керченского пролива.

В лице Крыма Стамбул потерял своего исторического вассала, сателлита и плацдарм для контроля над Северным Причерноморьем от Буга до Кубани, включая, помимо Крымского, стратегически важный Таманский полуостров. В лице Картло-Кахетии — надежду на усиление османских позиций в Закавказье и получение доступа к Каспию. Переход русских через Кавказский хребет грозил также дальнейшим распространением их влияния на Западную Грузию, с одной стороны, и на восточно-закавказские ханства — с другой.

Порта твердо взяла курс на реванш, в чем ее поддерживали недруги России, тайно — Франция, и почти открыто — Швеция. Однако Турция нуждалась не только и не столько во внешних союзниках, сколько во внутрикавказских. К их помощи, с разной степенью успешности, она прибегала не раз.

В 1780-х годах османские позиции по обе стороны Кавказского хребта выглядели далеко не безнадежными. Иран, после смерти Керим-хана Зенда (1779 год), вновь пришел в состояние междоусобиц и хаоса, что открывало перед Портой перспективу радикальной перекройки турецко-иранской границы и выхода к Каспийскому побережью. В этот смутный период многие персидские ханы, во имя собственных интересов, были не прочь войти в сговор с турками.

На Северном Кавказе тоже имелся достаточно емкий военно-политический и идеологический ресурс, откуда Стамбул мог черпать как

практическую, так и моральную поддержку своим реваншистским планам, тем более, что на их финансовую подпитку он никогда не скупился.

Потенциальный состав османских пособников на Кавказе был самым разношерстным и даже экзотичным — от правоверных поклонников падишаха и всего турецкого до правителей, всегда клявшихся в преданности к России. Турки умели очень тонко играть на этом.

Вместе с тем Стамбул был связан международными обязательствами в отношении Петербурга — Кючук-Кайнарджийским договором 1774 года и Константинопольской конвенцией 1783 года (28 декабря по ст. стилю), согласно которой турки уступили России Крым, правый берег Кубани и Тамань. Это заставляло Порту действовать так, чтобы не нести ответственности за нарушение данных актов. В качестве инструментов своей политики подготовки войны она готова была использовать все, что попадалось под руку. В ее распоряжении имелись по крайней мере два средства, с помощью которых Турция удавалось создавать проблемы для ее оппонентов на Кавказе.

Первое средство представляли отряды лезгинских наемников, находившиеся на службе у османского генерал-губернатора в Ахалцыхском пашалыке. Они терроризировали население Грузии, совершая грабительские набеги на Картлию, Кахетию, Имеретию, Гурию и другие земли. Ситуация являлась вполне удобной для Порты: лезгины служили орудием запугивания грузинских царей и политического давления на Россию, а в ответ на протесты Петербурга всегда можно было сослаться на невозможность обуздать дикую разбойную стихию, что зачастую соответствовало действительности. Кроме того, ахалцыхский паша традиционно пользовался определенной долей автономии, и это позволяло султану легко дезавуировать своего наместника и перекладывать на него всю вину за дестабилизацию региональной обстановки. (Екатерина II прекрасно понимала подтекст этой изощренной игры со стороны Турции.)

Второе средство — черкесы, во многом игравшие на Кубани ту же роль, что и лезгины в Закавказье. По условиям Константинопольской конвенции 1783 года, территории обитания закубанских (левобережных) племен остались в сфере влияния Османской империи. Как писала Екатерина II, Петербург пошел на эту уступку «в том единственно уповании, что Порта своих подвластных удержит в тишине и не допустит делать набеги и воровства».

Но Турция и не собиралась (даже если бы могла) выполнять данное условие. Она и в этом случае отговаривалась неспособностью укрощать неукротимое. В принципе имея основания для такого оправдания, Порты широко спекулировала на нем. Изнурявшая русских «малая война» на Кубани была выгодна туркам, которые ей либо не мешали, либо тайно поощряли в ожидании, что она вскоре станет частью большой, русско-турецкой, войны. При

возникновении очередной такой войны черкесский промыслово-набеговый механизм активизировался автоматически. России ничего не оставалось, как самой озаботиться безопасностью собственных границ.⁶¹

На этом историческом фоне нетрудно представить себе те диаметрально противоположные чувства, которые испытали Стамбул и Петербург при получении первых известий о «пророке».

Для турок это была ложка к обеду. У них имелись все основания увидеть в Мансуре знак судьбы. Да и как иначе можно было воспринять появление в преддверии замышляемого реванша против России такого военно-политического и духовного организатора, которого северокавказские горцы не знали отродясь и которого никто не ожидал. Не посетили ли тогда султана думы о том, что прошлая, проигранная русским война сложилась бы по-другому, будь у него в союзниках Мансур, и не послужило ли это дополнительным побуждением к политике заведомого нагнетания конфронтации?

Естественно, события, обрадовавшие турок в той ситуации, симметрично становились для Петербурга причиной тревоги. Эту озабоченность трудно было скрыть, сколько ни называй Мансура «бродягой» и «обманщиком», как повелись делать русские официальные власти.

Хотя Екатерина II тоже пользовалась этим успокоительным языком, опасность соединения горских волнений с внешним вторжением на Северный Кавказ она почуяла моментально. В письме к русскому посланнику в Порте Я. И. Булгакову (от 15 ноября 1785 года) императрица делилась своим «ощущением», подсказывавшим ей явное наличие связи между деятельностью «известного бродяги под именем пророка Мансура», с одной стороны, и османской политикой «содействия беспокойствам, в том крае (на Кавказе. — В. Д.) происходящим» вкупе с попытками турок «составить там себе партию во вред нам» — с другой.⁶²

О степени озабоченности Екатерины II положением дел на Северном Кавказе свидетельствует ее распоряжение о щедром моральном и материальном вознаграждении всех участников татартупского дела, от командиров до самых нижних чинов, которым были объявлены «наше особое удовольствие и монаршая милость» в связи с «одержанием столь знаменитых успехов над возмущившимися своевольными народами».

⁶¹ «Своевольства сих закубанских народов, — писала Екатерина II, — выходят из всех пределов, и начальники турецкие предьявляют себя не в силах их воздержать. Посему мы, для безопасности границ наших, не можем не предписать начальникам нашим военным, таковых своевольных в случае покушений их усмирять и наказывать».

⁶² В то же время императрица советовала Я. И. Булгакову не создавать у турок впечатления, «будто бы Мы (Екатерина II. — В. Д.) к сему происшествию (Мансуре. — В. Д.) имеем некое внимание», чтобы у Порты не было причин считать это уязвимым местом России и не возникло искушения ударить по нему.

Императрице не нужно было объяснять всю опасность горских волнений вблизи русско-турецкой границы, да еще в условиях усиливающейся конфронтации между двумя империями. Однако, как ни старалась она подчеркнуть свое «особливое удовольствие» от известия о победе над Мансуром, насладиться ею не давала одна «мелочь»: смутьяну удалось скрыться.

И пока он оставался на свободе, Екатерина II не могла предаваться благодушному настроению. В рескрипте Г. А. Потемкину от 30 ноября 1785 года выражалась твердая надежда на такое «учреждение дел тамошних», при котором вскоре будет достигнуто «совершенное успокоение края того» и удастся «поимкою лжепророка пресечь самый корень зла».

* * *

Как сама личность Мансура, так и многое из того, что он делал (или не делал), несут на себе печать непроясненности, загадочности. Конечно, такие исторические явления всегда облакаются в легендарный, таинственный ореол. «Пророк» интуитивно догадывался, какую выгоду можно извлечь из этой особенности массового сознания. Поэтому он был главным охранителем тайны о самом себе, ради искусственного затемнения которой ему приходилось идти на всякого рода ухищрения.

Впрочем, в этом зачастую не было нужды. Недостаток достоверной информации или ее разноречивость современники Мансура компенсировали усиленной работой воображения, сотворяя мифы — один заразительнее другого. К сожалению, этим, в данном случае неподходящим, инструментом⁶³ широко пользуются нынешние историки определенного идеологического⁶⁴ толка.

Почву для произрастания этих мифов создает невозможность доподлинно и детально восстановить всю картину деятельности Мансура в период с начала ноября 1785 года до конца июля 1787 года. Очень мало заслуживающих полного доверия данных о том, чем конкретно он занимался на протяжении этих 18 месяцев, какое число горцев и какой этнической, социальной и территориальной принадлежности оказалось более всего подверженным его влиянию. Насколько это влияние было сильным по сравнению с предшествующим и последующим временем? Имелись ли у него четкие военнополитические планы на будущее, и если да, то связывал ли он их с Северо-Восточным Кавказом? Испытывал ли он колебания в обстоятельствах, которые складывались для него весьма угрожающим образом?

⁶³ Миф, как таковой, безусловно может быть историческим источником и предметом исследования, но не в качестве адекватного отражения реальности, а как форма крайне искаженного преломления этой реальности в массовом или индивидуальном сознании.

⁶⁴ Речь идет именно об идеологии, а не о методологии, ибо последняя является научной операционной системой, предполагающей соответствующие исследовательско-технические и логические процедуры, где нет места фантазиям.

Хотя однозначных ответов на эти вопросы имеющиеся документальные источники не дают, поиск ответов неоднозначных представляется не совсем безнадежным занятием для историка.

После поражения Мансур, «оставленный было всеми», бежал в аул Шали. Военных действий с его участием на Северо-Восточном Кавказе больше не зафиксировано. Это наталкивает на предположение, что имам, лишившись прежней социальной и моральной опоры, затаился и выжидал дальнейшего развития событий.

Есть и другое обстоятельство, достойное внимания. Имам пошел на риск, поселившись в пределах досягаемости русских войск (около 40 верст южнее того места на реке Сунжа, где в 1818 году будет построена крепость Грозная). Почему он не выбрал местом своей резиденции, к примеру, какой-нибудь из спрятанных в глубоких ущельях, труднодоступных аулов в верховьях реки Аргун?

Возможно, Мансур опасался, что его там не примут либо потому, что не знают, либо, напротив, потому, что знают слишком хорошо, чтобы жертвовать ради него сложившимся строем жизни да еще навлекать на себя гнев русских генералов. А еще вероятнее, имам боялся, что о нем попросту забудут, удались он в глубину гор, в изолированный мир, находившийся в сложных отношениях с равниной.

Так или иначе, ясно одно: «пророк» не считал свое дело проигранным. Пока среди горцев оставались люди, готовые в любой момент оседлать коней и ринуться на Кавказскую линию в поисках поживы, имам мог рассчитывать на использование этой мотивации и этой энергии в собственных целях, которые, конечно, шли гораздо дальше столь примитивных установок.

Период политического молчания Шейх-Мансура длился недолго. С начала 1786 года он начинает подавать признаки активизации, пока лишь идеологической. Стало быть, имам вынашивал какие-то планы и надежды. Возникает едва ли не самый ключевой вопрос: где находился источник его оптимизма?

Тут весьма уместно вспомнить о некоторых историографических фактах, связанных с оценкой движения Мансура. В 1950-е годы в советской исторической литературе, явно не без влияния конъюнктурно-политических причин, появилась идея о том, что это движение было инспирировано турецким правительством. Потом, по тем же причинам, от нее отказались.

Сегодня даже упоминать об этом в среде многочисленных поклонников Шейх-Мансура считается неприличным. Данная версия в том виде, в каком ее тогда предложили, действительно выглядит вульгарно: простого желания «османского наймита Ушурмы» услужить своим покровителям, оказывается, было достаточно, чтобы поднять горцев на войну с Россией.

Означает ли это, что в этой концепции все, от начала до конца, — неправда?

Обратимся к фактам.

Еще в начале 1785 года в первых проповедях Мансура звучит обещание совершить поход на северо-запад для соединения у реки Кума (а до нее от Алды, где в то время находился имам, больше 250 верст) с «большим войском из Стамбула».

В принципе, историк мог бы оставить это без внимания — в конце концов, для любого даровитого проповедника, апеллировавшего, как Мансур, к тогдашнему массовому сознанию, грех было бы не воспользоваться особой восприимчивостью этого сознания к гипертрофированным, баснословным образам. В число последних вполне могла бы вписаться встававшая в воображении горцев картина их торжественной встречи на Куме с огромным воинством турецкого султана.

Однако в начале октября того же, 1785-го, года среди черкесов Закубанья распространились сведения о том, что Мансур получил от турецкого правительства письмо с обещанием прислать к нему «деньги, знамя, пушки и войско». По другим данным, часть обещанного уже была доставлена в османскую провинцию Ахалцых к местному паше.

Приблизительно в то же время к жителям кумыкского аула Джэнгутай явились посланники от их владетеля Ахмет-хана, временно находившегося в Стамбуле. Тот извещал горцев, что «Порта даст им денег и войско, если они последуют советам пророка и восстанут против России». (Подобные известия стали распространяться в Дагестане еще в начале 1784 года.)

В принципе, эти факты — тем более, что судить о степени их достоверности сложно — ничего не доказывают, и в них, даже имея они место, нет никакой особой сенсационности. Османские эмиссары на Северо-Восточном Кавказе с их деньгами, подарками и подстрекательскими призывами к войне против России уже больше двух веков не были для горцев диковинкой. В середине 1780-х годов турки или их пособники вполне могли появиться в Дагестане и Чечне, вообще ничего не слышав о Мансуре.

Это было время, когда после присоединения Крыма к России и установления русского протектората над Восточной Грузией Стамбул готовил реваншистскую войну против Петербурга. Естественно, Порте требовались союзники, которых она традиционно искала в том числе и на Северном Кавказе. Движение Мансура возникло как нельзя кстати, и не воспользоваться им турки просто не могли себе позволить.

Впрочем, не все так складно, и вопросы остаются, поскольку османская тема зазвучала в проповедях Мансура слишком уж рано, подозрительно рано — за два с половиной года до начала русско-турецкой войны 1787–

1791 гг. Именно через этот промежуток времени имам сделает то, к чему он призывал горцев едва ли не в самом первом своем обращении к ним, — пойдет в Черкесию на соединение с османскими войсками.

Откуда мог он знать в начале 1785 года, находясь в горной чеченской глуши, что между Россией и Турцией грядет разрыв?⁶⁵ Что означала загадочная фраза, которую Мансур, после всех поражений, обронил в разговоре со своим сподвижником Чапаловым: «У меня будет войско несравненно более прежнего, ...но его никто не увидит»?⁶⁶

Эти и многие другие безответные вопросы до сих пор стоят перед историками в том же виде, в каком их поставил перед своими современниками этот удивительный персонаж.

Но, по крайней мере, одно было ясно для русских властей на Северном Кавказе уже к исходу 1785 года: они столкнулись с совершенно неординарным явлением. Никого и ничего подобного в кавказских анналах еще не встречалось. Мансур озадачивал всех и всем. Откуда он взялся на фоне относительного спокойствия, наступившего в Чечне после подавления волнений 1783 года? (Будь это иначе, П. С. Потемкин никогда бы не позволил себе отлучиться в Петербург почти на год, оставив кавказские дела на попечение своих подчиненных с ограниченными полномочиями.) Как удалось ему сплотить вокруг себя своенравных, неукротимых, недоверчивых горцев, еще вчера слыхом не слыхавших о каком-то Ушурме? По меткому замечанию британского историка Джона Бэдли, «Шейх-Мансур как будто явился с небес».

Это было действительно явлением, и не только для тех, кого он так легко увлек за собой, но и для русских генералов, много чего повидавших на своем веку. Могло ли у простого «пастуха» найтись столько дарований,⁶⁷ включая, если верить одним источникам и не верить другим, свободное владение арабским языком, чтобы заставить П. С. Потемкина поспешить с возвраще-

⁶⁵ Если предположить, что Мансур основывался на слухах, то возникает вопрос: могли ли они стать для него источником воинственного возбуждения, учитывая, что разговоры о войне в Стамбуле шли с середины 1770-х годов и несколько раз назначались даже «точные даты» ее начала. Стал бы имам с его умом и расчетливостью строить свои стратегические планы на столь зыбком фундаменте?

⁶⁶ По поводу смысла намек на «невидимое войско» остается лишь гадать. Не исключено, что здесь Мансур просто прибежал, как он часто делал в общении с людьми, к некоей мистификации. Но, возможно, имелось в виду другое: новую армию имама «никто не увидит», ибо действовать она будет далеко от Чечни, то есть в Черкесии.

⁶⁷ Среди них были нехарактерные для горцев навыки управления боевыми действиями. В частности, Мансур разбивал свое войско на подразделения, каждое из которых выполняло определенную тактическую задачу. В более или менее крупных вылазках имама сопровождал интендантский обоз, часто использовавшийся для построения вагенбургов. Конечно, все это он мог позаимствовать у русских, но вполне вероятно, что имелся другой источник его военных знаний. В последнем случае гипотеза о нечеченском происхождении Мансура получала бы дополнительное подкрепление.

нием на Кавказ и всерьез взяться за разработку стратегии и тактики борьбы со смятением в умах, поднятым «лжепророком»?

Все эти вопросы повисают в воздухе, когда обращаешься к изучению поведения Мансура в конце 1785-го — начале 1786 года, логично ожидая, что после тех вчистую проигранных им сражений, в которых его не убили лишь случайно и которые оставили вождя без соратников, круг страстей и интересов имама сузится до единственного, по-человечески понятного, оправданного желания уйти в тихую мирскую жизнь.

Мансур не дал современникам ни малейших шансов потешить себя такой иллюзией хотя бы ненадолго. Прошло всего две—три недели после Татартупа и несколько дней после его поселения в Шали, как имам вновь принялся за проповедь. Шалинцам он сказал, что наперед предвидел все случившиеся бедствия и радуется понесенным поражениям, ибо они есть гнев Божий за ослабление веры, взаимное несогласие и неисполнение его, Шейх-Мансура, наставлений. «Пророк» умудрился обратить свое фиаско в назидательное доказательство своей правоты. В его речах бесполезно искать даже намёка на готовность взять ответственность за немалые жертвы среди горцев на себя — ее он возлагает на... самих жертв и тех, кто был нетверд в желании идти за вождем и его идеями до конца.

С исторической, так сказать, точки зрения, можно согласиться с Мансуром. «Виновато» действительно было общество, еще не созревшее до восприятия идей, опережавших его сознание.⁶⁸

Это отнюдь не означало, что Мансур не видел собственных просчетов и не анализировал их. В шалинскую тишь он, скорее всего, для того и удалился. Там ему предстояло выбрать «стратегию возвращения». Что предпочесть — второе пришествие к горцам Северо-Восточного Кавказа или поиск новых сподвижников на новом поприще? Мансур, похоже, склонялся к последнему. Тогда зачем весь этот подъем проповеднической активности среди чеченцев и дагестанцев на рубеже 1785 и 1786 годов?

Затем, вероятно, что оставались еще какие-то обрывки надежд на возрождение движения именно там, где оно возникло и где за «пророком» пошли тысячи людей, среди которых были не только «грубые материалисты»,⁶⁹ но и — пусть в мизерном меньшинстве — ищущие высоких истин.

Была и другая причина. Если Мансур намеревался перебраться в Черкесию, то там у него уже не получилось бы «свалиться с небес», как это было в Чечне. Поскольку черкесы достаточно много слышали о подвигах имама,

⁶⁸ Напомним, что самый успешный горский реформатор — имам Шамиль — появится лишь через полвека и тоже потерпит поражение — не столько военное от русских, сколько идейное и социальное от своих соплеменников.

⁶⁹ В. А. Потто совершенно верно подметил, что «большинство увлекалось, конечно, не учением имама, а приманкою грабежа и добычи».

он не мог явиться к ним в рубище и в единственном числе, тем самым как бы символизируя позорный крах своего дела.

Чтобы обрести новых приверженцев, тем более среди закубанцев, требовалось впечатляющее подтверждение своей силы и способности восставать из пепла, то есть — войско. Ему не обязательно было быть большим, но обязательно боеспособным и преданным. Самым близким аналогом такого соединения являлась дружина или гвардия, неотлучно сопровождавшая любого кавказского правителя в качестве охраны и почетного эскорта, выступавшего неперменным атрибутом власти.

Пришедшее к Мансору понимание острой необходимости иметь при себе такой инструмент и одновременно знак силы можно считать одним из главных уроков, вынесенных имамом из своей короткой, но яркой чечено-дагестанской эпопеи.

Создание подобной гвардии не требовало большой социально-рекрутской базы. Все, что требовалось, — лично преданные вождю «профессионалы» в военной области и его духовные единомышленники. Потенциальные источники пассионарной энергии на Северном Кавказе наличествовали всегда, хотя много их не могло быть по определению. Всеобщее разочарование горцев в Мансуре, которое фиксируют исторические документы, практически не влияло на величину этого потенциала.

Набором именно такого войска Мансур и занялся чуть ли не на следующий день после прибытия в Шали. Эта вполне земная работа оплодотворялась проповедями, возобновленными для тех, кто не потерял к ним интереса. «Если вы впредь будете мне послушны, — говорил он, — то убиенные на поле брани, по предстательству (по заступническому ходатайству — *В. Д.*) моему, будут приняты в царствие небесное, а оставшиеся в живых на будущую весну будут очень обрадованы».

Мансур вновь обещает радужные перспективы и живым, и мертвым. Главное условие — послушание. За несоблюдение его Аллах однажды уже покарал горцев. Но у них есть еще шанс одуматься и вернуться под указующий перст того, кто знает дорогу к блаженной жизни и на земле, и на небесах.

На вопрос любопытствующих шалинцев — какой же это такой «радостью» воздастся им за праведность? — следовало таинственное молчание. Их воображение распалось странным поведением знаменитого новосела. Потерявшему все свое войско и едва унесшему ноги от русских Мансору, казалось бы, должна была претить сама мысль о возможности повторения столь печального опыта. Предполагая именно такую житейскую логику в тех, кто окружал его, имам действовал вопреки ей. И это тоже выдавало в нем совершенно незаурядную личность.

Каждым своим шагом Мансур заставлял горцев мучиться вопросами. Его пребывание в Шали было наполнено микроэпизодами, которые он «ставил» с изумительным мастерством. Чего стоит, к примеру, военное знамя, как бы «случайно» увиденное горцами в руках у имама, украшавшего его золотыми и серебряными значками. «Для кого это знамя?» — спрашивали шалинцы. «Для того, — отвечал Мансур, — кто явится через два месяца, и тогда я открою вам чудеса».

Такой ответ лишь множил вопросы и растравлял интерес к планам имама. Не сходявшая с уст Мансура тема чудес мало-помалу возрождала у еще не обжегшихся на войне горцев веру в его пророчества.

Со стороны порой могло показаться, будто «отставной» имам просто забавлялся со скуки: ведь чем-то надо было занять себя в тоскливой ичкерийской глубинке. Однако то, что он вскоре стал делать, помимо магических заклинаний, мало походило на забаву.

Мансур вновь заговорил о священной войне. Не в узком кругу приютивших его шалинцев, а в прокламациях, распространяемых не только в Чечне и Дагестане, но и в Черкесии. Он проклинал русских и их приспешников, звал на борьбу, сулил вечное блаженство каждому мусульманину, павшему за веру или убившему гяура.

Под влиянием ли этих призывов или по иным причинам к имаму вернулся покинувший было его Чапалов, приведя с собой какое-то количество воинов и подав тем самым пример скептикам. Признаком возрождающего влияния Мансура стал появившийся вокруг его дома постоянный караул из местных жителей, охранявших человека, которого они теперь считали святым. О выдаче его русским, даже за большие деньги, уже мало кто помышлял.⁷⁰

Имам уже не был похож на того смиренного ходатая, который еще несколько недель назад просил у жителей Шали разрешения поселиться среди них на том основании, что его близкий родственник (брат жены) принадлежит к местной общине.

Заготавливая мешки для провианта и огромные походные котлы, имам давал понять о своих далеко идущих намерениях. Спустя несколько месяцев после бегства в Шали он в письмах к чеченцам и дагестанцам уже не просил, а требовал, чтобы к нему были присланы «от каждой мечети (то есть от каждой общины-прихода. — В. Д.) по три человека».

Вся эта деятельность, конечно, умножала число его сторонников, но достичь прежнего уровня влияния среди горцев он уже не мог. Судя по всему, в течение 1786-го и первой половины 1787 года вокруг Мансура образовалось какое-то ядро вооруженных последователей. Однако их было явно

⁷⁰ Среди горцев появились мошенники, наживавшиеся на получении денежных задатков за обещание доставить голову Мансура — обещание, которое было заведомо невыполнимо.

недостаточно для вылазок, способных доставить русским более или менее серьезные проблемы. Военная пассивность имама в данный период — тому подтверждение.⁷¹

Мансур, похоже, находился на распутье. Перед ним по-прежнему стояла дилемма — еще раз попытаться счастья на Северо-Восточном Кавказе или искать его в Черкесии. В свете его последующей деятельности такое предположение не выглядит безосновательным, хотя доподлинно знать, что происходило в голове у имама, нам не дано. Возможно, и сам он не смог бы четко изложить свои военно-политические планы в рациональных категориях.⁷² Если у него и были такие планы, то строил он их, руководствуясь не столько рассудочной, изначально намеченной и неизменной целью, сколько интуитивным приспособлением к меняющимся обстоятельствам.

Применительно к первой половине 1786 года можно констатировать, что сочувствовавшие слову и делу Мансура находились среди жителей лишь трех аулов — Шали (чеченцы), Аксай и Эндирей (в основном кумыки). Но и тут следует помнить: сочувствовать — это одно, а быть готовым влиться в его военные отряды, чтобы рисковать жизнью, — совсем другое. Последних было гораздо меньше.

Потом и их число стало сокращаться. В августе—сентябре 1786 года эндирейские и аксаевские старшины в письмах к П. С. Потемкину раскаивались «во всех своих заблуждениях» и, прежде всего, «в прилепленности своей к имаму» в нарушение ранее данной России присяги на верность.

Называя себя преступниками, они оправдывали присоединение к Мансуру «немалыми обидами» и «притеснениями», испытанными во времена генерала де Медема, закрывавшего глаза на бесчинства местной знати в отношении простого народа. Теперь старшины, выступая от имени этого самого простого народа, обещали «отстать вовсе от Ушурмы», просили о прощении и заявляли о желании «быть по-прежнему верными Ее Императорского Величества рабами». При этом они не без эдакого философского изящества сетовали, что не бывает «слуг без прегрешения, а властителей без милосердия».⁷³

⁷¹ Историки отмечают, что «1786 год прошел на линии (Кавказской. — В. Д.) сравнительно спокойно».

⁷² Материалы следствия по делу Шейх-Мансура, при всей его откровенности на допросах, многое оставляют неясным.

⁷³ Ссылаясь на многочисленные случаи отказа П. С. Потемкина от заслуженного возмездия, старшины просили его еще раз проявить милосердие, а если последует еще одно нарушение присяги с их стороны, «извольте нас разорить как угодно».

Глава 8

ГОРСКАЯ ЗНАТЬ ТОРГУЕТСЯ С П. С. ПОТЕМКИНЫМ

Что касается более крупных игроков на дагестанском политическом поле — шамхала тарковского, хана аварского, уцмий кайтагского, кадия табасаранского, то оснований опасаться перспективы их союза с Мансуром было изначально мало. Для них имам был прямой угрозой традиционным институтам власти и влияния, непосредственным конкурентом на этом поприще. Единственное, чем он мог представить интерес для этих правителей, являлась потенциальная возможность периодически намекать России на их незаменимость в деле предотвращения влияния «лжепророка» на умы людей.

Те дагестанские владетели, которые поддерживали связи с Мансуром, делали это не для того, чтобы доводить их до союзнических или квази-союзнических отношений, а для того, чтобы эти маневры не остались не замеченными Россией.

Проблемы Петербурга в данной ситуации упрощались еще тем, что эти правители находились друг с другом в разной степени вражды и соперничества. Каждый из них домогался быть первым доверенным лицом России на Северо-Восточной Кавказе, особенно в вопросах о посреднических услугах как в русско-дагестанских, так и во внутридагестанских делах. Задача русских наместников в данном случае состояла не в применении политики «разделяй и властвуй», а в том, чтобы найти к каждому из этих непростых персонажей свой подход.

С марта 1786 года практически до конца русско-турецкой войны 1787–1791 гг. самые влиятельные дагестанские владетели наперебой заверяют Петербург в своей верности, подтверждают старые и дают новые присяги, сообщают важные сведения о деятельности османских эмиссаров на Кавказе. Но в стиле общения местной политической элиты с П. С. Потемкиным есть существенные нюансы и различия.

Шамхал тарковский Баммат в послании П. С. Потемкину (начало марта 1786 года) прямо пишет о «признании от стороны моей верховной власти всероссийских самодержцев» по примеру своих предшественников и всенижайше просит Екатерину II принять «нас со всеми нам принадлежащими владениями и народами (курсив мой. — В. Д.)» под «всевысочайший покров» и сопричислить императорскому престолу.⁷⁴

В этом прошении Баммат даже и не подумал упоминать о Мансуре, справедливо считая совершенно неуместным в документе такого рода оставлять у русских хотя бы малейшее сомнение в том, что «лжепророк» — такой же враг шамхала, как и России.

И это была правда. В условиях центробежных тенденций внутри шамхальства над ним постоянно висела угроза дальнейшего распада, которая усугублялась внешними угрозами, исходившими от сильных соседей. Мансур был способен внести лишь смуту в эту и без того непростую ситуацию. Союз и даже просто общение с ним не сулили ничего, кроме неприятностей. Для шамхала жизненно важна была Россия, а не Мансур. Только она могла оказать ему реальную помощь в сохранении его власти и выступить гарантом целостности его владений.

Аналогичным являлось ходатайство к П. С. Потемкину (март 1786 года) кайтагского уцмья Алибека. Он писал, что Шиха (Шейх-Мансура) «ни во что не вменяет (не ставит. — В. Д.)» и считает, что и дух его давно истреблен был бы, если бы Екатерина II желала, «чтоб была проливаема человеческая кровь». Ее Императорскому Величеству ничего не стоило бы «здесьние пределы привести в разорение», но именно этого она и не хочет. Прося наместника «не верстать» его с теми, кто ведет себя с Россией либо враждебно, либо двусмысленно, уцмий ходатайствовал о признании «его с четырьмя сыновьями Ее Императорского Величества верными рабами».⁷⁵

В послании табасаранского кадия Рустама (март 1786 года) тональность несколько иная. Начинает он, явно подразумевая Мансура, с пожелания «гнева божия над оным, кто ложно оглашает себя именитым» и поступает «в делах противно». Затем кадий многозначительно напоминает о своем 40-тысячном войске, которое «никогда на вред к вам (русским. — В. Д.)» не употреблялось, что не было оценено Россией по достоинству.

⁷⁴ Текст присяги был скреплен подписью и печатью шамхала. Весьма красноречивая подробность данного документа состояла в обязательстве Баммата «отвергать всякое надомноу и владениями мойми, под каким бы то титулом и предлогом ни было, господствование или власть других государей и держав». Это подразумевало не что иное, как разрыв с политической практикой так называемого «двойного подданства» некоторых дагестанских владетелей — российского и персидского, — практикой, сложившейся с XVI века как следствие стратегического партнерства между Россией и Ираном против Турции.

⁷⁵ В сентябре 1786 года Алибек почти в тех же выражениях подтвердил готовность служить России, в подражание своим предкам.

Рустам не скрывает своей обиды по поводу отсутствия его персоны среди лиц (хан дербентский, шамхал тарковский, уцмий кайтагский и другие), с которыми П. С. Потемкин поддерживал дружескую переписку, сопровождаемую и более существенными знаками внимания. «А ко мне посылать не соизволили», несмотря на то, что «наши главные предки российским монархам служивали», укорял кадий.

Заявляя о своей готовности, продолжая эту традицию, служить императрице «верой и правдой», Рустам предупреждал, что в случае отклонения его предложения он сыщет того, кто действительно нуждается в его услугах и будет за них благодарен — «тогда не укоряйте меня, ибо я вам впредь даю о том знать».

Догадываться о тех, кто заинтересован в его, Рустам-кадия, военно-политических услугах, он оставил П. С. Потемкину. Впрочем, тут особой проницательности не понадобилось: речь шла о врагах России — турках и их потенциальных восточно-кавказских союзниках, возможно, при определенных обстоятельствах, и о Мансуре.

Степень недовольства Рустам-кадия, видимо, была слишком велика, чтобы ожидать от него готовности придать немного больше дипломатического лоска грубому шантажу, который он позволил себе в послании к П. С. Потемкину.

Реакция наместника на письма кайтагского уцмийа и табасаранского кадия соответствовала их содержанию.

Алибеку (в двух, мартовском и майском, письмах 1786 года) Павел Сергеевич «изъявил свое удовольствие» и «удостоверил в дружбе», сообщив, что его послание будет доставлено «главному повелителю войск и границ» России князю Потемкину с присовокуплением комментариев, призванных «утвердить наиболее заслуги ваши».

Наместник не скрывал особого удовлетворения от сообщения Алибека о том, что «здесь бунтовщик Ушурма не значит ничего», и главная ценность этого заявления была очевидна: оно отражало пророссийскую политическую позицию самого уцмийа. П. С. Потемкин советовал ему склонять табасаранского кадия «не утверждаться на призыв тех, кои от прямой силы (русской армии. — *В. Д.*) рассеются, яко прах от сильной бури». В заключение своего письма наместник не преминул уведомить Алибека об отправленном к нему подарке.

Послание к Рустам-кадию (март 1786 года) было иным. Подчеркнув, что в сферу его, уполномоченного Екатерины II, входит искоренение «злых намерений тех, кои жаждут крови» (весьма широкий намек, подразумевавший не только Мансура), П. С. Потемкин признал, что «не имел я доныне случая жаловаться на вас и приятным почитаю письмо ваше». Давая понять, что

умеет читать незамысловатые экивоки, он поблагодарил за «извещение о... числе войск ваших».

В ответ на упрек по поводу невнимания к персоне кадия наместник заметил, что тотчас вступил с ним в «дружескую переписку», как только того пожелал табасаранский владетель. Тем самым Павел Сергеевич тонко намекнул на свое нежелание заводить для наместника императрицы правило по прибытии на Кавказ первым представляться местным правителям, даже если это «знаменитый кадий Рустам» (как назвал его П. С. Потемкин в церемониальной преамбуле своего послания).

Пообещав кадию передать его послание «ближайшему к престолу Ее Императорского Величества министру (князю Потемкину. — *В. Д.*)» и удостоверив его в том, что было абсолютно необходимо в общении с горскими владетелями — «служба ваша не останется без воздаяния», П. С. Потемкин перешел, пожалуй, к самому, в данном случае, главному.

Он, на сей раз без всяких обиняков, заявил о недопустимости предлагать России свои услуги в странном сочетании с угрозой перепродать их другой стороне. Павел Сергеевич оставлял на усмотрение Рустам-кадия выбор между дружбой с великой, могущественной и богатой державой, не замеченной в чувстве неблагодарности к своим верным союзникам, и желанием «прилепиться к союзу тех, коих тленное бытие уничтожится, яко огонь от паров, блеснет и исчезнет».

Заканчивалось послание на холодно-вежливой ноте упования на то, что «благоразумие покажет вам путь, по которому следовать». Впрочем, наместник нашел все же нужным продемонстрировать свое оптимистическое настроение в более явной форме. «Всегда готов платить вам дружбою, — писал он, — и в знак оной посылаю к вам подарок». Последний служил как бы символическим предварением будущего, которое со всей убедительностью покажет, «сколь лестно (то есть выгодно в моральном и материальном смыслах. — *В. Д.*) покровительство всесильной, августейшей всероссийской самодержицы».⁷⁶

Не лишним посчитал П. С. Потемкин выразить свои дружеские чувства и послать подарок Мухаммед-хану казикумухскому (мая 1786 года), несмотря на то, что вероятность присоединения его к Мансуру была ничтожной.

Письмо наместника к эндирейским старшинам (4 августа 1786 года) было, по понятным причинам, жестким. Оно являлось ответом на их изъятие

⁷⁶ Через два месяца, в марте 1786 года, П. С. Потемкин направил Рустам-кадию еще одно послание более примирительного содержания, сопроводив его подарком. В сентябре 1786 года наместник получил ответ, из которого явствовало, что табасаранский владетель, здраво поразмыслив, оставил свои капризы и обещал «служить вам (России. — *В. Д.*) со всем усердием», прося лишь «не оставить» его жалованьем. Согласие П. С. Потемкина последовало тут же.

раскаяния за деятельное участие в предприятиях Мансура и на прошение о помиловании. О том, какова в его, П. С. Потемкина, глазах мера их вины, он дает понять фразой о «беспредельном милосердии» Екатерины II, «человеколюбивой душе ее, склонной миловать и щадить».

Однако это, по признанию командующего, не единственное обстоятельство, способное удержать его от применения «меча военного, вверенного моему управлению». Все будет зависеть от чистосердечности раскаяния эндирейцев, в доказательство они должны принести «новую на верность Ее Императорскому Величеству присягу», отречься от «всякого сообщения с известным бунтовщиком и обманщиком Ушурмою» и выдать аманатов.

В ряду именитых дагестанских корреспондентов П. С. Потемкина особняком стоял Ума-хан аварский, едва ли не самый умный, хитрый, могущественный и непредсказуемый правитель. Его ближние и дальние соседи нуждались в нем гораздо больше, чем он в них. Примкнув к одной или другой коалиции, аварский хан мог кардинально изменить расстановку сил на Восточном Кавказе, но он не спешил этого делать.

Спрос на военно-наемнические услуги Ума-хана был высок, и поэтому стоили они дорого. Иногда смысл этих услуг заключался в том (как в случае с картло-кахетинским царем Ираклием II), чтобы просто не совершать разбойничьи набеги на территорию того или иного правителя. Ему очень нравилось совмещать в себе политического игрока и кондотьера, чередуя эти роли в зависимости от того, что приносило большую выгоду на сей момент. В искусстве манипулировать этими ипостасями равных ему не было.

Цену себе Ума-хан, безусловно, знал и не стеснялся поднимать ее выше всякого приличия в стремлении прощупать пределы щедрости и платежеспособности клиента. Любил ли Ума-хан что-либо больше или кроме денег, сказать трудно. Если в круг его жизненных ценностей входили такие понятия, как слава, престиж, величие, то им, образно выражаясь, принадлежала роль эдакого золоченого ларца для хранения того же презренного металла.

Такая персона требовала к себе особого подхода, особых знаков почтения, особой осторожности. П. С. Потемкин, почувствовав это сразу же по вступлении в должность командующего русскими войсками на Северном Кавказе, не посчитал зазорным самому проявить инициативу и послать Ума-хану письмо с выражением дружеских чувств, предлагая подумать над преимуществами добрых отношений с Россией в виде преданного «служения» Екатерине II по примеру других кавказских правителей.

До появления Мансура аварский хан интересовал русские власти постольку, поскольку он, как и его предшественники, своими набегами постоянно терроризировал Восточную Грузию, находившуюся под покровитель-

ством России. Ираклию II приходилось откупаться от своего ненасытного и ненавистного соседа в том числе деньгами, получаемыми из Петербурга, который хотел таким и другими способами умиротворить Ума-хана. Но это лишь растревляло его аппетиты, ибо теперь он знал, что за безопасность Картлии и Кахетии можно взять еще и с России.

Не имея никакого резона ссориться с русскими, Ума-хан искусно и не без увлечения играл роль их верного друга. В ответном письме П. С. Потемкину (от 24 июля 1783 года) он пылко выразил готовность «душою и телом служить нашей (курсив мой. — *В. Д.*) великой государыне». «Во всякое время, — заверял хан, — желаю (у Екатерины II. — *В. Д.*) подвластным быть и (е. — *В. Д.*) повеление исполнять».

Если бы он этим ограничился, то изменил бы себе, чего ожидать от него не приходилось. Поэтому не было ничего удивительного в том «чистосердечном признании», которое последовало после его верноподданнических заверений. Взамен своей «верной дружбы» Ума-хан просил, чтобы Россия не мешала ему выяснять отношения с его врагами и соперниками, наказывать их за учиненные против него «злодейства». Иными словами, предоставила ему свободу рук в Дагестане и Закавказье.

Петербург, вовлекавшийся в региональные дела все глубже, не мог этого позволить в принципе. Нетрудно представить, как пострадал бы престиж великой державы, если бы она, не успев взять под свое покровительство Ираклия II, тут же оставила бы его царство на поток и разграбление со стороны войск Ума-хана, чего тот, собственно, и домогался у России. И вообще, не в ее интересах было поощрять на Кавказе чей бы то ни было экспансионизм, тем самым нарушая относительное равновесие сил, которое придавало общей ситуации в регионе менее хаотический вид и более управляемый характер.

Недостаток военных, финансовых и организационных ресурсов, остро необходимых для решения других, некавказских, внешнеполитических задач, вынуждал Петербург воздерживаться от решительных действий на Кавказе и применять тактику лавирования между враждующими коалициями, составы которых менялись быстро и непредсказуемо.

Вникать в эту сложную механику у Ума-хана не было никакой нужды. В ней его интересовало лишь то, что обещало осязаемые выгоды — либо прямые материальные, либо легко конвертируемые в таковые. Порой создавалось впечатление, будто он скорее симулировал наличие настоящих, государственно-политических амбиций, чем имел их на самом деле. Для Ума-хана моральный престиж и политический вес, который он безусловно стремился приумножить, были разновидностью денежного капитала, средством достижения земных целей. Хан был из тех, кто рассматривал власть как путь к обогащению, а не наоборот.

Однако это совсем не означало, что он был таким простодушным, каким хотел казаться, и иногда не без успеха. В сущности, абсолютно меркантильные, грубые задачи Ума-хан умел, когда требовала необходимость, решать с дипломатической изощренностью и даже неким, если угодно, шахматным блеском, невольно заставлявшими П. С. Потемкина задумываться над ответными ходами.

Хан моментально сообразил, где самая уязвимая точка России на Кавказе — разваливавшееся восточно-грузинское государство во главе с незаурядным, но стареющим и все более беспомощным царем Ираклием II. Аварские войска, насчитывавшие 20 тысяч человек (включая значительное число лезгин), могли вконец разорить Картло-Кахетию, но могли и ограбить ее от жестоких набегов, за соответствующее вознаграждение. (То есть, по сути, продлить агонию, ибо «лекианоба» — в вольном переводе «лезгинская напасть» — была отнюдь не единственным и не главным источником разложения грузинской государственности.)

Ума-хан уловил, что именно эту проблему нужно сделать предметом торгового с Россией. И он повел его с иезуитским изыском, достойным своего рода восхищения. Козыри у хана были приличные. В 1785 году он нанес Ираклию II ряд поражений и навязал ему унижительный договор, по которому царь обязывался выплачивать ежегодную дань в размере 5 тысяч рублей.

У России в Закавказье не было военных сил, достаточных для повсеместного отражения нападений многочисленных и чрезвычайно подвижных отрядов Ума-хана. Стоявшие в Тифлисе русские пехотные части были по определению непригодны для борьбы (то есть преследования) ханской кавалерии. России по необходимости приходилось отдавать предпочтение дипломатии, что было на руку аварскому правителю.

Переговоры, если их можно так назвать, проходили в виде обмена письмами между П. С. Потемкиным и Ума-ханом, которого подобная форма общения очень устраивала, позволяя тянуть время и использовать его для причинения Грузии еще большего урона.

Наместник, напротив, хотел поскорее примирить Ума-хана с Ираклием II, чтобы избавить Грузию от бесчинств горцев. Это было еще крайне важно на случай новой русско-турецкой войны. Оплаченный русскими деньгами грузино-аварский «союз», даже в его карикатурном виде, вероятно, удержал бы Порту от возмездия за Георгиевский трактат 1783 года и освободил бы Петербург от необходимости тратиться еще и на военную кампанию в Закавказье, как 1768–1774 годах.

Насколько цепко ухватывала мотивы русской политики догадливая мысль Ума-хана — неизвестно. Но, похоже, что там, где ему не хватало широкого видения международных проблем, на помощь приходило чутье. Оно

безошибочно подсказало главное: если П. С. Потемкин так настойчив в своем приглашении на службу к Екатерине II, то за этим стоит нечто достойное особого внимания и определенных жертв с его, Ума-хана, стороны.

Наместник, уже набравшийся опыта общения с кавказскими владельцами, тоже умел играть на их тонких струнах. Одной из самых «тонких» была материальная выгода. И тут аварский правитель ничем не отличался от своих политических собратьев. Сложность его натуры заключалась не в этом, а в умении «не заметить» предлагаемых грубых соблазнов и тем самым набить себе цену, сделав вид, будто он движим более высокими идеями.

Но П. С. Потемкин не верил этим красивым позам. Акцентируя в своих письмах в основном два вопроса — о «российском верноподданстве» и об аварско-грузинском мирном сосуществовании — он настойчиво проводит через весь свой текст тему о беспримерной щедрости Екатерины II. «Империя Всероссийская, — писал наместник, — и сильна и богата», тот, кто готов верно ей служить, может ожидать не только материального воздаяния, но и умножения собственной славы.

П. С. Потемкин предлагал Ума-хану прислать к нему «надежного и доверенного (то есть наделенного широкими полномочиями. — *В. Д.*) человека» для переговоров «о всех делах».

Ухаживания столь высокой персоны лишь возбуждали в Ума-хане страсть к продолжению этой игры. В любопытном желании узнать свою подлинную цену в глазах России он рискованно приблизился к границам дипломатических приличий, что заставило П. С. Потемкина с неудовольствием заметить: «не имею я от вас ответа на мои предложения».

Ответ, весьма короткий, последовал, но в нем сообщалось лишь об «остуде нашей с царем Ираклием» и желании восстановить с ним мир на основе «сыновнего с моей стороны (к Ираклию. — *В. Д.*) почтения».⁷⁷ Хан подчеркнул, что готов на это «во исполнение предписания» П. С. Потемкина, и обещал впредь не ущемлять интересы России.

Вместе с тем о стремлении «душою и телом служить» Екатерине II уже не было ни слова. Зато, как бы ненароком, аварский владетель упоминал, что он недавно вернулся «из турецкого города Ахалцыха», давая понять о своих связях с Портой и тем самым поднимая собственную политическую значимость до уровня деятеля международного масштаба.

Вроде бы странное отсутствие реакции на материальные посулы русского наместника, пожалуй, убедительнее всего доказывает, что эти посулы Ума-хан прекрасно расслышал и взял паузу, чтобы подумать о том, как бы

⁷⁷ Ума-хан был младше Ираклия на сорок лет, что не мешало ему вести себя с грузинским царем, как с данником.

не продешевить, выстраивая свою дальнейшую стратегию в отношении России.

Появление на исторической сцене Мансура внесло новые тактические извивы в линию поведения Ума-хана, которого «пророк» заинтересовал как возможность еще выше поднять цену на свои услуги. Зная, что об этом станет известно русским, аварский правитель написал имаму письмо с выражением сочувствия его борьбе против гяуров. И одновременно он сообщает П. С. Потемкину о своем желании встретиться и договориться обо всем лично, справедливо предполагая, что над столом переговоров будет витать тень Мансура, которая заставит наместника еще усерднее ухаживать за Ума-ханом.

Конечно, хунзахский правитель никогда и не подумал бы отдавать себя и свои военные ресурсы под начало какого-то новоявленного двадцатилетнего проповедника, будь он хоть трижды кудесником. Вообразить себе, чтобы потомственный аварский хан, державший, как и его предки, в страхе и почтении добрую половину Восточного Кавказа, встал под чьи-то стяги, было невозможно. Он, скорее всего, увидел в Мансуре потенциальное орудие собственных планов, ведомого союзника, которого можно использовать прежде всего для продолжения политики шантажа и давления на Россию.

Столь же сложно представить себе и Мансура в роли простака, не способного уразуметь подоплеку ханского интереса к нему и готового превратиться в участника чужой игры.

В данном случае важно вовсе не наличие или отсутствие реальной перспективы союза между этими незаурядными персонажами, а субъективное восприятие такой вероятности русскими властями. И тут, нужно отдать Умахану должное, он то ли верно рассчитал, то ли просто угадал, что П. С. Потемкин будет склонен преувеличивать шансы на образование такого альянса и, в желании перестраховаться, не пожалеет сил на противодействие фантомной угрозе.

Наместник и в самом деле встревожился несколько избыточно. Об этом, однако, легко рассуждать сейчас, с расстояния веков. Тогда же разобраться в расположении и динамике движения фигур на кавказской шахматной доске было совсем непросто. Откуда было знать П. С. Потемкину, что история Мансура в Чечне и Дагестане закончится так скоротечно и безвозвратно. Он не исключал любого ее продолжения, в том числе в самом опасном для России направлении. На Кавказе нельзя было найти по-настоящему спокойного уголка. Тревога и неопределенность царили повсюду.

Внутрирегиональные противоречия обострились внешними обстоятельствами — с одной стороны, османским реваншизмом в связи с проигранной в 1774 году войной, потерянным Крымом и утраченным влиянием в Восточ-

ной Грузии, с другой — быстро оправлявшейся от смуты Персией, все громче заявлявшей о своих исторических правах на Закавказье.

При такой конъюнктуре П. С. Потемкин, четко следуя указаниям Петербурга, не желал умножать число недоброжелателей России на Кавказе, которые, сойдя с орбиты русского влияния, просто обречены были стать союзниками ее врагов.

6 мая 1786 года он вновь отправляет Ума-хану послание, где повторяет, «что усердия ваши к угождению Ее Императорского Величества будут сугубо возданы», ибо «ее щедроты довольно ведомы». На предложение о личной встрече командующий ответил, что препятствий к этому нет, нужно лишь условиться «о месте и времени нашего свидания».

Есть, впрочем, подозрение, что вопрос «о месте и времени» был для обеих сторон отнюдь не техническим. Ума-хан не доверял никому и, вполне вероятно, опасался, что с ним может случиться всякое, если он окажется на русской территории.

В свою очередь, по рангу ли было сорокатрехлетнему наместнику Екатерины II ехать в горы к молодому хану, годившемуся ему в сыновья?

Имел значение и фактор «времени»: если ближайшие события покажут, что военное и политическое поражение Мансура на Северо-Восточном Кавказе не иллюзия, то очные переговоры с Ума-ханом становились менее неотложными, а возможно, и вообще теряли смысл.

Не стоит забывать и о потенциальных психологических последствиях такой встречи. Соперников и союзников хунзахского хана, который не преминет растрюбить по всему Кавказу о свидании с наместником великой державы, безусловно заденет тот факт, что с одними правителями Россия нянчится гораздо больше, чем с другими. И они будут спрашивать себя: а не стоит ли и им пошантажировать ее?

Как бы там ни было, свое письмо П. С. Потемкин закончил заверением об «истинном почтении и дружбе», подтвердив это вполне осязаемым аргументом: «прилагаю здесь перстень».

В августе 1786 года наместник посылает к Ума-хану своего личного представителя князя А. Е. Уракова с подробнейшей инструкцией, достойной внимательного прочтения историка. Ее текст ясно говорит о намерении Павла Сергеевича хорошо изучить своего визави и его устремления. Уракову велено было начать это изучение с наблюдения за тем, с каким выражением лица и с какой степенью удовольствия примет хан доставленные ему подарки: «ящик красного дерева с деньгами, бархат и мех».

Понимая по предшествующей переписке, что Ума-хан избегает разговора о конкретных обязательствах, предполагаемых статусом «верного слуги» Ее Императорского Величества, П. С. Потемкин наказывает «отнюдь не предла-

гать ему» подданства, а «тщательно стараться проникнуть» в его подлинные желания и в его видение того, на каких именно принципах и условиях хочет он строить взаимоотношения с Россией.

Уракову рекомендовалось, не заводя разговор об этом специально, как бы невзначай заметить, что недавний отказ хана от приглашения чеченцев к совместному выступлению против русских (а такое было) не остался без благосклонного внимания со стороны наместника, который рассматривает это как обнадеживающий знак.

Отвечая на «изысканный» намек Ума-хана о его пребывании в «турецком городе Ахалцыхе», П. С. Потемкин предписывал своему посланнику выведать, «какое воздаяние желал бы он (Ума-хан. — *В. Д.*) иметь, отложась от турок и прочих врагов» России. «Внушите ему, — продолжал наместник, — сколь много найдет выгод, полагаясь на щедроты Ее Императорского Величества, столь знаменитые в целом свете».

И в заключение командующий вновь возвращается к теме об особенностях личности Ума-хана, рекомендуя «точно сделать замечание о его характере, ...горд или приветлив, хвастлив или просто обходителен, строптив или кроток, тверд или переменчив». (Последние несколько строк инструкции обязывали Уракова разведать о наиболее доверенных людях из ближайшего окружения хана и о «расположении» его подданных «в рассуждении России».)

Миссия Уракова оказалась небезуспешной, хотя реальные результаты ее можно оценивать по-разному. Один из них вне сомнений: Ума-хан был достаточно заинтригован, чтобы активизироваться, по крайней мере, дипломатически. Он ответил П. С. Потемкину письмом, которое трудно назвать образцом утонченности. Но в данном случае требовалась как раз-таки не она, а внятное изложение своих стремлений.

И хан это понимал. После дежурного реверанса по поводу «приятного письма вашего (наместника. — *В. Д.*)», переданного «через нарочно присланного от вас высокопочтенного господина князя Уракова», Ума-хан сразу переходит к делу. Он заявляет, что «никаких противностей России не оказывал» и «прямая моя с вами дружба и расположение мое на услуги Ее Величеству» незыблемы.

Затем на стол выкладываются главные карты. По существу, перед П. С. Потемкиным ставится один вопрос: что конкретно русские готовы предложить хану за его жертвенное решение, во-первых, вернуться «из пределов турецких (Ахалцыха. — *В. Д.*)», оставив там «все, что мне было обещано», и, во-вторых, отказать Мансуру в помощи?

Поскольку предметный ответ на этот вопрос выходил за пределы компетенции Кавказского наместника, Ума-хану было предложено обратиться

к высшим властям российского государства, по форме, предусмотренной для подобных ситуаций. (Разумеется, П. С. Потемкин подробно уведомлял князя Потемкина о ходе переговоров с Ума-ханом.)

9 октября 1786 года хунзахский правитель направляет князю Г. А. Потемкину прошение следующего содержания (приводим текст целиком):

«Повелительный полуденной страны господин генерал-фельдмаршал, знаменитый и славный великих дел герой князь Григорий Александрович!

Униженно доношу сим вашей светлости, что расположение мое есть издревле продолжать искренние и усердные услуги Ее Величеству. Противности же от меня Российской империи ни в чем не было и не будет, а поступал я во всем как доброжелатель России. Прежде сего, в бытность мою в пределах турецких, обещаны мне были от двора турецкого великие милости, но я, оставя все то, по письму главнокомандующего в краю здешнем, начальника и доброжелателя моего господина генерала Павла Сергеевича Потемкина, возвратился оттуда восвояси, о чем, надеюсь, и вашей светлости неизвестно. Сие учинил я по преданности моей к высочайшему двору Ее Императорского Величества, к которому расположен я благим всегда намерением, положась на щедроты и высочайшее Ее Императорского Величества благоволение.

При сем отправил я верного моего чиновника Даду со униженнейшим к Ее Императорскому Величеству прошением для объяснения моего расположения и снискания высочайшего монаршего благоволения. Я покорнейше прошу вашу светлость поднести прошение мое к священным стопам Ее Императорского Величества. О прочем же донесет вашей светлости чиновник мой словесно.

В прочем слава и благосостояние ваше да будет всегда неувыдаема».

Той же датой (9 октября 1786 года) помечено прошение Ума-хана к Екатерине II, «всепресветлейшей, самодержавнейшей, великой, премудрой, правосудной, облеченной в великолепие, сияющей славой, победами, щедротами государей государыне». Пообещав «пребывать навсегда ко услугам Вашего Императорского Величества верным и непоколебимым», он просил себе за это «высочайшей *щедрости* (курсив мой. — В. Д.) и благоволения».

Гора родила мышь. За пышным до приторности славословием не было ничего, кроме жадности богатства. Ни о каком «верноподданстве» не шло и речи. На первый план выходила идея даже не *служения* (что, кстати, отнюдь не равнозначно «подданству»), а *услужения*. Но и ее Ума-хан понимал на свой, очень произвольный манер.

Он фактически ожидал от России оплаты ничего иного, как его готовности просто не создавать для нее лишних проблем на Кавказе. Хан считал это настолько дорогостоящим товаром, что предполагал немедленную реакцию

Екатерины II на его прошение. Он не знал и не хотел знать требовавших времени процедурных особенностей решения таких вопросов внутри бюрократического аппарата огромной империи.

По-видимому, хан был уверен, что императрица отложит все остальные дела, чтобы срочно заняться организацией доставки щедрых даров к хунзахскому «престолу». Когда прошло расчетное время, «положенное» Ума-ханом на транспортировку знаков екатерининского благоволения, он не на шутку рассердился, заподозрив П. С. Потемкина в утаивании якобы уже присланного от императрицы награждения. Открыто намекнув об этом наместнику, хан приостановил общение с ним.⁷⁸

Пришел черед Павла Сергеевича гневаться на столь беспардонное поведение зарвавшегося юноши. 12 июня 1787 года в письме к хану наместник тоже решил не церемониться, дав понять, что его, Ума-хана, дипломатические, а тем более далекие от таковых, маневры не слишком сложны для разгадки. Едва сдерживаясь, он заметил, что «никто из окрестных владельцев донныне от меня не имел толиких опытов дружбы моей, каковую я всегда старался вам оказывать», а в благодарность за это следует почти прямое обвинение в сокрытии екатерининского «награждения для вас», которого «я не получал».

П. С. Потемкин объяснил, что ему не дано знать, какими именно «милостями и благоволениями» императрица благодетельствует хана, но «уповать должно, что великая Екатерина подвергающихся ее священному престолу без воздаяния не оставит».⁷⁹ При этом он «по-дружески» советовал аварскому владетелю задуматься, справедливо ли «требовать вознаграждения, не изъявля услуг», в отличие от того же шамхала тарковского.

Тем не менее П. С. Потемкин, не желая сверх меры обострять отношения, послал хану «от себя в подарок» табакерку и 500 рублей золотом и серебром.

Поскольку это не соответствовало представлениям строптивного аварца о стоимости его «услуг», а Петербург обманулся в надеждах на их овеществление, внятного продолжения история ухаживаний за Ума-ханом не получила, хотя на этом не закончилась.

⁷⁸ Дерзость и нетерпение Ума-хана, видимо, подогревались слухами о близкой русско-турецкой войне, которой он безусловно хотел бы воспользоваться в своих интересах.

⁷⁹ П. С. Потемкин, конечно, не мог не знать, что Екатерина распорядилась «отделить на заем лезгин» во главе с Ума-ханом огромную сумму — 20 тысяч рублей годовых. Но передавать эту информацию у него не было полномочий.

Глава 9

МАСТЕР МАНЕВРА В ПРОИГРЫШНОЙ ПОЗИЦИИ

П. С. Потемкина нисколько не успокоило и не обмануло затишье, наступившее после татартупского поражения и бегства Мансура в Шали. Наместник вообще не был склонен к благодушию. Он, как и имам, искал правильные ходы в условиях, когда велико искушение принять желаемое за действительное и, как следствие, — большой риск крупно ошибиться.

С получением первых сведений (не позже середины ноября 1785 года) о том, что имам укрылся в Шали, как бы само собой напрашивалось решение отправить туда войска, чтобы окончательно закрепить результаты победы под Татартупом и снять «проблему Шейх-Мансура». Но П. С. Потемкин этого не делает. Почему?

Потому что он понимает: самое простое решение может быть не самым верным. Новая экспедиция — это новые жертвы без гарантии уничтожения или ареста Мансура, которому ничего не стоило исчезнуть в горах, где искать его все равно что иголку в стоге сена. Между тем наместник считал куда более важным обезглавить движение, чем карать его участников, особенно тех, кто примкнул к нему отнюдь не по идейным соображениям.

Была ли такая стратегия правильной в тот момент и в тех условиях и была ли она правильной в свете эмпирического опыта, приобретенного русскими генералами много позже, в ходе Кавказской войны XIX века⁸⁰, — оставим для профессиональных дискуссий историков. Фактом остается то, что П. С. Потемкин не собирался мстить горцам ни за их осознанные действия, ни за их «заблуждения».

⁸⁰ Да и то вопрос: а уместно ли вообще сопоставлять полувекую эпопею Кавказской войны — со всем ее богатейшим внутренним содержанием — с движением Мансура. Не потому ли сведения об этом движении приходится собирать по крупицам, что история сама расставляет по местам несопоставимые в своем значении исторические явления?

Возможно, наместник полагал, что основные военные задачи решены под Татартупом и на очереди теперь стояли политические. Понимал он их так, как понимал, — судить о точности и дальновидности его расчетов опять же сложно, так же сложно, как и о наличии в них программного, доктринального компонента, с одной стороны, и ситуативного, импровизационного — с другой.

Мы можем обратиться лишь к тому немногому, что известно о событиях, происшедших с начала ноября 1785 года до начала июля 1787 года, когда Мансур навсегда покидает Чечню, чтобы дать своему делу новую жизнь уже в Черкесии.

Факты, относящиеся к данному периоду, скудны и противоречивы. Даже у одного из самых глубоких и добросовестных исследователей, Н. Ф. Дубровина, концы с концами зачастую не сходятся. Анализируя военные рапорты первого полугодия 1786 года, шедшие к П. С. Потемкину, а затем от него «наверх», историк вольно или невольно рисует картину стремительного возрождения движения. По его словам, «Шейх-Мансур снова вышел на сцену, и число его приверженцев быстро возрастало». «Спокойствие и безопасность на линии (Кавказской. — В. Д.) составляли самую существенную потребность того края. Грабежи и хищничества тяжело отзывались на сельском населении, особенно с тех пор, как Шейх-Мансур войну с русскими назвал священной и сулил вечное блаженство каждому мусульманину, павшему на поле брани или убитому гяура». Н. Ф. Дубровин находит уместным повторить эту мысль: «Народ стекался к Мансуру, и повсеместное брожение было настолько сильно, что П. С. Потемкин не находил возможным восстановить спокойствие на линии до тех пор, пока будет существовать Мансур».

Однако остается неясным, в чем конкретно проявились «повсеместное брожение» и «священный» характер объявленной имамом «войны», если в источниках нет никаких сведений об имевших в то время место русско-горских столкновениях, сравнимых хотя бы с теми, что случались до этого?⁸¹

Упомянутые Н. Ф. Дубровиным «грабежи и хищничество», будучи банальной повседневностью жизни на Кавказской линии, сами по себе не говорят ни о реставрации прежнего влияния Мансура, ни о воздействии на его окружение побудительных мотивов, заложенных в идее джихада.

Кроме того, Н. Ф. Дубровин, имея в виду первую половину 1786 года, пишет лишь о двух кумыкских селах — Аксай и Эндирей, сочувствовавших

⁸¹ Очень показательны в этом отношении русские «полковые истории», отличающиеся своим дотошным вниманием к деталям. Северо-Восточный Кавказ как объект повествования практически исчезает из этих «историй» после поражения Мансура в ноябре 1785 года. Главная русская военная база в том краю — Кизляр — упоминается лишь в связи с «изнурительной лихорадкой», от которой несли потери войска. Что касается военно-оперативной обстановки, то она характеризовалась как «спокойная», отчего многие полки приходилось либо расформировывать, либо переводить на Центральный и Северо-Западный Кавказ.

«пророку». (И уже ни одного упоминания о Шали, его резиденции.) О формах проявления «сочувствия» говорится в самых общих словах, а о том, что население этих аулов на демографической карте Северо-Восточного Кавказа было мизерной величиной, не говорится вовсе.

Все это косвенно свидетельствует о том, что по документам, находившимся в распоряжении историка (а количество их с тех пор практически не увеличилось), крайне сложно составить представление о реальном содержании нового этапа движения. Конечно, нельзя сказать, что этого этапа в Чечне и Северном Дагестане не было, но он разительно отличался от предыдущего и по интенсивности, и по исторической значимости.⁸²

Это во многом подтверждается исключительно важными событиями, происшедшими в 1786 году и явно недооцененными историками. С начала апреля Мансур объезжает чеченские общества (Шали, Эндирей, Аксай, Качкалык, Алды и другие), созывая народные собрания с участием духовенства, с новой силой критикуя греховную и беспорядочную жизнь людей. Главной причиной имам объявляет отсутствие единоначалия, требуя, чтобы весь народ только ему «имел повиновение».

В числе прочих аргументов подтвердить серьезность намерений Мансура были призваны находившиеся рядом с ним пять сотен вооруженных чеченцев, выборных представителей от разных аулов. Они не только символизировали моральную поддержку планов имама, но и представляли собой внушительную военно-полицейскую силу, сам вид которой подразумевал готовность и к физическому воздействию.

Чтобы придать своим притязаниям на власть «законный» характер, имам призвал на помощь лояльное духовенство, ожидавшее для себя определенных отступных от «узурпатора» за благословение его на «царство».

Провозглашенный в качестве вождя, Мансур тотчас взялся за укрепление власти и организацию нового управления обществом и войском. Он хотел претворить в жизнь то, что раньше звучало только в проповедях. Его первые распоряжения указывали на общее направление тех мероприятий, которые с большой долей условности можно назвать реформами.

Имам запретил воровство между чеченцами, пригрозив ослушникам смертной казнью. Он приказал создать нечто вроде общественного фонда для помощи неимущим. Был установлен налог на мечетские доходы и по-

⁸² Сугубо умозрительно можно предположить, что П. С. Потемкин и его подчиненные были заинтересованы в том, чтобы перед Петербургом события на Кавказе представляли в таком свете, в котором максимально отчетливо оттенялась бы вся сложность миссии, возложенной на русские региональные власти. Это предположение, похоже, справедливо и в отношении Кавказской войны XIX века, с той лишь разницей, что в эпоху Шамиля, несравнимой по драматизму с короткой историей Мансура, требовалось гораздо меньше усилий для ступения красок.

жертвования, чтобы употребить эти средства для набора войска «в случае надобности».

В перспективе Мансур планировал разделить свое ополчение на десятки, поставив во главе каждого *тамаду* (начальника), который будет также распоряжаться «интендантским» хозяйством данного подразделения. (До этого каждый горец заботился о себе сам.)

Пожалуй, самым поразительным в «реформаторской программе» Мансура было предписание, в которое, учитывая предыдущую деятельность имама, верилось с трудом. Он настрого запретил совершать набеги на русские территории: «если кто к Российской стороне поедет для учинения зла, таковых не пропускать и за то грабить у них дома и брать штраф». Имам также пригрозил нещадным наказанием за попытки ограбления «проезжих торговых караванов грузин, татар и армян» и взял с чеченцев соответствующую присягу.

Мансур намеревался учредить караульную службу для дежурства на чеченских дорогах, чтобы «проезжающих из четырех сторон негодных людей до зла не допускать», особенно в отношении «Российской стороны». Он обещал горцам «сделать спокойствие».

На самом деле это обещание, как и все административно-полицейские меры имама, были адресованы не только и не столько горцам, сколько России. Он тем самым заявлял о себе как о вожде, готовом навести среди чеченцев порядок и контролировать ситуацию лучше, чем кто-либо, прежде всего находящиеся на содержании у России местные владельцы. Вместо них Мансур предлагал себя в качестве надежного, эффективного и договороспособного партнера.

Посланный им сигнал русским расшифровывался приблизительно так: «не распыляйтесь и не тратьтесь на своих старых и бесполезных политических клиентов, делайте ставку на меня, и я освобожу вас от многих проблем». Но, разумеется, при условии официального признания его, имамской, власти, по крайней мере, над чеченцами.

Это было деловое политическое предложение, свидетельствовавшее о тонком игровом мышлении Мансура. Он извлек уроки из событий 1785 года, поняв, что воевать с Россией нерационально и бесперспективно — с ней лучше партнерствовать, превратив ее из грозного врага в полезного, незаменимого помощника в решении принципиального вопроса о создании и легитимации института единоличной власти.

Однако провозгласить новый курс было легче, чем реализовать. Мансуру мешали влиятельные силы и мощная инерция традиционных союзнических отношений между Россией и старой политической элитой Северо-Восточного Кавказа. В ее лице имам имел серьезного соперника в борьбе

по двум направлениям — за влияние на горцев, с одной стороны, и за благосклонность русского военного начальства — с другой.

Как вождь, облеченный полномочиями и доверием народа, имам требует от чеченских старшин прекратить утеснения и поборы, вернуть несправедливо взятые штрафы, иначе виновники будут строго наказаны. Они также подвергнутся суровой каре за попытки воспрепятствовать желанию своих «подданных» вступить в ополчение Мансура.

Как видно, готовность к примирению с русскими имам демонстрирует одновременно с гордой позой влиятельного и независимого правителя. Он открыто угрожает чеченским владетелям, совершенно не смущаясь тем, что они находятся под покровительством России. Имам явно избегает произвести на русских впечатление капитулянта, поступившегося своими идеями во имя тех материальных и престижных преимуществ, которыми пользовались горские союзники России.

Разведать русскую реакцию на свои увертюры Мансур хочет окольным путем, чтобы в случае неудачи не уронить имамского достоинства. Этот осторожный зондаж он сочетает с энергичной организационной и пропагандистской деятельностью по сбору войска, которая являлась способом давления и на Россию, и на ее чеченских союзников.

Имаму не нужно было долго объяснять, что о мире говорят только с теми, у кого есть сила, и именно такой силой намеревался он обзавестись для серьезного разговора с русскими.

Запаниковавшие чеченские владетели обратились за срочной помощью к П. С. Потемкину: гораздо больше, чем самого Мансура, они опасались его компромисса с Россией.

П. С. Потемкин попал в деликатное положение. Решительно поддержать старых союзников, просивших войско против Мансура, значило загнать имама в угол, не оставив ему никакого выбора, кроме возобновления борьбы. Пойдя же с ним на переговоры, Павел Степанович рисковал оттолкнуть от себя более или менее проверенную в ее лояльности политическую клиентуру.

И главное: на какой концептуальной основе вести эти переговоры и как их организовать технически, учитывая крайнюю недоверчивость имама (вероятно, полагавшего, что, появившись он в расположении Наместника, за его жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша)? К лицу ли представителю великой державы принимать от «бунтовщика» какие-либо предварительные условия?

Пока П. С. Потемкин занимался подготовкой открытия Кавказского наместничества, инициативную роль в заочном общении с Мансуром взял на себя кизлярский комендант Вишняков — человек, среди характерных

качеств которого дипломатическая утонченность была явно не на первом месте. В сентябре 1786 года Вишняков велел передать имаму, что у него есть единственный выход — самому явиться к П. С. Потемкину и «во всем раскаяться», чтобы получить полное прощение, иначе ему будет худо.

Судя по всему, кизлярский комендант не задумывался над тем, что Мансур лелеет надежду еще на какую-то перспективу, помимо «полного прощения». Вишняков, видимо, даже это считал чрезмерным милосердием для дерзкого «мятежника», достойного другой участи.

П. С. Потемкин не был столь прямолинеен, понимая всю сложность дилеммы между уничтожением Мансура, пока так и не удавшимся, и решением вопроса о том, что делать с живым имамом.

Во всяком случае, свою склонность к политическим методам П. С. Потемкин демонстрирует с особым акцентом. Получив сведения о промансуровских настроениях жителей Аксая и Эндирея, он не спешит стягивать туда войска, а обращается к владельцам и знати этих аулов (по крайней мере, внешне лояльным к России) с требованием запретить своим подвластным присоединяться к «пророку». В ответ они признались в том, что бессильны помешать этому.⁸³

На эту откровенность П. С. Потемкин отреагировал красноречивой прокламацией (от 12 июля 1786 года), в которой сказано следующее: «Сожалею, что слабое ваше чиноначалие не может удержать подвластных ваших, кои прилепляются не к имаму, как вы в письме своем пишете, но к бунтовщику и разбойнику Ушурме, который ложно назвав себя имамом, достоин сделался гнева Божия, который, наруша спокойствие, сделался бунтовщиком и достоин казни.

Бог всемогущий, видя мерзкие дела, не попустит сие без поражения, и за кровь, от него пролитую, предаст его и казни на сем свете, и вечной муче после смерти.

Вы просите моего повеления — я даю вам оное кратко и ясно: удерживайте подвластных ваших от нового зла, вразумите их, что когда прошлого лета, ослепленный народ, веря обманам Ушурмы, подлого пастуха, прилепился к нему, много ли получил чрез него, много ли приобрел выгод?

Сей обманщик Ушурма на счет крови человеческой, которую ослепленные простаки за него проливали, сам грабил и наживался, и открылись его обман и злодейство».

П. С. Потемкин открыто возмущался претензией аскайской и эндирейской «знати» на право именовать местных чеченцев своими подвластными

⁸³ Если это не явное лукавство, то перед нами, помимо всего прочего, одно из многочисленных подтверждений чрезвычайной слабости «политических» институтов Северо-Восточного Кавказа, которые больше заслуживают наименования «дополитических» или «потестарных».

«холопами», если она бессильна повлиять на них даже в вопросе об отвращении их от явных, с точки зрения наместника, преступлений. Намек бы очевиден: зачем тогда Россия рассчитывает на вас как на свою политическую опору и содержит в таком качестве?

П. С. Потемкин напоминал горцам, что прошлой осенью, разбив Мансура, он остановил военные действия лишь для того, чтобы они оценили милосердие Екатерины II. Но если этого не произошло, то их ждет жестокое наказание без снисхождения для тех, кто запоздает с раскаянием.

Апеллируя к способности горцев понять такую им непонятную и не вполне «политическую» категорию, как великодушие, П. С. Потемкин, скорее всего, исходил из моральных и ментальных норм, присущих другой культуре, пока еще чуждой для тех, к кому он обращался.

Великодушие не входило в систему горских добродетелей и воспринималось как признак слабости, в чем не было ни малейшей вины народов Северного Кавказа. Жить и выживать им помогала совсем иная номенклатура ценностей, в которой не оставалось места для того, что в представлении людей являлось нерациональным поведением в жесткой среде обитания.⁸⁴

Высказанное в историографии мнение, что «воззвание это не оказало своего действия», весьма сомнительно в свете последовавших вскоре событий. Точнее — событий, не случившихся, но возможных. На протяжении, как минимум, года после обращения наместника на Северо-Восточном Кавказе не произошло ничего заслуживающего серьезного внимания ни с военно-стратегической, ни даже с военно-оперативной точки зрения. Но зато имели место очень любопытные политические метаморфозы.

В начале августа 1786 года один из наиболее деятельных пособников Мансура кабардинский князь Дол прислал к полковнику Нагелю своего посла с просьбой о прощении и с обещанием покориться. Затем он сам явился в расположение русских войск, где ему было официально объявлено о помиловании, признании всех его владельческих прав и разрешении вернуться в Малую Кабарду на прежнее место жительства.⁸⁵

Обнадеженные этим примером, другие представители кабардинской знати также изъявили покорность России (конец сентября 1786 года) и письменно обещали, в случае появления в их краях Мансура, выдать его русскому начальству.

⁸⁴ В принципе, эта важная проблема заслуживает не беглого комментария, а серьезной, спокойной научной дискуссии.

⁸⁵ Н. Ф. Дубровин объяснял поступок Дола безвыходным положением, в которое тот попал, когда оказался окруженным русскими войсками. Но принимает ли это значение случившегося, тем более, если учесть, что у горца всегда есть выход — героически погибнуть в бою? Не уместнее ли здесь говорить о «безвыходном положении» лишь как о дополнительном стимуле к осознанному, взвешенному выбору, основанному на уверенности в том, что с Россией выгоднее договариваться, чем враждовать?

Жители Аксая и Эндирея (август 1786 года) также выразили свое раскаяние, принеся присяги на верность России, выдав аманатов и поклявшись больше не присоединяться к Мансуру.

А потом было самое интересное, и именно оно не укладывается в однозначные объяснения. Очевидно, под впечатлением как массовых «покаяний» горцев перед Россией, так и ее великодушного отказа от всяких репрессивных мер даже в отношении тех, кто этого заслужил (князь Дол), Мансур принял решение перейти к прямым дипломатическим действиям.

В конце октября к П. С. Потемкину явился посланник (шурин) Мансура Этта, заявивший, что имам, при условии полного прощения, готов не только покориться русским, но и взять на себя ответственность за сохранение спокойствия среди горцев. Для наместника возникла ситуация, требовавшая непременно согласования с князем Г. А. Потемкиным. Тот велел прислать Этту к нему, «а Ушурме (Мансуру) дать знать, что прибегающие с повинною к престолу ее императорского величества не отчуждаются монаршей милости, лишь бы только раскаяние их и исправление было истинно и чистосердечно».

Учитывая джентльменское отношение екатерининского фаворита к горцам, не подлежит ни малейшему сомнению, что посланнику имама гарантировалась бы полная безопасность. Мы не знаем, доставили ли его к Григорию Александровичу, как тот приказал, или этому что-то помешало. Но зато хорошо известно другое.

Пока Этта выполнял свою миссию, Вишняков, от которого именно на этой ответственной стадии сложнейшей игры требовалась филигранная осторожность, затеял глупейшую интригу с целью поимки Мансура. К имаму была отправлена делегация чеченских узденей, сообщивших ему «под присягой», что П. С. Потемкин ждет его к себе и обещает «полное прощение без всякого наказания».

В ответ на это Мансур совершенно резонно спросил: а почему это приглашение привез от русских не его официальный уполномоченный, а какие-то незнакомые ему люди, при этом не удосуживаясь объяснить, где находится Этта. Отменно соблюдая политес, имам заявил: «Генерал (П. С. Потемкин. — *В. Д.*) имеет власть приказать мне и я ... не смею онаго не исполнить», «но пока шурин ко мне не приедет, никакого ответа дать не могу». Прощаясь с чеченской делегацией, он бросил с укоризной: «Так добрые люди не делают». А своим приближенным имам сказал: «Разве я им (русским теперь. — *В. Д.*) поверю?».

Тогда Вишняков не придумал ничего лучшего, как подослать к братьям Этты «верного человека» «сказать секретно», что Ушурма предательски выдал русским своего шурина, и вызволить его из «плена» можно только пой-

мав имама и доставив его к П. С. Потемкину. Интрига с треском провалилась, и было бы удивительно, если бы столь бездарная затея закончилась бы чем-то иным. Мансур, легко разгадав коварный замысел, бесследно исчез, во всяком случае — из поля зрения русских властей.

Поскольку этот сюжет не имел продолжения, он так и остался мимолетным эпизодом в истории и историографии движения Мансура.⁸⁶ Соответствует ли данный «статус» потенциальному значению и возможным последствиям смелой инициативы имама?

Быть может, это самый трудный из тех вопросов, которые поставил перед историками Мансур. Точный ответ на него, если бы таковой существовал, помог бы глубже постичь суть тех событий, полнее выявить степень их уникальности или типологической схожести с Кавказской войной XIX века, шире взглянуть на альтернативные варианты стечения исторических обстоятельств.

Такой ответ искали и современники Мансура, и историки. Князь Потемкин-Таврический полагал, что у имама «прямая есть причина спасти себя и не показаться гонимым Россией». Н. Ф. Дубровин высказался более категорично: «лжепророк», опасаясь за свою жизнь, лишь «прикинулся раскаявшимся... для того только, чтобы разгласить, что русское правительство ищет примирения с ним». «Он вовсе не желал покориться, искал средства усилить свою партию».

Подобная трактовка не противоречит логике и тем многочисленным прецедентам притворного покаяния, на которых русские власти обжигались до Мансура и после него. Но означает ли это, что тут мы имеем дело как раз с таким типичным случаем?

Проникновение в логику поступков горского вождя конца XVIII века невероятно сложно само по себе, а глядя на них из XXI века, и подавно. Собственное рациональное мышление историка как инструмент изучения поведения людей из далеких от нас эпох зачастую может оказаться бесполезным или даже контрпродуктивным. Они думали и действовали в русле той мотивации, которая была логична для тогдашних исторических обстоятельств, но во многом непонятна сегодня.

Вместе с тем есть некие точки совпадения поведенческих и, так сказать, умственных реакций на те или иные ситуации у современного человека и его предшественника, едва различимого в темноте истории.

Условно допуская наличие этого «вневременного рационализма», попытаемся использовать его для объяснения странного, с точки зрения «идеалов священной войны», демарша Мансура.

⁸⁶ В большинстве книг по этому периоду русско-кавказских отношений вообще нет упоминаний о миссии Этты.

Начнем с того, что свое решение имам принял не случайно и не спонтанно. Он лишь последовал примеру своих сподвижников и союзников, посчитавших за лучшее принести присягу верности русской императрице. Но кроме этого свежего примера, в распоряжении имама были и другие, исторические.

С давних пор правители дагестанских политических образований (в частности, шамхальства Тарковского, Кайтага, Табасарана и др.) находились в лояльных отношениях с Россией, которые в чем-то походили на вассально-сюзеренные, в чем-то — на союзнические и которые широко эксплуатировались «младшими партнерами» Петербурга для извлечения моральных и материальных дивидендов. Дружба с великой державой укрепляла престиж горских царьков, их внутри- и внешнеполитические позиции, не говоря уже о прямой личной выгоде.

Нет ничего невероятного в предположении, что Мансур, осознав бесперспективность священной войны на Северо-Восточном Кавказе и несопоставимость своего военного потенциала с российским, стал рассматривать возможность перенаправить усилия на более привлекательный вариант — сделать из своего врага союзника и помощника в осуществлении задуманного. Если, как считают историки, среди «задуманного» была идея объединения определенной части горских общин под его, имама, единоличной властью, то почему бы не заплатить за достижение этой цели изъявлением покорности России?

Ведь он более чем прозрачно намекает русским на свою готовность избавиться от проблем, взяв на себя обязанность успокоить горцев и держать их в повиновении. Не кстати ли тут вспомнить имама Шамиля, по существу несколько раз предлагавшего России свою лояльность в обмен на признание его власти над горцами?

Однако у Мансура не было того аргумента в торге, которым владел Шамиль — квазигосударственной структуры, дававшей рычаги контроля за неукротимой народной массой. Мансур еще не знал, как подняться над патриархально-племенным вождизмом, сильно зависимым от традиционных ценностей и примитивных мотиваций, чтобы сделать следующий шаг — к более высоким формам организации общества. У него, в отличие от непосредственного предшественника Шамиля Гамзат-бека, не получалось даже имитировать единственно доступный в тех условиях образец для подражания — ханскую власть, которая претила тогдашнему чеченскому и вообще «высокогорному» образу жизни.

Так или иначе, несостоявшегося имама с состоявшимся роднит одно политическое в своей основе устремление — занять с помощью России видное место в рядах опекаемых ею правящих элит Северо-Восточного Кавказа.

Другого сценария продолжения своей «карьеры» в тех краях Мансур не видел. Да его в то время, похоже, и не было.

На вопрос — почему вождю горцев и русским властям не удалось договориться? — нет простого ответа. Его инициатива, равно как и реакция на нее князя Потемкина-Таврического, могли быть вполне искренними. Но если достижение компромисса не состоялось, значит, ничего не остается, как искать факторы, помешавшие этому.

Не будет большой ошибкой отнести к их числу острый дефицит доверия между сторонами,⁸⁷ хотя, возможно, фундаментальная, системная причина заключалась в том, о чем мы уже упомянули, — у Мансура не было того морально-политического и военно-организационного капитала, который заставил бы русские власти всерьез заинтересоваться его предложением и сесть за стол переговоров.

Напомним: когда в 30-е и 50-е годы XIX века зондировалась почва для полюбовного соглашения между Шамилем и Россией, у враждующих сторон за плечами уже было несколько десятилетий Кавказской войны, в которой никто не мог победить. К моменту же визита Этты к П. С. Потемкину (октябрь 1786 года) история движения Мансура не насчитывала и двух лет, не говоря о том, что активная его фаза закончилась год назад полным военным крахом горцев.

В таких обстоятельствах Мансур был больше заинтересован в сближении с Россией, которая по этой причине имела право диктовать условия. Поскольку соглашение так и не состоялось, мы не знаем даже приблизительных очертаний компромисса, способного удовлетворить обе стороны.

Нет твердых доказательств беспорности версии о том, что Мансур и не думал искать примирения, а притворился раскаявшимся, чтобы выиграть время и собраться с силами. Скорее всего, до реальных переговоров дело не дошло постольку, поскольку имам переоценил свои козыри.

Есть, впрочем, еще одно объяснение. Поиск некоего *modus vivendi* с русскими приобретал смысл лишь в том случае, если Мансур собирался оставаться на Северо-Восточном Кавказе и продолжать именно там свою деятельность. Россия ему нужна была, чтобы восстановить утраченное морально-политическое влияние в Чечне и Дагестане. Но поскольку достичь этого оказалось невозможным, Мансур склонился к идее о возрождении

⁸⁷ Об этом, к примеру, свидетельствуют как отказ Мансура лично явиться на встречу с П. С. Потемкиным, так и сомнения князя Потемкина-Таврического в чистосердечии имама. Глупая интрига Вишнякова, в принципе, также явилась следствием этого недоверия, подняв его на новый виток. Конечно, она сыграла немаловажную роль в срыве переговоров. Но не факт, что именно несурзная инициатива кизлярского коменданта оказалась решающим фактором, помешавшим взаимоприемлемому соглашению между русскими властями и имамом.

движения на новом социально-геополитическом театре — в Черкесии, где ему требовался не союз с Россией, а открытая война с ней.

К такому выбору имама подтолкнули вполне убедительные резоны. На Северо-Восточном Кавказе для него наступил «конец истории»: горцы покинули полководца, терпящего поражения, а источников, способных вдохновить их на новые подвиги, не было. Люди требовали от Мансура новых подтверждений святости и чудотворческого дара, которых он давно не предъявлял, и это порождало разочарование, апатию, ропот.⁸⁸ В конечном счете — десакрализацию образа вождя.

В Черкесии же для имама открывалась возможность начать все с чистого листа, да еще при таких ободряющих обстоятельствах. Они заключались в том, что Северо-Западный Кавказ южнее Кубани считался территорией, подконтрольной Османской империи. Тут можно было чувствовать себя в относительной безопасности, так как русские, избегавшие дипломатических осложнений с Портой, старались не пересекать границу даже для наказания разбойничьих партий, возвращавшихся из набега.⁸⁹

Турецкие побережные форпосты Анапа и Суджук-кале, где располагались высокопоставленные турецкие военачальники (как правило, трехбунчужные генералы), обещали стать для Мансура мощным ресурсом в обретении влияния на черкесов, чего он был совершенно лишен в Чечне и Дагестане.

И вообще Черкесия, особенно приморская, ввиду географического положения и исторических связей с Турцией, предоставляла гораздо больший простор для, так сказать, международно-политической деятельности. Мансуру, в определенном смысле, стало тесно и скучно в ичкерийских ущельях. Он чувствовал, что предназначен для масштабного поприща и искал его там, где предстояли бурные события, подпадавшие под понятие «большая политика».

Еще одним и весьма важным побудительным обстоятельством явился визит к Мансуру тайного османского эмиссара, посланного Портой для сбора подробной информации о «пророке». Это был опытный исламский богослов, гостивший у имама в Чечне почти месяц (конец июля — двадцатые числа августа 1786 года) и интересовавшийся планами своего гостеприимного хозяина.⁹⁰

⁸⁸ Чеченский этнограф-самородок второй половины XIX века Умалат Лаудаев очень точно подметил роль «чудотворческого» фактора во взаимоотношениях Шейх-Мансура с народом.

⁸⁹ 15 августа 1787 г. князь Г. А. Потемкин писал русскому посланнику в Стамбуле Я. И. Булгакову: «Закубанцев мы бы уняли давно и убытки бы ими нам причиненные возвратили, но, почитая свято мир, не входили в их границы, считая их землю туркам принадлежащую».

⁹⁰ Судя по одному документу, в идее проведения такой разведки соединились разные мотивы — политический интерес, любопытство и опасения Порты, не исключавшей того, что подвиги пророка-чудотворца, узнай о них верноподданные султана, могут быть вос-

Тот факт, что Турция прислала к нему специального посланника со столь длительной миссией, и льстил Мансуру, и вдохновлял его. Быстро войдя в роль, он даже выразил удивление отсутствием у исламского ученого официального письма от Порты.⁹¹

Однако, судя по всему, решение покинуть Чечню созрело у Мансура не моментально и далось не без колебаний. В ответ на вопрос турецкого улема о его планах имам признался, что определенности в них пока нет, поскольку необузданные горцы действуют против русских по своему разумению и «против его желания». Для поддержания дисциплины в его войске Мансур просил султана прислать в Чечню денег и начальника «с достаточным авторитетом», что являлось не чем иным, как откровенной констатацией «недостаточности» собственного авторитета.

Готовность вождя горцев к добровольному отказу от своего высокого статуса привела улема к выводу о неспособности имама контролировать ход событий. Впрочем, эта весьма неожиданная просьба к падишаху говорит еще и о прагматичном складе мышления Мансура, пытавшегося обернуть ситуацию в свою пользу любыми средствами, даже ценой жертвенного отречения от своих политических амбиций.⁹²

Сложившееся у османского эмиссара мнение о Мансуре, похоже, стало для Порты на тот момент решающим в ее политике поиска союзников на Кавказе, точнее — в процессе выяснения, кто будет эффективен в таком качестве. Исторические факты дают представление о результатах этого анализа.

В январе 1787 года султан отправил на Восточный Кавказ своего сановника (капиджи-башу) с огромной суммой денег (эквивалентной 80 тысячам золотых рублей) и дорогими подарками (парчовые халаты, собольи шубы, богато украшенные сабли). Это предназначалось для подкупа влиятельных правителей, которые, по предположению Стамбула, были потенциально готовы присоединиться к туркам в войне против России. В список получа-

приняты как воплощение предсказаний Корана, и тогда произойдут «беспорядки во всей (Османской. — *В. Д.*) империи и весьма гибельные последствия». По возвращении эмиссара в Стамбул султанские министры были очень рады услышать от него компетентное заключение: Мансур не обладает качествами, необходимыми для того, чтобы прослыть пророком, появление которого обещано в священных исламских книгах.

⁹¹ Тому пришлось извиняться, оправдываясь необходимостью соблюдать конспирацию в условиях, когда он по пути в Чечню мог попасть в руки к русским.

⁹² В такой незаурядной личности, как Мансур, нельзя исключать дара видеть затеваемую им шахматно-политическую игру на несколько ходов вперед, во всяком случае — видеть ее гораздо дальше той не слишком затейливой логической схемы, которой придерживался османский эмиссар в своем отчете. Почему, скажем, не предположить, что султанский «начальник с достаточным авторитетом» и, между прочим, с «деньгами» нужен был Мансуру лишь в качестве ширмы для осуществления собственных военно-политических планов? Ведь известно, что именно так пытались использовать присланных на Черноморское побережье турецких генералов местные племенные вожди в период Кавказской войны.

телей входили ханы аварский и карабахский, шамхал тарковский, уцмий кайтагский. Но там не было Мансура.

Конец 1786-го — начало 1787 года имам провел в раздумьях и сомнениях, пытаясь оценить реальные шансы поднять горцев вновь. Он искал доводы для убеждения и стимулы для возбуждения масс. При этом в его, так сказать, военно-стратегических планах все более заметным становится западное, черкесское направление. Весной 1787 года Мансур известил своих приверженцев о намерении произвести в одну из пятниц захват Владикавказа.

«В *коране* (курсив источника. — В. Д.) написано, — говорил имам, — что если мусульмане начнут брань с незаконными в пятницу, то непременно победят их. Если мусульманин убьет хотя бы одного незаконного в пятницу, то это все равно, что он разорил бы 7 000 церквей незаконных в остальные дни, буде же мусульманин будет в этот день убит от руки неверных, он будет непременно в раю».

Кизляр, свидетель и символ поражений Мансура, напрочь исчез из его планов. Богатства города, оказавшегося крепким орешком, уже никого не соблазняли, ибо, как выяснилось на горьком для горцев опыте, были хорошо защищены. Требовались другие, более уязвимые цели, к числу которых имам, видимо, отнес крепость Владикавказ, совсем недавно (1784 год) заложенную неподалеку (один день конного пути) от Татартупа — места последнего, сокрушительного поражения Мансура.

Это было похоже на поиски реванша. В любом случае, Владикавказ находился в западном направлении, что указывало на намерение «пророка» покинуть Северо-Восточный Кавказ и заявить о себе в других краях.

Мансур заверял горцев в содействии Турции, аварского хана и уцмий каракайтагского, то есть тех сил, на которые, по крайней мере, в ближайшей перспективе нельзя было рассчитывать. Для успешной мобилизации масс, в принципе, не требовалось соответствия этих заверений реальности, при одном условии — если они звучат впервые. Но в том-то и дело, что имам, давая и не исполняя свои обещания, исчерпал лимит доверчивости и впечатлительности общества. И тут уже не помогли ни искусство интерпретации Корана, ни умение эксплуатировать общественную восприимчивость к эпическим образам, всегда взывающим скорее к человеческой фантазии, чем к здравому смыслу.

Ответ, полученный Мансуром, подтверждал тот факт, что среди горцев, при всей специфичности их патриархально-родового сознания, были люди, вполне способные оперировать четкими прагматическими категориями, свободными от иллюзий.

В частности, довод имама об османской помощи был прокомментирован так: «Турецким войскам заходить сюда (в Чечню и Дагестан. — В. Д.) дале-

ко и весьма затруднительно, и этого никогда не бывало. Гораздо легче бы было возвратить им отнятый (Россией. — *В. Д.*) Крым или прийти на Кубань, но и туда они не идут. Как нам противиться русским? Долго-ли, коротко-ли они загонят нас в горы, где помрем мы с голода, лучше успокоится и просить пощады». Чеченцы выражали свои скептические настроения еще прямее: «Напрасно мы надеялись на него (Мансура. — *В. Д.*), и сделались русскими противниками».⁹³

При таких обстоятельствах помышлять о захвате Владикавказа было утопией. Мансур мог лишь мечтать о тех цифрах (10–12 тысяч), которыми исчислялось его войско во время нападения на Кизляр. Его умение убеждать, вдохновлять, вести за собой никуда не делось, но теперь оно приносило очень скромные результаты.

Принципиально даже не то, что за всю первую половину 1787 года ему не удалось собрать больше тысячи человек. Разительно изменился социальный состав его последователей. Изменилось в каком-то смысле самое главное — качество человеческого материала, находившегося в распоряжении имама. Впрочем, кто кем распоряжался — еще большой вопрос.

Вокруг Мансура собрались «все люди бездомные или абреки». Допустить, хотя бы теоретически, чтобы в жизненных устремлениях этой чрезвычайно специфической публики осталось место для проповедуемых имамом высоких реформаторских идей, трудно. Но зато вполне достоверным представляется предположение о том, что в подобной отнюдь не уникальной исторической ситуации вождь неминуемо превращается в заложника интересов тех, кого ему хотелось бы считать ведомыми.

Перед Мансуром встала проблема невероятной сложности — куда канализировать огромную разрушительную энергию вооруженных людей без роду и племени, сконцентрированных в одном месте. Подчинить эту маргинальную массу целям, совершенно ей чуждым, имам был не в состоянии, как и не мог он долго держать ее в бездействии. Единственное, что ему удалось, — отвести разбойничью стихию от чеченских сел в сторону карабулаков-орстхойцев.⁹⁴

В мае 1787 года произошло столкновение с карабулакским войском, в ходе которого, судя по всему, Мансур потерпел поражение или, как минимум, получил решительный отпор. Едва ли не единственный источник, содержащий информацию об этом эпизоде, — рапорт бригадира (еще недавно

⁹³ Эти настроения в точности соответствуют тем, что были характерны для населения имамата Шамиля в конце 1850-х годов, когда вождь горцев терпел одно поражение за другим.

⁹⁴ Вайнахское племя, жившее в то время между чеченцами и ингушами вдоль западных притоков реки Сунжа. Отличалось воинственностью, враждовало со своими соседями и этническими родственниками, а также с кабардинцами.

полковника) Нагеля от 1 июня 1787 года. В нем говорилось, что имам, который «робел быть близко к драке, а стоял всегда поодаль», подвергся со стороны чеченской части своих приверженцев (состав их отличался этнической пестротой) обвинениям в трусости и насмешкам.

Принять эту версию даже как рабочую гипотезу трудно по ряду причин. Обладая таким совершенно неприемлемым на Северном Кавказе качеством, как трусость, Мансур не имел бы ни малейших шансов стать вождем горцев. Основываясь на известных фактах, позволительно предположить в нем все, что угодно, кроме одного — малодушия.

Да, за ним не замечена склонность к заведомо самоубийственным поступкам, он не стеснялся проявлять осторожность и отступать, когда его воинам грозило полное уничтожение. Имам, бывало, первым покидал поле проигранной битвы. Он, подобно любому другому полководцу, включая Шамиля, мог быть в самом пекле событий, а мог руководить ими со стороны, как, собственно, и положено военачальнику. При атаке на карабулаков Мансур мог «стоять поодаль» по разным причинам, кроме той, что приведена в рапорте Нагеля.⁹⁵

Как бы там ни было, после очередной неудачи, на этот раз в виде провалившейся карабулакской экспедиции, Мансур окончательно утратил поддержку даже среди той абреческой массы, предводительством над которой он едва ли гордился.

Этим бесславным событием завершается чечено-дагестанский период в жизни и деятельности нашего героя. Имам еще раз убедился, что на Северо-Восточном Кавказе у него не осталось никаких перспектив, за исключением одной — превратиться в заурядного предводителя разбойников с реальными шансами стать в один прекрасный день жертвой своего нежелания покоряться их корпоративным законам и воле. Для такой личности, как Мансур, это было бы слишком примитивным завершением жизненного сценария. Его беспокойная творческая натура нуждалась в выходе из горных теснин на более широкие политические просторы.

* * *

Многие историки не видят причин сопротивляться соблазну отождествить короткую чечено-дагестанскую одиссею Мансура с прологом Кав-

⁹⁵ Не будем, между прочим, забывать, что нападение на карабулаков являлось первым в истории движения случаем, когда объектом военного предприятия имама стали не русские поселения, а единоплеменники. Если придерживаться версии о чеченском происхождении Мансура, то почему бы не предположить, что он не хотел быть лично причастным к кровавым внутриэтническим усобицам, о пагубности которых говорилось в его проповедях. Междоусобная анархия, скорее всего, оказалась сильнее имама, лишив его возможности противиться ей и оставив ему один выход — участвовать в том, что в принципе было ему ненавистно.

казской войны. В событиях начала 1785 — середины 1787 года они ищут зачатки будущего мюридистского движения, а в Ушурме — идеологического предшественника имама Шамиля.⁹⁶

Имеют ли подобные аналогии право на существование? Разумеется, имеют. Но в той степени, в какой вообще допустимы исторические параллели. В принципе, сравнивать можно что угодно с чем угодно, при одном необходимом условии — наличии, помимо жгучего желания найти сходство между историческими явлениями, еще и готовности честно принять отрицательный результат сравнительного анализа.

Те скудные по количеству и содержанию источники, которыми сегодня располагают историки, не столько развеивают, сколько сгущают тайну Мансура.⁹⁷ До сих пор нет убедительных опровержений версий о его внекавказском происхождении.⁹⁸

Между тем данный вопрос является далеко не праздным. Если Мансур — итальянский авантюрист, это одно, бухарский проповедник — другое, османский эмиссар — третье, чеченский пастух — четвертое. Каждая из ипостасей предполагает соответствующее ее отражение в личном поведении, мотивах тех или иных решений, уровне политического мышления, кругозора и, так сказать, проектирования.

Полная внезапность появления этого «человека без прошлого» в одном из захолустных аулов Северо-Восточного Кавказа, его молниеносная карьера «пророка» и военного предводителя, владение знаниями (в том числе в области международных дел), совершенно неожиданными для пастуха и абсолютно излишними для этого рода занятий, только подливают масла в огонь споров о Мансуре. Почему до него не нашлось в тех местах человека, умеющего гипнотизировать людей «обаянием сладких речей», по выраже-

⁹⁶ Эта историографическая традиция восходит к русской литературе XIX века. К примеру, один автор назвал движение Шейх-Мансура «явившимся в первый раз мюридизмом». Такого же мнения придерживался В. А. Потто, считая естественной эволюцию проповедуемого имамом «нового мусульманского учения» от суфийской мистики, «совершенно чуждой политическим целям», через экзальтацию и слепой фанатизм, к газавату. «Такое, — итожит историк, — было происхождение так называемого мюридизма, ...развитого в полную политическую систему Шамилем».

⁹⁷ Одним из заложников этого острого информативного дефицита является и автор настоящей книги. Предлагаемое им общее видение проблемы, а также частные оценки, характеристики, умозаключения, какими бы логичными они порой ни казались, носят вероятностный, гипотетический характер. Все, что известно о личности, деяниях и планах Мансура, дает нам гораздо меньше материала для построения более или менее достоверной концепции, чем то, что мы знаем об имаме Шамиле и Кавказской войне, хотя и в последнем случае ничего нельзя утверждать со стопроцентной уверенностью.

⁹⁸ Представленные Н. Ф. Дубровиным аргументы безусловно заслуживают внимания, но отнюдь не все в них безупречно, с точки зрения доказательности. Другие историки, в частности англичанин Джон Бэдли, избегают любых категоричных выводов применительно к этому так и не проясненному вопросу. Есть и безапелляционные суждения, согласно которым Мансур был агентом, «подосланным Оттоманской Портой в конце 1784 года для восстановления горцев против России».

нию одного русского автора XIX века? Эти доселе остающиеся полумистическими обстоятельства не позволяют ни безоговорочно принять, ни однозначно отвергнуть любую из существующих гипотез.

По сей день остается во многом актуальной оценка, высказанная английским историком Джоном Бэдли в начале XX века. По крайней мере, после ознакомления с имеющимися источниками, есть смысл основательно над ней задуматься. Мансур «был одним из тех загадочных персонажей, сочетавших в себе религиозный фанатизм, ратную доблесть и склонность к авантюре, для которых лишь мечтательный, воюющий, бурлящий, непросвещенный Восток мог, во дни смуты и брожения, стать привлекательным поприщем деятельности». ... «Мраком неизвестности покрыты не только его происхождение, этническая принадлежность, воспитание. Мы не знаем даже его подлинного имени. Шейх-Мансур как будто явился с небес совершенно оформившимся воином, проповедником, пророком».⁹⁹

С абсолютной уверенностью позволительно, вслед за многими исследователями, констатировать одно — то, что с большой долей условности можно назвать военно-политическими планами Мансура, провалилось сначала на Северо-Восточном Кавказе, а затем на Северо-Западном.

Его полководческая «карьеря» в Чечне и Дагестане насчитывает всего несколько сражений. Лишь в одном из них победа досталась Мансуру. И лишь в одном из них численность его войска достигала 10–12 тысяч человек, что, впрочем, не спасло их от разгрома. Если прибавить к этому тот факт, что военные действия длились (с большими перерывами) в течение 16 месяцев — с начала июля 1785 до начала ноября 1786 года, то сравнения с Кавказской войной выглядят явно натянутыми.

Возникают проблемы и при попытке идентифицировать движение Шейх-Мансура как мюридистское. Наличие лозунгов газавата, само по себе, такого сходства не доказывает. Появлению Шамиля, как духовного и военно-политического лидера, предшествовали два—три десятка лет латентно-инкубационного периода, в рамках которого происходило вызревание идеи и организационных форм ее воплощения в жизнь, зарождались условия для деятельности первых двух имамов Дагестана — Кази-муллы и Гамзат-бека.¹⁰⁰

⁹⁹ Эти обстоятельства Д. Бэдли, судя по всему, считает достаточным основанием, чтобы оставить за собой право не исключать элементы достоверности в любой из легенд, связанных с Шейх-Мансуром. К стати сказать, инсценировки в духе «явления с небес» были характерны для выдающихся авантюристов XVIII века, заинтересованных в том, чтобы их весьма темные биографии так и остались тайной для людей.

¹⁰⁰ Но даже при этом многие современники (и отчасти историки) Кавказской войны считали, что ее причины лежат гораздо глубже тех вроде бы стройных и логичных объяснений, которые предлагаются отнюдь не дилегантами в области изучения Северного Кавказа. Ощущение необычности, «странности» этой войны не покидает некоторых исследователей и сегодня.

В этом смысле Мансур возник, образно выражаясь, «из пустоты», как бы неисторично это ни звучало. Невозможно проследить ни доктринально-идеологические, ни социально-культурные предпосылки проповедуемого им учения. Так же не ясно, что было в нем «мюридистского», кроме не вполне убедительных (и в конце концов безрезультатных) попыток создать образ врага.¹⁰¹ Об отсутствии даже намёток идеи строительства имамата и говорить не стоит.

В патриархально-размеренную жизнь Северо-Восточного Кавказа Мансур ворвался как метеор и так же внезапно исчез из нее. В качестве аналога и пролога Кавказской войны этот феномен выглядит типологически неубедительно, поскольку отличий в нем гораздо больше, чем сходства.

Почти полвека, отделяющие Мансура от Шамиля, представляются слишком большим историческим перерывом, чтобы иллюстрировать на примере их деяний линейно-поступательный ход кавказской истории.

¹⁰¹ Мы в данном случае исходим из того, что «образ врага» — категория идеологическая, системная и гораздо более сложная, чем образ человека из русских поселений по ту сторону Терека, который, по ситуации, является то объектом грабежа, то субъектом возмездия.

Глава 10

У ИСТОКОВ ГУБЕРНИЗАЦИИ КАВКАЗА

Екатерине II, решавшей конкретные государственные задачи, не пришлось бы и в голову задумываться над метафизическими аспектами проблемы Шейх-Мансура. Она задавалась куда более важными на тот момент, практическими вопросами: собирается ли лжепророк продолжать свое дело, есть ли у него для этого ресурсы и, если есть, то как их обезвредить?

В одном из своих частных писем середины сентября 1786 года императрица назвала имама «первым актером *героического фарса* (курсив мой. — В. Д.)», что подразумевало неоднозначность ее восприятия этой фигуры.

С одной стороны, Екатерина II вроде бы признавала незаурядность и масштабность замысла горского вождя, с другой — отождествляла его с постановщиком балаганной трагикомедии, которая обычно заканчивается «отрубленной головой». Но тут же государыня переходит от театральных аналогий к реальной оценке ситуации, сообщая своему корреспонденту, что Мансуру «не достает (социально-политической. — В. Д.) опоры» и «к тому же, он потерпел изрядное (военное. — В. Д.) поражение», позволяющее надеяться на его отказ «от своих притязаний».

В той или иной степени екатерининские генералы разделяли оптимизм императрицы, но это не избавляло их от тревожной мысли о том, что в истории русско-северокавказских отношений произошло беспрецедентное. Впервые стихию обычных промысловых набегов попытался взять под контроль предводитель, которого добыча интересовала не в первую очередь, если интересовала вообще. Отодвинув на второй план главную и зачастую единственную цель набега, Мансур, по сути, посягнул на вековое установление горской жизни.

Русских беспокоило именно то, что имам не упразднял этот институт, а стремился придать ему другой смысл и другие функции, превратить в один

из инструментов преобразования традиционного общества. Мансур хотел укротить набеговую вольницу ради воплощения в жизнь пока еще смутной революционной идеи, которая, в принципе, ориентировала на уничтожение старого, но не говорила, чем это самое старое можно заменить и как это реально сделать.

* * *

Реформационная модель Мансура категорически не устраивала Петербург, ибо она, судя по словам и делам «пророка», во многом строилась на генерировании и использовании энергии ненависти к русским гяурам¹⁰² и, естественно, шла вразрез с имперской программой модернизации российской полиэтничной периферии, начатой при Екатерине II.

Русская военная и гражданская политика на Северном Кавказе оказывалась меж двух зол: традиционная набеговая стихия, с одной стороны, и привнесенные в нее Мансуром элементы организации и управления — с другой. И при полной неясности относительно того, что из этого хуже. Так или иначе, оставить без внимания перспективу повторения горских волнений, имевших новую, идеологическую подоплеку и единый руководящий центр Екатерина II не могла. Нельзя было давать волю этому феномену на Северном Кавказе, уже официально ставшем территорией Российской империи.

Цивилизационное, гражданское обустройство новоприобретенной периферии императрица поставила в ряд приоритетных задач своей стратегии. В то время, на фоне противоречивых тенденций, определяемых глубинными факторами не вполне ясной природы, наивно было бы ожидать от Екатерины II цельного и безусловно точного взгляда на задачи российской политики на Северном Кавказе: пробы и ошибки будут сопровождать эту политику еще очень долго.

Но принципиальный момент заключался в другом. Своей интуицией и своим видением общего направления имперской работы на Северном Кавказе государыня с успехом восполняла недостаток позитивных знаний об этом проблемном крае.

Пока еще не умея воплотить это видение в четких и подробных доктринальных установках, Екатерина II пыталась найти правильный тон в диалоге между имперской цивилизацией и социально-политическими элитами, принадлежащими к совершенно иной культуре. И все ради того, чтобы дать новый толчок процессу конструктивного общения на языке таких катего-

¹⁰² Современной исторической и этнологической науке предстоит сложная междисциплинарная работа по изучению вопроса о том, испытывали ли горцы ненависть к тем, с кем они воевали. Многие эпизоды из Кавказской войны позволяют если не усомниться в этом, то, по крайней мере, задуматься над природой того психологического настроения или чувства, с которым они убивали своих противников на поле боя.

рий, которые будут иметь для обеих сторон единый и одинаково понимаемый смысл.

К причинам, определившим подобное направление мыслей Екатерины II, движение Мансура, в принципе, не имело никакого отношения. Однако появление этого феномена еще раз убедило императрицу в необходимости неуклонно понижать удельный вес силового компонента в общей массе мер, предпринимаемых русским государством на Северном Кавказе, и думать, как выразился С. М. Броневский, «о устроении первоначальных понятий порядка и подчиненности».

Элементы программных идей в духе именно такого понимания долгосрочных перспектив политики России в этом крае были заложены еще в мае 1785 года в екатерининском Указе генерал-поручику П. С. Потемкину. В том документе, адресованном, между прочим, человеку военной профессии, нет ни слова о применении насилия к горцам, тем самым горцам, которые беспрестанно терзали Кавказскую линию.

Екатерина II дает другой рецепт «для обуздания их наглостей». Она предлагает «отдалять от горских народов не только притеснение, но и все то, что может им неприятно быть в образе их умствования и понятия о вещах, и стараться их сближать с россиянами». Императрица распорядилась «учредить в Екатеринограде школу для обучения детей, аманатов и прочих желающих из тамошнего народа», «на основании правил, для народных училищ предписанных», то есть на основании российских учебных программ.

В свою очередь и представители имперской власти на Северном Кавказе, как считала Екатерина II, обязаны знать «тамошние языки, которые для службы необходимо нужны». С этой целью императрица наказала открыть специальную школу уже для русских людей. В Указе говорилось о важности поощрения православно-миссионерской деятельности, осуществляемой Осетинской духовной комиссией.

В число перспективных задач российской власти на Северном Кавказе Екатерина II включила «заведение городов... поблизости горских народов», чтобы отучить их от набегов и «поселить в них охоту к торговле, к промыслам и прочим дозволенным упражнениям». Благодаря императрице слово «сближение» прочно обосновалось во многих государственных документах (в том числе инструктивного характера), разъяснявших официальные установки Петербурга в отношении к горцам.

Екатерина II не изменяет своим просветительским идеалам даже перед лицом реальности, предполагающей менее прекраснодушные подходы. Ее не «переубедил» даже Мансур, который буквально через два месяца после издания екатерининского Указа разгромил Пьери и фактически объявил России войну. Императрица продолжает верить в культурное преобразование

горцев, в торжество гражданственного начала, в возможность воспитания вкуса к мирным занятиям.

Пристальное внимание Екатерины II к этим проблемам было лишним раз подчеркнуто пышными торжествами по случаю учреждения Кавказского наместничества со столицей в Екатеринограде (18–20 января 1786 года).¹⁰³

Утром 18 января огласившие Екатериноград звуки оркестровых труб и литавр, слившиеся с сотней пушечных выстрелов, возвестили начало новой эры в истории Северного Кавказа. Во всяком случае, императрица вкладывала в свой указ об учреждении Наместничества именно такой смысл. Она видела в этом первый шаг в осуществлении долгосрочной стратегической программы губернизации края, превращения его в административно-политическое, экономическое, культурное продолжение империи.

Эта структура задумывалась, прежде всего, как эффективный инструмент насаждения среди горского населения «цивилизации и правильных понятий о гражданской жизни» — «единственного средства» к обузданию диких нравов.

Флагманами цивилизаторского процесса, по мнению Екатерины II, должны были стать города, которые она поручала заводить «по близости подгорных народов». Последние, как писала императрица, «ощутят пользу от сего заведения и найдут собственную их выгоду в причислении их под управление нами учрежденное... Но для сего нужно, чтобы они в торге, промыслах и прочих позволенных упражнении имели *полную свободу* (курсив мой. — В. Д.), и чтобы военные и гражданские начальники не стесняли их в том ни под каким видом, но паче всяким благодеянием и помощью их подкрепляли».

Явно под влиянием глубоко сидевшего в Екатерине II нетерпеливого духа просвещения, она, опережая время, настаивала на применении в северокавказских крепостных поселениях, наряду с военным управлением, общероссийского «Городового положения» 1785 года.

Государыня позволила селиться в Кавказском наместничестве всем желающим (включая иностранцев), гарантировав свободное отправление веры и льготы в виде раздачи свободных земель в частные руки и шестилетнего увольнения от государственных податей.

П. С. Потемкин проявил полную готовность следовать наставлениям императрицы. На открытие праздничных мероприятий в Екатеринограде он пригласил более 40 горских князей и владельцев — ногайцев, черкесов, ка-

¹⁰³ Должно заметить, что подготовку к открытию Наместничества сопровождали и другие события, символизировавшие крупные препятствия на пути претворения в жизнь екатерининских планов. В ноябре 1786 года лес, заготовленный для присутственных мест и генерал-губернаторского дома, был частью сожжен, частью разграблен горцами.

бардинцев, кумыков. Приветственная речь, с которой наместник выступил перед ними и перед всеми сословиями «столичного» общества, была полна верноподданнического пафоса, державной риторики и надежды на светлое будущее. Вот некоторые выдержки из нее.

«Посвящен день сей на славословие бессмертным делам великой Екатерины... Едва умолкнул гром оружия, потрясавший горы Кавказские, едва удержан меч, карающий врагов, и с восстановлением тишины открывается новое зрелище, благоденствие народу обещающее».

«Вы увидите, что любовь ее к подданным есть первым основанием, а благосостояние народное — главным ее предметом».

«Могущественная мудрость самодержицы нашей... утвердила личную безопасность частных людей, обнадежила каждое достояние, отверзла ворота наукам, ...открыла способы основать состояние среднего рода, недостатком коего укоряли нас иные державы, преподала средства к заведению ремесел...».

«Сия страна (Кавказ. — *В. Д.*), где прежде было пребывание древних Скифов, присвоена к России,...народы лютоправные, укрощаясь, внимают законы и учреждения, рукою мудрости начертанные. И там, где пространство степей ужасало воображение, ныне видим повсюду села и обитание, там, где скитающиеся народы не видели ничего, кроме терния, ныне видим воздвигнутые грады.

Здесь предлежит нам служение, требующее более тщания и кротости. Вам поставленным судиям (губернским властям. — *В. Д.*), должно радением, беспристрастием и неусыпностью привлечь сердца диких народов, приучить их любить благоустройство, познать пользу законов, цену покровительства их и выгоду каждого повиноваться законам, дабы многоразличные народы, составляющие сию губернию и ей сопредельные разные нации, сами отметили прежнее ослепление свое, возгнушались злонравием своим...».

«А вы (горские князья. — *В. Д.*), вы, призванные пред лицо и престол Великой Екатерины, любуйтесь участью, вам дарованною, приучайтесь познавать состояние, природе человеческой свойственное... Не требуют от вас ничего, кроме верности императорскому престолу, спокойного пребывания и взаимной между собою безопасности».

Речь П. С. Потемкина точно отражала дух екатерининского времени, исполненного веры во всемогущество просветительских идей, «мудростью начертанных» законов, правильно организованных учреждений. Столь же очевидна ее культурно-миссионерская тональность и вполне типичная для той эпохи гуманистическая подоплека. Явственно звучит мотив о том, что ответственность за судьбу «многоразличных народов», которую взяла на себя Екатерина II, сродни нежной материнской заботе.

Наместник подчеркивал резкий контраст между императрицей и теми завоевателям, «кои для единой громкости и блеску стремились расхищать чужие пределы». «Те, поджигая грады, ознаменовали власть свою развалинами, — она грады созидает и власть ее ознаменывается человеколюбием».

Историку, знающему, по какому трудному, долгому и извилистому маршруту продвигалась русская политика на Северном Кавказе в последующие десятилетия, в речи П. С. Потемкина могут послышаться фальшивые, утопические обертоны. Наместник, в частности, поднимает проблему становления и развития на Северном Кавказе третьего сословия, «недостатком коего укоряли нас иные державы».¹⁰⁴

Не утопия ли ставить так вопрос в крае, большая часть населения которого жила в условиях родового строя? На первый взгляд, да. Но поскольку П. С. Потемкин был кем угодно, только не мечтателем, то можно посмотреть на ситуацию иначе.

Екатерина II, находившаяся далеко от Кавказа, еще могла питать иллюзии по поводу темпов социально-хозяйственного и культурного развития горского населения. У П. С. Потемкина таких заблуждений не было. Разумеется, торжественная атмосфера, окружавшая поистине историческое событие — открытие Кавказского наместничества, накладывала отпечаток на форму и содержание его речи. Однако как бы выпренно ни звучали слова П. С. Потемкина, в них было не столько прекрасодушное стремление выдать желаемое за действительное, сколько вера и взгляд в будущее при полном понимании необъятности проблем, стоявших перед Россией.¹⁰⁵

По форме выступление наместника выглядело как явно преждевременная констатация крупных военных и культурно-цивилизаторских успехов России на Северном Кавказе. В сущности же, это была декларация о намерениях и вполне концептуализированный план действий.

Присутствовавшие на торжествах горские князья, хотя пока и чуждые европейским понятиям, инстинктивно почувствовали важность происходящего и безусловно получили стимул к размышлениям о том, что именно обещает это удивительное празднество им лично.

Долго ждать местной знати не пришлось. Помимо подарков, к которым она уже привыкла, явилась и другая возможность убедиться в готовности русских властей сделать ее частью имперского административно-управленческого механизма на Северном Кавказе.

¹⁰⁴ Трудно удержаться от аналогий с нынешним временем, когда вновь стал злободневным вопрос о важной роли в процессе модернизации России того самого «среднего класса», который повсюду в мире является опорой демократии и главным условием ее развития.

¹⁰⁵ Н. Ф. Дубровин, цитировавший речь П. С. Потемкина ровно сто лет спустя, неслучайно считал ее «не лишённую интереса и в настоящее время». Более того, сегодня, в начале XXI века, она в чем-то актуальнее, чем когда-либо.

В уездах, входивших в состав новообразованного наместничества, были учреждены ниже-земские суды, в состав которых, наряду с русскими должностными лицами, включались влиятельные представители горского населения. С одной стороны, это позволяло при разборе судебных дел учитывать непростые реалии туземной жизни, с другой — постепенно приучать горцев к имперским законам, по крайней мере, там, где это было целесообразно и обоюдополезно.¹⁰⁶

Заметные импульсы к экономическому развитию Наместничества дала хозяйственно-колониационная политика Петербурга на южных рубежах Предкавказья, обрамленных цепью строившихся укреплений. Тщательно выбирались удобные и относительно безопасные места для новопоселенцев. Проводилась предварительная организационная работа, с тем чтобы колонисты «прямо приступали к домашнему обзаведению». Они обеспечивались солидными денежными пособиями и строевым лесом. На шесть лет их освобождали от всех государственных повинностей. На случай неурожая или других непредвиденных обстоятельств создавались страховочные запасы зерна. Возникавшие перед хлебопашцами проблемы старались решать без волокиты. В результате многие села быстро росли и богатели, хотя общие темпы демографического прироста на первых порах были низкими. В наместничестве стали уделять внимание развитию торговых отношений между русскими поселенцами с горцами.¹⁰⁷

Как образно заметил один автор, «степь, бывшая до сих пор глухою, стала оживляться и превратилась скоро в муравейник, где все бегало, суетилось, хлопотало об устройстве, как своей личности, так и общего гнезда целого семейства».

Перед русскими губернскими властями на Кавказе встала задача невероятной сложности — сблизить, примирить, объединить две бесконечно далекие друг от друга системы судопроизводства, правосознания, управления, основанные на разных культурно-ментальных ценностях. И все это для того, чтобы со временем перейти к имперскому универсализму, не исключавшему сохранение своеобразных черт в работе административной машины на многонациональных окраинах России.

Элементы такого экзотического синтеза применялись на Северном Кавказе и раньше. Но с образованием Наместничества это перестало быть стихийно-экспериментальной практикой, а превратилось в основу для

¹⁰⁶ П. С. Потемкин ходатайствовал о переводе на кумыкский, армянский и грузинский языки екатерининского «Учреждения для управления губерний Российской империи» 1775 года.

¹⁰⁷ Руководству Наместничества, как сказано в одном источнике, предстояло «устроить быт переселенца так, чтобы он стал не бродягой или пролетарием, а человеком вполне полезным и необходимым для края».

системной реорганизации местной жизни, которая займет многие десятилетия.

Это был процесс, управление которым требовало толковых кадров. Их подбору Екатерина II и ее преемники придавали серьезное значение. Бездарных или случайных людей на должность Кавказского наместника никогда не назначали. При всех их различиях в характерах, во взглядах на вещи и в практических подходах к проблемам никого из них нельзя было упрекнуть в профессиональной некомпетентности, недостатке ума или чувства долга.¹⁰⁸

В этой длинной веренице сановников, растянувшейся с конца XVIII века до начала XX попадались личности неоднозначные. В том числе те, кто пользовался у современников и потомков дурной репутацией, которую зачастую путают со служебной несостоятельностью, чего делать не следует даже в отношении человека со скверной натурой.

Так уж случилось, что в этой когорте, во многом несправедливо, оказался самый первый наместник Павел Сергеевич Потемкин. Как историческому персонажу ему «не повезло» в том, что в бытность его на Кавказе в 1786 году в Кизляре произошло убийство гилянского хана Гедаета, попросившего у России убежища и защиты от своих врагов. Пропали и сокровища, вывезенные им из Персии.

Едва ли будет большой ошибкой сказать, что в конечном счете Гедает-хан стал жертвой кровавой борьбы за шахский престол, из которой победителем вышел Ага-Мухаммед-хан. Однако темные обстоятельства кизлярского дела, так и оставшиеся непроясненными, дали в руки недоброжелателей и завистников П. С. Потемкина оружие в виде версии о его непосредственной причастности.

В фарватер этого серьезного обвинения можно было пристраивать список каких угодно грехов Потемкина: корыстолюбие, угодничество, карьеризм, моральную нечистоплотность, жестокость и даже порочную наследственность.¹⁰⁹

Началась травля со стороны современников, а позже — и некоторых историков. И те, и другие потратили свои силы именно на нее, потеряв вся-

¹⁰⁸ Чтобы не вводить Наместника в искушение злоупотребить своей властью, его распорядительные полномочия в ряде вопросов существенно ограничивались, хотя в целом оставались очень большими.

¹⁰⁹ Большим количеством тайных и явных врагов П. С. Потемкин обзавелся, не прилагая к этому никаких усилий, благодаря родственным отношениям с могущественным фаворитом Екатерины II. После смерти своего покровителя в 1791 году Павел Сергеевич лишился неприкосновенного статуса и стал объектом бездоказательных и, как полагают некоторые исследователи, ложных обвинений, в которые якобы поверила и императрица. Дошло до того, что один мемуарист назвал П. С. Потемкина «крайним неприятелем свисту пуль».

кий интерес к его бесспорным заслугам в совершенно новом для России деле — губернском благоустройстве специфического края, которое включало социально-хозяйственный, переселенческий и даже гражданственный аспект. (Впрочем, есть историки, не оставляющие без внимания эту сторону деятельности П. С. Потемкина.)

Не углубляясь в вопрос о степени обоснованности обвинений в адрес П. С. Потемкина, о соотношении в них вымысла и правды, заметим, что все-му этому в истории принадлежит отдельное место, которое имеет очень косвенное касательство к его профессиональному портрету, к его реальному вкладу в ту цивилизаторскую работу, которую вела Российская империя на Северном Кавказе.

П. С. Потемкин не был агнцем. Он жил и действовал по правилам своей эпохи. Карьеру делал под покровительством Григория Александровича, хотя старался приглушить этот момент, когда писал, что «преславный сродник мой... зыскивал строже на родных». Возможно, он допускал служебные злоупотребления, в том числе финансовые. Определенно страдал банальными человеческими слабостями, был склонен к высокомерию, преувеличению собственной значимости, не чурался сомнительных способов достижения цели.

Но то же самое можно было бы сказать почти о каждом представителе российской военно-политической элиты того времени. Скандалов внутри этого слоя, вызванных «несовершенством» человеческого материала, было предостаточно. Однако сам факт их возникновения говорил о существовании определенной нравственной черты, переход через которую гарантировал крупные неприятности на службе и в обществе. Вопиющие случаи влекли «списание» прежних заслуг и неминуемый крах всех планов на будущее.

Такова была корпорация, куда входил П. С. Потемкин. Она предоставляла огромные возможности и беспощадно наказывала за непонимание того, что это одновременно и огромная ответственность.

Коллективный портрет екатерининской высшей бюрократии предстанет в совершенно однобоком виде, если не упомянуть о других ее типичных чертах: незаурядные интеллектуальные способности, широкая образованность, профессионализм, наличие «позитивных слабостей» в виде любви к стихосложению, изящной словесности и научным занятиям. Что касается армейских командных чинов, то к указанным качествам следует добавить отвагу, самоотверженность, особый кодекс чести, причислявший трусость, предательство и некоторые другие вещи к тяжким грехам.

И в этом смысле П. С. Потемкин тоже был неотъемлемой частью корпорации. Судить об этом можно по отзывам о нем таких авторитетных и почитаемых людей, как Д. Н. Бантыш-Каменский, Г. Р. Державин, Е. Г. Вейденбаум и другие.

Они отмечают в Павле Сергеевиче личную храбрость, дух рыцарства, обходительность, прекрасное образование, совершенное знание русского и многих иностранных языков, увлечение поэзией, переводами произведений Руссо и Вольтера, сочинением драматических пьес для театра и т. д. Русские и западные интеллектуалы конца XVIII–XIX веков признают научную ценность историко-этнографического сочинения П. С. Потемкина «Краткое описание о кабардинских народах» (1784 г.).

Этот блестящий и во многом уникальный очерк, не потерявший своего значения и сегодня, выдает в авторе тонкого и скрупулезного наблюдателя, способного взглянуть на вещи с неожиданного ракурса, подметить неброские, но важные детали, найти удивительные аналогии с «антично-классическими» периодами жизни человечества.

П. С. Потемкин дает многоцветный, противоречивый портрет кабардинского этноса, величественный и порочный одновременно. В этой картине, если так можно выразиться, органично соединено несоединимое. С одной стороны, «совершенно испорченные нравы», застарелое «междоусобное несогласие», «грабительство» как «весь предмет жизни», «корыстолюбие» и «клятвопреступление». С другой — дух рыцарства и аристократизма, презрение к роскоши, свободолюбие, мужество — все то, что делало кабардинцев объектом подражания почти для всех северокавказских народов.

Особенно поразил П. С. Потемкина их образ мыслей. Об этом он пишет с тайным восхищением, поскольку в екатерининские времена русская интеллектуальная элита, не без влияния европейских веяний, начинает глубже задумываться над вопросом «быть или иметь?».¹¹⁰

Наместник приводит слова одного кабардинца, заявившего, что он не променяет свою хижину на лучший дом в Европе, и объяснившего почему: «В больших домах стены убраны, но сердце спутано, кажется с домами вместе построены и мысли и сердце». Эта удивительно образная метафора впечатлила П. С. Потемкина тем странным и неожиданным созвучием, в которое пришли философия «первобытного» народа и терзания русской души и мысли.

«Краткое описание» говорило о глубоком творческом интересе П. С. Потемкина к своей работе. Создание подобных сочинений стало традицией для многих русских военных и гражданских деятелей на Кавказе.

Одним словом, в качестве кавказского наместника П. С. Потемкин со всеми своими достоинствами и недостатками был, как минимум, на своем месте. Лишенному возможности использовать опыт предшественников на этой

¹¹⁰ В постановке этого вопроса парадоксальным образом были едины представители прямо противоположных социально-политических взглядов. Взять, к примеру, М. М. Щербатова и А. И. Радицева.

должности, за их отсутствием, ему пришлось самому нащупывать правильные пути к новым формам взаимоотношений между Российской империей и народами Северного Кавказа. Не зная, когда и чем это закончится, наместник не сомневался в главном — роль военной составляющей в русской политике должна и будет неуклонно снижаться.

Сам П. С. Потемкин олицетворял эту тенденцию — своей личностью, своим видением перспектив, своим акцентированным интересом к обычаям и нравам местных этносов, своим пониманием, что эти познания являются политическим капиталом, необходимым в строительстве имперской цивилизации. Его этнографические штудии, в сущности, были формой обдумывания «способов к примирению кавказских народов и к утверждению их верности и привязанности» к России.

«Ученая записка» Павла Сергеевича о Кабарде (составлявшая лишь часть «Краткого описания о кабардинских народах») настолько заинтересовала французского посла в России графа Сегюра, что он поместил ее в своих «Воспоминаниях», причем в более полном виде, чем это сделали некоторые русские издания. Назвав данный документ «очень обстоятельным и любопытным», посол не пожалел для него нескольких страниц своих мемуаров.

Сегюр проявил, на первый взгляд, весьма неожиданный и странный интерес к сюжету, не имеющему прямого отношения к русско-французским и русско-европейским делам, то есть к сфере своей служебной деятельности. Что это — праздная дань дилетантской любознательности к этнографической экзотике? Отчасти да. У европейской читающей публики всегда был спрос на информацию о «первобытных» народах, и почему бы не потратить ему?

Но имелась и другая причина. Сегюр являлся профессиональным дипломатом и главным поставщиком сведений (включая конфиденциальные) о великой державе, с которой Франция соперничала по целому ряду международных проблем. Парижу необходимо было знать как можно больше о замыслах России в отношении тех геополитически чувствительных точек, в том числе на Востоке, где существовала потенциальная или реальная угроза конфликта имперских амбиций Петербурга и Парижа.

Из «Описания» П. С. Потемкина Сегюр сделал вывод: русское правительство разрабатывает планы гражданско-цивилизационного обустройства Северного Кавказа и хочет хорошо изучить объект приложения своих будущих усилий.

О том, что посол был совершенно прав в своих умозаключениях, говорит судьба «Описания». Оно было тотчас одобрено князем Потемкиным и представлено Екатерине II, которая положила идеи этого документа в основу своего рескрипта (от 28 августа 1786 года) о создании горского земского войска на службе России.

Павел Сергеевич был один из первых русских деятелей уже на присоединенном к России Северном Кавказе, которые с удовольствием и с успехом пробовали себя в жанре политической аналитики и политического проектирования, как прикладного краткосрочного, так и перспективного стратегического характера.¹¹¹ Эту часть, так сказать, концептуального наследия первого кавказского наместника будут претворять в жизнь его преемники — долго, трудно, с разной степенью успешности.

Никакие пороки П. С. Потемкина, реальные или преувеличенные молвой, не лишают его права на ту историческую аттестацию, которую дал ему В. А. Потто — «один из даровитейших людей екатерининского времени».

* * *

Губернизация Северного Кавказа замышлялась до появления Мансура как неизбежная, плановая реформа, устремленная в конечном счете к достижению имперского единообразия, призванная поднять край до цивилизованного уровня остальной России. Однако феномен Шейх-Мансура заставил Екатерину II усилить в этой реформе элемент чрезвычайности.

При всей своей слабости к идеалам Просвещения императрица не страдала склонностью к благодушному мечтательству. Она осознавала, что на присоединенной территории со столь специфическими особенностями нельзя ограничиваться лишь мерами по гражданскому и хозяйственному переустройству общественного быта. Они потеряют всякий смысл, если не будут обеспечены элементарные условия безопасности. Создать эти условия — значит, прежде всего, защититься от горских набегов, одновременно искореняя фундаментальные причины, их порождающие.

Но теперь эта историческая угроза усугублялась вероятностью соединения стихийной набеговой энергии с организованным и идейным началом, немислимым без выдающегося вождя, выступающего, с одной стороны, как генератор этого процесса, с другой — как его послушный слуга.

Как бы убедительно ни выглядела татартупская победа 2 ноября 1785 года, никто отныне не мог поручиться, что старая неупорядоченная «система» набегов не дополнится новой мотивацией и новым содержанием. Исключать подобную опасность нельзя было ни в перспективе, ни в ближайшем будущем, не говоря уже о полном отсутствии у русских уверенности в том, что с Мансуром покончено раз и навсегда.

Перманентная и психологически изнуряющая военная тревога ложилась тяжким бременем на относительно немногочисленные армейские части, расквартированные на Северном Кавказе. Держать их в мобильном

¹¹¹ Разумеется, мы употребляем эти понятия с поправками на свойственный той эпохе уровень осмысления вызовов времени.

режиме без точного представления о том, где, когда и в каком количестве они могут понадобиться, было чрезвычайно трудно. Да и выглядело это как-то странно — использовать регулярные войска на собственной территории и против собственных подданных. Особенно на фоне просветительско-гуманистической риторики Екатерины II и в преддверии ее пышного пропагандистского вояжа по Южной России, призванного продемонстрировать Европе первые плоды цивилизаторской деятельности императрицы.

В принципе, предполагалось, что с изменением международно-правового статуса Северного Кавказа, как и Крыма, куда вскоре собиралась отправиться Екатерина, этот край превращался из внешнего объекта, позволявшего применять инструменты войны, во внутренний субъект, где достаточно наличия средств соблюдения имперского «Устава благочиния».

Однако, поскольку разница между центром и периферией была на тот момент огромна, на новоприобретенных территориях требовалась максимально приспособленная к ним модель обеспечения общественного порядка и безопасности. Петербург искал эту модель, понимая, что без нее, по крайней мере, на этапе взаимной адаптации, не обойтись.

Так родилась идея создания горского земского войска. 11 апреля 1786 года Екатерина II подписала соответствующий приказ князю Потемкину-Таврическому, а 26 августа издала разъяснительный рескрипт, где раскрывался общий смысл нововведения.

Из казны выделялась сумма в 50 тысяч рублей годовых для содержания иррегулярного войска численностью более двух тысяч человек (для начала). В его состав должны были войти наездники, на вербованные из кабардинцев, осетин, ингушей, кумыков, лезгин и знавшие толк в ратном деле. Перед ними ставилась задача охранять дороги и поселения от набегов таких же горцев. (В перспективе предполагалось также использовать их в войнах России «в европейской стороне».)

Ожидалось, что они, фактически неся военно-кордонную службу с полицейским оттенком, частично освободят русскую армию от необходимости гоняться за разбойничьими партиями на пространстве от Каспия до Черного моря. Армейские подразделения были плохо приспособлены для этого, в отличие от горско-земского войска, быстрого, маневренного, действующего в родной стихии, знающего набеговые повадки своих соплеменников. В известном смысле русские власти брали на вооружение принцип «клин клином».

Конечно, эта «рекрутская реформа» имела и другую цель, совершенно естественную в контексте приближающейся войны с Турцией, — использовать горцев в качестве союзников, опираясь, в том числе, на традиционный для них институт наемничества.

Был еще и дальний социально-политический прицел. Князь Потемкин-Таврический выступал за то, чтобы новое войско комплектовалось и управлялось по древним военным обычаям горцев без всякого вмешательства извне (кроме финансового и морально-поощрительного).

Это означало, что во главе каждого ополчения той или иной этнической принадлежности должна была стоять местная знать, в данном случае — кабардинские князья и уздени, кумыкский шамхал (тарковский) и аварский хан со своими приближенными.

Помимо сугубо материального и немалого вознаграждения все они (а затем и их дети) получали возможность сделать карьеру на службе у великой державы. Как писал князь Г. А. Потемкин, перед ними «отворялся путь к степням по службе» не только в земском войске, но и российской регулярной армии. «Охранная служба, — продолжал эту мысль В. А. Потто, — давала выгодное для нас (России. — *В. Д.*) применение воинственности кабардинцев, подчиняла их некоторой дисциплине и надзору, и наконец, льстила честолюбию высших сословий обещанием чинов и наград».

Особенно серьезные уступки были сделаны кабардинской знати: ей, вразрез с прежней позицией русских властей, возвращались бежавшие от нее в Россию холопы, правда, «с обязательством доброго содержания».¹¹² Князь Г. А. Потемкин соглашался применить эту вынужденную меру отнюдь не безусловно. Чтобы не поощрять социальный произвол князей, была выработана примирительная процедура с участием обеих сторон конфликта, благодаря чему вопрос о возвращении решался в каждом конкретном случае по-разному. Князьям и узденям также предоставлялось право выбрать, при желании, любую российскую территорию для постоянного проживания.

В момент подписания Екатериной II рескрипта князю Потемкину-Таврическому (26 августа 1786 года) наиболее актуальной была потребность в создании кабардинской милиции. Кабарда находилась ближе всего к основному источнику угроз для русско-казачьих поселений на Кавказской линии — закубанской (левобережной) Черкесии. При поощрении турок и, как свидетельствуют документы, под влиянием прокламаций Мансура, черкесы заметно активизировали свои набеги.

¹¹² В исторической литературе существуют разные точки зрения по поводу принципов социальной политики России в отношении кабардинских «холопов». К примеру, В. А. Потто, считая, что П. С. Потемкин отказал князьям в возвращении их беглых людей, был уверен: Кавказский наместник, таким образом, преследовал задачу урезонить строптивую знать путем лишения ее рабочих рук и боевой силы, поставив и то, и другое на службу «безопасности нашей (русской. — *В. Д.*) границы». В свете проекта создания кабардинского земского войска, мнение В. А. Потто не выдерживает критики: из кого формировать это ополчение, если не из княжеских «холопов»? Видимо, все же к «холопскому вопросу» у русских властей на местах не было единого подхода. В каждом конкретном случае он решался по-разному, исходя из прагматических соображений и реальных обстоятельств (найти беглых на российской территории иногда было очень сложно).

Не потеряла своей злободневности и чеченская угроза ввиду полной неясности относительно дальнейших намерений «лжепророка».

Таким образом, кабардинцам предстояло охранять отчасти свои собственные, отчасти «русские» границы от черкесов, с одной (западной) стороны, и от чеченцев, с другой (восточной).¹¹³

В мае 1787 года кабардинские князья дали свое торжественное согласие на формирование ополчения, в подтверждение чего отправили в Херсон депутатов к князю Г. А. Потемкину. Уже в июне войско было собрано. Оставалось уточнить зоны его ответственности.¹¹⁴

Есть основания полагать, что идея создания горско-земского войска была детищем князя Г. А. Потемкина. Он, судя по всему, рассматривал это как первый этап в процессе превращения Северного Кавказа в органичную часть Российской империи. Екатерининский фаворит прекрасно осознавал, что международно-правовое признание края территорией, принадлежащей России, является лишь предпосылкой к трудной работе по наполнению этого статуса реальным политическим, социально-экономическим и культурным содержанием.

Но это была задача на долгую перспективу. А пока, по мнению Г. А. Потемкина, срочно требовалось предъявить и русскому обществу, и иностранным державам, прежде всего «просвещенной» Европе, да и самой Екатерине II доказательства искреннего желания «туземных» народов жить под царским скипетром. Поэтому князь намеревался «повергнуть к стопам ее императорского величества посольство всего Кавказа». Это было особенно важно в условиях, когда Стамбул готовился к пересмотру итогов последней войны с Россией.

К своему замыслу Г. А. Потемкин относился со всей серьезностью. В рамках подготовки к его осуществлению князь планировал совершить осенью 1786 года поездку по Кавказу с целью убедить местные политические элиты и народ в преимуществах «высочайшего покровительства».

Однако на этот визит (а на него требовалось не менее полутора—двух месяцев) у Г. А. Потемкина не хватило времени, поскольку Екатерина II поручила ему лично подготовить и реализовать в короткий срок стратеги-

¹¹³ Понятие «граница», в международно-правовом смысле слова, тут применимо лишь к линии, разделявшей территорию Российской империи (куда с 1774 года входила и Кабарда) и закубанские земли, находившиеся под номинальной юрисдикцией Турции. В отношении Чечни и других территорий Северного Кавказа, вошедших к 1786 году в состав России, этот термин употреблялся в русских документах лишь для обозначения межэтнических границ.

¹¹⁴ Г. А. Потемкин хотел, чтобы эта милиция охраняла от черкесов линию Ея — Невинномысск (180 верст) и от чеченцев — пространство между рекой Камбилеевка и Моздоком (80 верст). А кабардинцы предпочитали охранять только свою собственную территорию от верховьев Кубани до слияния реки Кумские Барсуклы с Кумой (около 100 верст).

ческую программу укрепления обороноспособности страны на ее южной периферии.

Умный и гибкий политик Г. А. Потемкин понимал, что осуществление «рекрутского» проекта в той или иной степени означает вмешательство во внутреннюю жизнь горцев. Для смягчения возможных деструктивных последствий такого нововведения, он делал все, «чтобы не подать повода к подозрению, что русское правительство намерено изменить их бытовое и общественное устройство».

Зная особенности кавказского менталитета, князь придавал огромное значение церемониальной стороне общения с горцами. В июне 1787 года, устроив для кабардинской делегации прием у Екатерины II (скорее всего, в Херсоне или Черкасске) в ходе ее путешествия по Южной России, Г. А. Потемкин, как писал Н. Ф. Дубровин, «до мельчайших подробностей применялся к их обычаям». Кабардинцам даже было позволено не снимать шапки в присутствии ее величества.

Князь дал им твердое заверение, что все их обычаи и обряды, а самое главное исламская религия, останутся в неприкосновенности.¹¹⁵ Сопровождая свое общение с кабардинскими представителями щедрыми подарками, Г. А. Потемкин подчеркивал, что от них требуется одно — не нарушать верноподданнических присяг, жить «в мире и тишине».¹¹⁶

Начавшаяся в сентябре 1787 года русско-турецкая война, резко дестабилизировав ситуацию на Северном Кавказе и «переменив виды» кабардинской знати, заставила повременить с планами по набору горско-земского войска и в значительной степени скорректировать их.

¹¹⁵ В этой связи едва ли можно считать случайностью тот факт, что по указанию Екатерины II с 1787 года в России крупными тиражами стали издавать Коран, в том числе в переводах на русский язык.

¹¹⁶ Г. А. Потемкин настоятельно предписывал П. С. Потемкину обращаться с горскими народами без высокомерия или, как он выражался, «без презрения».

Глава 11

ЧЕРКЕССКИЙ ДЕБЮТ ИМАМА: КАТАСТРОФА ВМЕСТО ТРИУМФА

В начале июля 1787 года Мансур навсегда покинул Чечню и перебрался на Северо-Западный Кавказ. Черкесский период биографии имама, казалось, должен представать перед историками в более отчетливом свете, поскольку тамошняя его деятельность неразрывно связана с событиями русско-турецкой войны, происходившими под пристальными взорами современников.

Однако и тут многое остается туманным. Сам выбор времени прибытия Мансура в Черкесию порождает определенные вопросы. Был канун русско-турецкой войны, до которой оставалось немногим больше двух месяцев. Откуда об этом мог знать имам, до начала июля находившийся в чеченских горах? Только от османских генералов, командовавших гарнизонами черноморских крепостей Анапа и Суджук-кале, точнее — от их эмиссаров, которые, возможно, уже давно держали вождя горцев в поле своего зрения, связывая с ним конкретные военно-политические планы. Источники утверждают, что имам оказался на Кубани при содействии черкесско-ногайского владельца Казы-Гирея, имевшего тесные контакты с турками.

В Стамбуле узнали о деятельности Мансура задолго до его появления в Черкесии. Согласно одному свидетельству, слухи о чеченском «чудотворце» поначалу были восприняты турецким руководством с настороженностью. Один из кумыкских паломников, возвращавшийся из Мекки через османскую столицу, был вызван к великому визирю, и между ними состоялся такой разговор.

Визирь: «Какой там явился у вас имам, и какие он делает чудеса?»

Паломник: «Никаких, он развращает только народ и производит смятение».

Визирь: «Верят ли ему люди?»

Паломник: «Простые верят, а умные называют обманщиком».

Визирь: «Разве у вас нет книг?»

Паломник: «Есть».

Визирь: «Как же вы можете верить в появление пророка, которого, по нашему закону, кроме Магомета, быть не может?»

Кумыкский хаджий, объясняя это неразвитостью народа, говорил, что у Мансура много приверженцев.

Визирь услышал для себя главное. А главным были не теологические вольности имама, а его влияние на массы.

Если тут все не гораздо сложнее,¹¹⁷ то можно предположить, что именно тогда у Порты зародилось намерение использовать «чудотворца» в своих целях. Коль скоро он, благодаря своим магическим способностям, повел за собой людей в Чечне и Дагестане, почему не сделать его «орудием своих видов» в Черкесии, подняв местные племена против России.

Затем, видимо, последовал уже описанный нами визит в Чечню специального османского эмиссара. В представленном им отчете содержались крайне противоречивые сведения, выводы из которых предстояло сделать турецкому руководству. Говорилось, что Мансур не пророк, даже не ученый и не особенно набожен, хотя не уклоняется от совершения молитв, предписанных законом.

В другом месте доклада эта характеристика доводится до более высокой степени развенчания: теперь имам — «обманщик, который притом не пользуется большим доверием в Дагестане». И тут же сообщается прямо противоположное: Мансур, оказывается, «имеет отряд в шесть тысяч человек, составленный из людей разных наций», и, непосредственно рядом с собой, то ли духовный совет, то ли группу телохранителей из шести человек, «одетых улемами и оказывающих большое почтение своему наставнику».¹¹⁸

Где здесь правда или хотя бы часть ее, сказать сложно. Констатировать можно лишь одно. Праведен ли, благочестив ли Мансур, и насколько — Порте было, в принципе, безразлично. Главное — его способность служить полезным орудием ее военно-политических замыслов.¹¹⁹ А проверить это турки могли только на практике.

¹¹⁷ Мы имеем в виду гипотезу, согласно которой связь Мансура с Портой могла возникнуть гораздо раньше. Один русский офицер в своих воспоминаниях высказывает убеждение в том, что вокруг Мансура горцев собирали не столько проповеди, сколько деньги, которыми его «вдоволь запасли» «недоброхоты России».

¹¹⁸ Кстати, из этого же документа мы узнаем, что «Мансур родом не из Чечни, а пришел из других мест». Данное утверждение, даже если турецкий эмиссар услышал его из уст самого имама, еще ничего не доказывает. Многие правители, как известно, предпочитали в целях сакрализации власти связывать свое происхождение с иноземными предками.

¹¹⁹ Чтобы поднять авторитет Мансура среди черкесов, султан Абдул-Хамид, несмотря на возращение главного османского муфтия, разрешил горскому вождю носить титул имама и как бы в подтверждение этого послал ему часы и зрительную трубу.

Едва ступив на кубанскую землю, Мансур получил от суджук-калинского паши деньги и подарки, а взамен с него была взята клятва ничего не предпринимать без ведома Стамбула, который не хотел преждевременно провоцировать разрыв с Россией. Это означало, что имам подчинился Порте и занял служебное место в ее военно-политических планах.

Вскоре Мансура пригласил к себе анапский паша, желавший узнать о своем знаменитом госте как можно больше. Начальник османского гарнизона осведомился, среди прочего, о том, не притесняют ли русские жителей Чечни и Дагестана. Ответ был весьма любопытным: «О притеснениях русских я ничего не слышал (курсив мой. — В. Д.)».¹²⁰

На эти слова паша не обратил внимания. Гораздо больше его заинтересовало сообщение об участившихся случаях несоблюдения российскими властями правила, в силу которого среди чеченских заложников (живших в Кизляре и Астрахани) поддерживалась определенная система ротации. Паша сказал Мансуру, что это «есть явный знак нарушения» русскими взятых перед султаном обязательств и мира с Турцией, свидетельствующий об их «умышлении истребить правоверных».

Предстоящая война, как утверждал османский начальник, будет носить священный характер: «Старайся побуждать и увещевать, чтобы все магометане, вооружась, ополчились против россиян и нанесли бы вред неприятелю мусульманской веры. Будь уверен, что служение твое Богу и калифу награждено будет такими воздаяниями, какие только вообразить можно».

Когда Мансур понял, что анапский паша уповает на его готовность употребить в пользу Турции свое влияние в Чечне и Дагестане, то явно смутился. Возвращение на Северо-Восточный Кавказ, откуда имам потому и уехал, что уже не мог рассчитывать на массовую поддержку, совершенно не входило в его планы, во всяком случае — в ближайшее время.

Мансур счел необходимым высказаться по этому поводу достаточно откровенно, чтобы не подогревать в турках ложных ожиданий. Его ответ паше помогает оценить реальные итоги деятельности имама на Северо-Восточном Кавказе трезвее, чем это делают некоторые историки.

Согласившись, что он, «как магометанин, обязан действовать по законам религии», Мансур, тем не менее, отказался давать какие-либо обещания касательно дагестанцев и чеченцев, поскольку «народы эти имеют своих начальников и свои обстоятельства, соображаясь с которыми располагают свои дела».

По сути это — признание того факта, что за время пребывания в Чечне и Дагестане ему не удалось составить ни политическую конкуренцию сложив-

¹²⁰ В контексте этого высказывания было бы занимательно пофантазировать о том, как бы сам Мансур прокомментировал идею о национально-освободительном характере его движения, которой придерживаются многие историки.

шимся там формам власти, ни идеологическую альтернативу базовым основам патриархально-родового сознания. С этой точки зрения, переезд Мансура в Черкессию открывал перед ним другие перспективы, ввиду того, что там он становился для турок более полезным орудием, чем на Северо-Восточном Кавказе.

Анапский паша оказал Мансуру теплый прием и обращался с ним как с важной персоной. Понимая, что в предстоящей войне турки хотят поднять северокавказские народы от Черного моря до Каспия, имам не стал отказывать им в содействии. Он послал своим односельчанам письмо, в котором обещал вскоре вернуться в Чечню «знаменитым человеком» и избавить их от присутствия русских с помощью турецких войск, пушек и снарядов. «Все закубанские народы, — хвастал он, — меня чтут и ко мне присоединились».

Если Мансур и собирался возвращаться на Северо-Восточный Кавказ, то, конечно, не в том состоянии, в котором он его покинул. Чтобы иметь хотя бы какие-то шансы на восстановление влияния среди чеченцев и дагестанцев, имам должен был предъявить им убедительные доказательства собственного могущества и авторитета. И тут все зависело от того, как сложатся его дела в Черкессии.

Перед Мансуром открылись блестящие перспективы. Былая проповедническая и ратная слава, пришедшая по его пятам, никуда не девшиеся личностные дарования, а также мощная поддержка турок сделали свое дело. Черкесы и отчасти ногайцы стекались к нему отовсюду. Одни — для утоления своего любопытства, другие — для изъявления почтения, третьи — для исцеления от недугов, четвертые — для участия в грабительских набегах. Почти в точности повторялась история двухлетней давности.

Еще до появления Мансура на Кубани набеговая активность черкесов резко возросла. Она была в большей степени следствием тайных подстрекательств турок и в гораздо меньшей — слухов о скором приходе «пророка». (Во всяком случае, до 20 сентября 1787 года в русских военно-оперативных сводках, пришедших из Черкессии, его имя не встречается.)

В апреле 1786 года закубанцы (так именовали левобережных черкесов и, отчасти, ногайцев) прорвались на внушительное расстояние в глубь российской территории и разорили станицы Александровскую и Новоселицкую (около 90 км к северу от современного Пятигорска).¹²¹

В июне горцы в количестве 3 тысяч человек атаковали Правый (северо-западный) фланг Кавказской линии, но были «разбиты и прогнаны» полковником Муфелем.¹²²

¹²¹ Горцы убили 13 человек, взяли в плен 180 душ обоего пола и угнали более восьми с половиной тысяч голов лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

¹²² Так трактовал этот эпизод П. Г. Бутков. В несколько ином виде он предстает в воспоминаниях непосредственного участника события. Александр Пишчевич — так звали этого офицера — писал о «жестоком сражении», в котором неприятель «держал нас (четыре

В сентябре из окрестностей Ставрополя были угнаны около четырехсот лошадей. Тогда же нападению подверглись Прочный Окоп и Овечий Брод, где были захвачены в плен несколько казаков, один убит и двое ранены.

В октябре нападению двух тысяч закубанцев подвергся редут Безопасный, пять защитников которого были убиты, а двадцать три взяты в плен. Затем горцы двинулись в окрестности Донской крепости, где также «причинили злодейства». В том же месяце имел место еще ряд аналогичных случаев.

В ноябре им уже удалось более крупное предприятие. Две тысячи черкесов с пушкой (должно быть, турецкой) переправились через Кубань и у Болдыревского редута наголову разбили несколько донских полков, убив 150 казаков и взяв в плен полковника П. М. (?) Грекова.

В январе, апреле и июне 1787 года закубанцы совершили еще ряд нападений на расположения русских войск, причем глубина рейдов поражала своей дерзостью. Хотя все они были отбиты без особого урона для обороняющихся, эта тенденция не могла не беспокоить князя Г. А. Потемкина и его подчиненных.

Вылазки горцев представляли собой нечто большее, чем простые промысловые набеги. В данных предприятиях принимало участие внушительное количество людей (до 7 тысяч человек), и они носили весьма организованный характер. Разумеется, черкесы не могли вести себя в этих походах иначе, чем предписывали многовековые обычаи войны. Они грабили имущество и уводили русских в плен при первой возможности.¹²³

Но, судя по всему, Петербург стал усматривать в военной активности горцев не только мотивацию, обусловленную возможностью захватить добычу. Тот факт, что до апреля 1786 года на Кубани наблюдалось относительное спокойствие (обычные мелкие грабежи не в счет), заставлял искать приходящую причину. И ее больше не с чем было связать, как с обострением русско-турецких отношений.

Русское начальство, ссылаясь на международные договоры, неоднократно обращалось к османским властям с протестами по поводу нарушения черкесами границы (река Кубань) между Османской и Российской империями и требовало возмещения причиненного ими ущерба.¹²⁴

эскадрона под командованием Муфеля. — В. Д.) в беспрестанном огне около пяти часов, наконец уставши столько же, сколько и мы, и не в силах будучи нас одолеть, отступил». При этом опять, уж в который раз, в описании «жесточкого сражения» каким-то странным образом не находится места для сведений даже о приблизительном количестве убитых и раненых с обеих сторон. Черкесы, кстати говоря, считали, что победа осталась за ними, и слух об этом дошел до П. С. Потемкина раньше, чем бодряя реляция Муфеля.

¹²³ Даже при столкновении с русскими регулярными частями горцы стремились при малейшей возможности прорваться к интендантскому обозу.

¹²⁴ В январе 1787 года князь Потемкин просил русского посла в Стамбуле Я. И. Булгакова предъявить Порте требование, чтобы она либо заставила своих закубанских «подданных» вернуть украденное, либо признала, что не имеет над ними никакой реальной власти,

Фактическое отсутствие реакции со стороны Порты наводило на мысль о провокационной политике турок в отношении своих «подданных».¹²⁵

* * *

Конечно, Г. А. Потемкин не собирался уповать на дипломатические демарши. Он, как хорошо информированный реалист, готовился к войне, одним из театров которой станет Кубань, где на стороне турок будет умелый военный организатор — Мансур.

Первые оборонительно-наступательные приготовления князь начал еще в августе 1786 года. Тогда они осуществлялись «в непроницаемой тайне» и предполагали, что русские войска должны занять такие позиции, которые позволят им в случае необходимости быстро пересечь Кубань и «воздать достойную мзду» черкесам за их нападения.

С течением времени подобные мероприятия становились частью общего, широкого контекста подготовки к русско-турецкой войне. Г. А. Потемкин считал необходимым сконцентрировать разбросанные от Азова до Каспия воинские контингенты таким образом, чтобы можно было с максимальной эффективностью ответить на реальные угрозы безопасности Южной России и не держать избыточное число войск там, где это нерационально. В данной связи князь выступал с идеей формирования резервных мобильных соединений, которые «могли быть обращены в ту или другую сторону».¹²⁶

Северо-Западный Кавказ вызывал у Г. А. Потемкина гораздо большую тревогу, чем Северо-Восточный, где взрывоопасный потенциал, с уходом Мансура, ослаб.

П. С. Потемкину было велено особое внимание уделить расширению системы русских укреплений, которых было явно недостаточно для сдерживания набегов. Генерал пошел по пути, так сказать, эшелонирования этой системы, выстраивая на наиболее прорывоопасных участках три рубежа обороны.¹²⁷

и в таком случае взяла все компенсационные расходы на себя. Иначе Россия вынуждена будет наказывать горцев по справедливости, то есть сделать то, от чего она доселе отказывалась «из единого только к Порте уважения».

¹²⁵ Напомним, что вопрос о характере турецкой власти и влияния в Черкесии крайне неоднозначен. Константинопольская конвенция 1783 года, вслед за другими документами, еще раз подтвердила принадлежность Закубанского края Османской империи. Это международно-правовое положение Порты, в диалоге с Петербургом, использовала очень избирательно, апеллируя к его букве и духу в одних случаях и признаваясь в своем бессилии контролировать «диких черкесов» — в других.

¹²⁶ Дежурство в этих мобильных частях было тяжелым занятием, особенно зимой, когда «снежные сугробы составляли места наших (русских войск. — В. Д.) ночлегов и отдохновения».

¹²⁷ На Северо-Западном Кавказе в то время существовали три кордонные линии — Кубанская, Азово-Кубанская и параллельная ей Азово-Моздокская. Они плохо справлялись со своими функциями из-за большого расстояния между укреплениями. Компенсировать этот изъян П. С. Потемкин решил за счет сокращения дистанций и, отчасти, за счет строительства

Летом 1787 года было заложено 16 новых редутов на Азово-Кубанской, Азово-Моздокской линиях, а также на восточном фланге Кубанской линии. Более совершенной стала система заблаговременного оповещения о набегах, которая теперь сообщала не только об опасности как таковой, но и о ее реальных масштабах, что давало больше возможностей отвечать адекватными силами, не оголяя другие участки обороны. (Это было очень важно, поскольку горцы часто применяли отвлекающие атаки для нанесения главного удара там, где их не ждали.)

Впрочем, эти разумные и необходимые меры так и не смогли изменить ситуацию коренным образом. Низкая плотность войск и населения на указанных линиях оставляла черкесам широкий выбор «направления для своих быстрых налетов».

Если борьбу с набегами еще можно было оставить на попечение станичных ополчений, то противостояние османской армии в надвигавшейся войне требовало совсем других сил и других организационных мероприятий.

Исходя из обстановки, требовавшей более гибкой системы войскового управления, князь Г. А. Потемкин посчитал необходимым разделить все русские силы на Северном Кавказе на два корпуса — Кубанский, под командованием генерал-аншефа П. А. Текелли, и Кавказский, оставшийся в ведении П. С. Потемкина.¹²⁸ Первый должен был прикрывать Кубань в ее нижнем и среднем течении. Второй — верховья реки, то есть кабардинскую границу, причем с обеих сторон¹²⁹

Готовясь к войне и вполне допуская выступление горцев против России, даже если и не на стороне Турции, князь Г. А. Потемкин по-прежнему считал нецелесообразным применять к ним силу, пока не будут исчерпаны все другие средства.¹³⁰

«тыловых», страховочных редутов, в частности — между Азово-Моздокской линией и восточным флангом Кубанской линии.

¹²⁸ Согласно данным источников, русские войска на Северном Кавказе в конце 1786 г. насчитывали 31 418 человек, включая иррегулярные части. После их разделения в Кубанском корпусе числилось 9 306 человек. Значит, в Кавказском было немногим более 22 тысяч. Общий недокомплект составлял 4 234 человека, не считая недостатка в лошадях, артиллерии, продовольствии, а также в финансовых средствах.

¹²⁹ На тот случай, если турецкие войска двинутся в Кабарду или в самой Кабарде начнутся волнения. 15 августа 1787 года Г. А. Потемкин назначает П. А. Текелли (вступил в должность 4 октября) командующим всеми русскими войсками на Кавказе. Причины этой кадровой перестановки точно неизвестны. Возможно, Г. А. Потемкин посчитал, что в условиях войны русскую армию на Кавказе должен возглавлять такой человек, как П. А. Текелли — один из лучших боевых генералов екатерининского времени, герой Семилетней и русско-турецкой (1768–1774 гг.) войн, боевую сноровку и бесстрашие которого высоко ценил А. В. Суворов. Нельзя исключать, что отставка П. С. Потемкина, точнее — перевод его на Балканы, связана со слухами о причастности кавказского наместника к убийству в 1786 году Гедаст-хана Гилянского. Как утверждает молва, П. С. Потемкин не вынес начавшегося расследования этого дела и в 1796 году покончил с собой.

¹³⁰ В качестве таких средств использовалась игра на суверени горцев. Зная о предстоявшем 4 июня 1787 года солнечном затмении, князь Потемкин велел своим подчиненным предупредить горцев о грядущем событии как о божьем наказании за их проступки.

В ордере (от 26 августа 1787 года) генералу П. А. Текелли, который 4 октября официально вступит в должность Кавказского наместника и командующего русской армией на Северном Кавказе, он писал: «Я надеюсь, что благосклонное ваше с ними (кабардинцами. — *В. Д.*) обращение более произведет в них привязанности и усердия к Империи Российской, нежели страх наказания. Нужно иметь к ним снисхождение».

Вводя Текелли в курс нового для него дела, князь Г. А. Потемкин высказывает мысль о том, что горцы горцам рознь, и поэтому использование в отношении их политических приемов становится особенно актуальным. «Из всех прочих народов горских, — полагал князь, — наиболее оказывают привязанности к России и даже склонности к закону христианскому, осетины и ингуши. Надобно стараться умножить в них сию преданность и усердие, делая им ласковые приемы и отличая их пред другими».

22 августа 1787 года князь Г. А. Потемкин послал на Северный Кавказ двух генералов — братьев Горичей¹³¹ — «для словесных переговоров и внушений подвластным нам горским народам прямой их пользы в истинной привязанности к России и в сохранении тишины и спокойствия».¹³²

В том, что Центральный и Северо-Восточный Кавказ не доставил России особых забот во время русско-турецкой войны, есть заслуга братьев Горичей. Но, как мы выясним ниже, не только в этом.

* * *

15 июля 1787 года Порты предъявила России заведомо неисполнимый ультиматум. 5 августа русский посол в Стамбуле Я. И. Булгаков был арестован и посажен в Семибашенный замок. 21 августа турки напали на два русских судна в Очаковском заливе. 9 сентября Екатерина II специальным манифестом объявила о начале войны.

Отныне на Северном Кавказе, как и повсюду, Россия и Турция могли действовать по законам военного времени. В стратегических расчетах обеих сторон этот край играл важную роль. В некоторых русских оперативных планах — столь же важную, как Балканы и Крым. Особое значение при-

¹³¹ Иван Петрович Горич-Большой (старший) (1740–1788 гг.) и Иван Петрович Горич-Меньшой (младший) (1745–1811 гг.) были типичным порождением политики кооптации в правящий и военно-служилый класс России представителей нерусских народов. Уроженцы Кизляра, происходившие из кумыкско-балкарского рода Басиатовых, они верой и правдой служили империи, за что пользовались у Петербурга авторитетом и доверием.

¹³² Горич-Меньшой поехал «к народам, пребывающим между Моздоком и морем Каспийским», а Горич-Большой — «к кабардинцам, осетинам, бесленейцам, абазинцам и прочим закубанцам». Ему же было предписано «посетить Аварского и Дербентского ханов и обнадёжить их в том благополучии, которое ожидает их с поступлением их в подданство России». Поручая братьям эту важную миссию, Г. А. Потемкин исходил из того, что они, «по единоземству и уважению, которое там к ним имеют», смогут «способствовать к приведению народов в полезное для нас расположение».

давалось Анапе, Суджук-кале, Тамани (в меньшей степени Ачугеву и Копылу) — ключевым оборонительным и наступательным плацдармам, представлявшим также огромную ценность с точки зрения их использования в коммуникационных целях. Тот, кто владел ими, мог создавать угрозу и для Крыма, и для Северного Кавказа, и для Азовского побережья.

В середине сентября 1787 года среди закубанцев (черкесов и ногайцев) появились несколько турецких эмиссаров (по другим данным — боевой отряд) для организации нападения на русские границы под руководством Мансура.

Любопытно отметить, что до этого момента Мансур, находившийся в Черкесии уже два с половиной месяца, не предпринимал никаких военных действий против России. Более того, в этот промежуток времени не было зафиксировано ни одного большого набега на Кубанскую линию, тогда как до этого они случались регулярно.¹³³ Казалось бы, парадокс: канун русско-турецкой войны, наращивание османских сил на Черноморском побережье Кавказа, появление легендарного имама, и на фоне всего этого — набеговое затишье. Но объяснение есть.

Мансур видел, что ситуация на Кубани открывает перед ним возможность испытать свои таланты на более масштабной, военно-политической, международной арене, чего он был лишен в Чечне и Дагестане. Теперь он мог не размениваться на такие мелочи, как грабеж, а заняться военно-организаторской работой в качестве полновесного союзника Порты, то есть весьма крупного политического игрока, а не заложника наезднического промысла.

Имам не видел смысла в бессистемных и бесполезных вылазках черкесов на Кубанскую линию с единственной целью — пограбить. Ему нужно было то, чего он так и не нашел на Северо-Восточном Кавказе, — хорошо организованная, управляемая людская масса, мотивированная, как и он сам, чем-то неизмеримо большим, нежели добыча.

Вероятно, учитывая свой прошлый опыт и совершенно новую обстановку, Мансур теперь предпочитал быть не столько имамом, сколько полководцем, способным предрешить исход крупномасштабного процесса — русско-турецкой войны. Для этого требовалось укротить энергию черкесов прежде всего правильной армейской организацией и идеей победы над Россией, как державой, враждебной правоверному султану.

После начала войны Мансур развернул бурную деятельность, которая существенно отличалась от того, что ему приходилось делать раньше. Практически уже ничего не было слышно о его проповедях, призывах к праведной

¹³³ С апреля 1786-го по июнь 1787 года горцы совершили восемь набегов, в которых принимали участие от двух до семи тысяч человек.

жизни, чудотворческих подвигах. Зато повсюду видны следы прекрасной организаторской работы, мало похожей на подготовку к заурядному набегу. В ней явно присутствовала военно-стратегическая и политическая мысль.

На это указывает, прежде всего, выбор места сбора для черкесских и ногайских сил — междуречье Лабы и Урупа (южные притоки Кубани), граница между Черкесией и Кабардой. Отсюда можно было атаковать восточный фланг Кубанской линии и, двигаясь дальше на север, центральный фланг Азово-Кизлярской линии, или идти вдоль нее в направлении Чечни и Дагестана. Это был бы удар по тылам русских, который заставил бы их перебросить сюда войска из Причерноморья, создав тем самым для турок оперативный простор в районе Таманского полуострова.

Территория между Лабой и Урупом являлась идеальным стратегическим плацдармом, с точки зрения как наступления, так и обороны: его северная часть представляла собой равнинную местность, откуда можно было атаковать Кубанскую линию, южная — гористую, где легко было спрятаться.

В то же время это пространство служило для Мансура и политическим плацдармом: близость к Кабарде позволяла имаму соблазнять кабардинских князей возможностью соединения с ним с целью отвоевать у России их «исконные» земли.

На этой территории Мансур сосредоточил до 8 тысяч горцев и огромное количество провианта. Туда же он велел пригнать 600 повозок для использования их в качестве вагенбурга.¹³⁴

Вовремя узнавший об этом П. С. Потемкин решил упредить Мансура. 20 сентября 1787 года русские войска (8 тысяч человек, разбитые на четыре отряда, при 35 орудиях) перешли Кубань у Прочного Окопа и Овечьего Брода. Генерал распределил их так, чтобы максимально ограничить противнику поле для маневра и не оголить свои тылы и фланги.¹³⁵ Атакованные горцы оказали упорное сопротивление,¹³⁶ но, потеряв 400 человек, вынуждены были оставить свои позиции.

На следующий день Мансур перешел в контрнаступление. Завязалась жаркая схватка. В ходе ее часть русских войск, угодившая в засаду, попала под фланговый удар. Наступило замешательство, однако вскоре подоспевшая помощь спасла ситуацию. Горцы в конце концов были опрокинуты и обращены в бегство.

¹³⁴ Интендантские склады Шейх-Мансура насчитывали до 10 тысяч пудов коровьего масла и «великое множество ячменю».

¹³⁵ Похоже, П. С. Потемкин высоко оценивал полководческие дарования Мансура, иначе он не собирал бы столько сил под своим командованием и не учитывал бы возможность применения имамом военно-тактических хитростей.

¹³⁶ Перед сражением горцы громко пропели молитву, сочиненную Мансуром, что говорило об их готовности стоять до последнего. В истории Кавказской войны XIX века предсмертные обращения к Аллаху станут обычным делом.

Отступив верст на десять, Мансур остановился. И тут выяснилось, что он подготовился к войне основательно, о чем свидетельствовали подошедшие к нему резервы — темиргойцы, бесленейцы, абазины. 22 сентября имам вновь приблизился к русским позициям. Встреченные артиллерийским огнем горцы «разделились по нациям» и засели в «лощинах и рощах». Но были выбиты и оттуда.

В следующие два—три дня русские уничтожили расположенный поблизости аул, где находился интендантский склад и резиденция Мансура.

25 сентября П. С. Потемкин приказал войскам возвращаться к берегам Кубани. Поражения не обескуражили горцев. Они быстро перегруппировались и пошли по пятам русских, стараясь атаковать их арьергард при первом удобном случае.

В течение трех дней (26, 27, 28 сентября) имаму удалось навязать неприятелю несколько сражений, последнее из которых, потребовав от русских ответной перестройки своих рядов, отличалось особой ожесточенностью, длилось 7 часов и закончилось бегством горцев. За 20-е числа сентября 1787 года Мансур потерял около 2 тысяч человек убитыми, П. С. Потемкин — 50 убитыми и 146 ранеными.

Это было последнее предприятие П. С. Потемкина на Кавказе. 4 октября он сдал свои полномочия генералу П. А. Текелли.¹³⁷

Несмотря на сентябрьские успехи, достигнутые его предшественником, до победы над Мансуром было еще далеко. Общая нестабильность на Северном Кавказе, где количество потенциально взрывоопасных очагов не уменьшалось, служила перманентным источником энергии, заряжавшим сторонников имама и морально, и физически. Война дала новые соблазны тем, кто по разным причинам хотел бы свести старые счеты с Россией или просто воспользоваться ситуацией, чтобы пограбить.

Как ни парадоксально, проблему для русских представляли не крупные, хорошо организованные, ожидаемые атаки, с которыми справлялись относительно легко, а мелкие горские партии, постоянно просачивавшиеся через Кубань и доставлявшие застигнутым врасплох казачьим станицам и войсковым хозяйствам большое разорение.

Этот вопрос настолько обострился, что вынудил князя Потемкина-Таврического поделиться с П. С. Потемкиным своими невеселыми откровениями: «Всегдашнее подвержение поселенцев в губернии Кавказской набегам закубанским, — писал он, — довольно доказывает, особливо в тепе-

¹³⁷ Текелли жаловался, что П. С. Потемкин оставил ему дела, включая финансовые, далеко не в лучшем виде. Наместник оправдывался какими-то странными обстоятельствами, указывая, с одной стороны, на пустую казну, с другой — на имевшиеся у него 50 тысяч червонных, которые ему почему-то надо было вернуть лично князю Потемкину.

решных обстоятельствах, что рано они там поселены. Кажется, нужно будет ближайших к границам подать назад, дабы их обезопасить и лишить корысти закубанцев, которых наши селения приманивают».

Большие опасения вызывала обстановка в Кабарде, от которой в любой момент можно было ожидать чего угодно. В кабардинских социальных элитах не было единства взглядов и действий ни в одном вопросе. Это окутывало всю ситуацию на Центральном Кавказе в туман неизвестности, крайне затрудняя для Петербурга выбор последовательной линии поведения и мешая ему с доверием относиться к местной знати. В самом деле: если кабардинские князья были искренни в своих верноподданнических клятвах Екатерине II, то кто же тогда организовывал и совершал с территории Кабарды «весьма частые набеги» на русские поселения? Разобраться в этом было непросто.¹³⁸

Да и не давала война времени на подобные раздумья. На первый план выступали оперативно-стратегические проблемы, требуя максимальной собранности и концентрации внимания на уязвимых участках русской обороны. Для решения этих проблем войск Кубанского и Кавказского корпусов было явно недостаточно.¹³⁹

Речь ведь шла не только о защите от горцев на всем протяжении между Черным и Каспийским морями, но и от вполне возможных крупных османских военных предприятий на Кубани, в Тамани, на Азовском побережье. Во всяком случае, реваншистская логика Порты должна была предполагать именно эти направления.

Г. А. Потемкин поставил перед П. А. Текелли практически невыполнимую в такой ситуации задачу: с одной стороны, объять «бдением и заботой» все черноморско-каспийское пространство, с другой — «не раздроблять силы свои, ...и поставить себя в состояние к сильному поражению, если бы неприятель к границам нашим покушение сделать осмелился».

Войска Кубанского и Кавказского корпусов, ответственные за оборону территории, заключенной в треугольнике «Азов — устье Кубани — Невинномысск», квартировали в девяти опорных пунктах. Пять из них располагались между Таганрогом и Ейским укреплением на более или менее близком расстоянии друг от друга. Четыре — в верховьях Кубани. Вся остальная часть «треугольника» была открыта для вражеского вторжения. При таком распределении сил командующие войсковыми соединениями должны были

¹³⁸ Не случайно Г. А. Потемкин и П. А. Текелли по-разному воспринимали заверения кабардинской знати. И это лишь один из многочисленных случаев расхождения во мнениях между представителями имперской власти на Кавказе.

¹³⁹ Под давлением данного обстоятельства Г. А. Потемкин, как полагал Н. Ф. Дубровин, рекомендовал П. А. Текелли «влиять на горцев и в особенности на кабардинцев не столько страхом оружия, сколько ласкою и мягкостью обращения».

проявить невероятную расторопность, чтобы вовремя прийти на помощь своим соратникам.

Все русские генералы (в первую очередь, оба Потемкина и П. А. Текелли) хорошо понимали, что при такой разбросанности войск придерживаться пассивной обороны чрезвычайно рискованно. А более активный образ действий требовал многократного увеличения воинских контингентов. При чем зачастую речь, по сути, шла не о наращивании полков до комплектного состояния, а о простом восполнении убыли людей от жестокой лихорадки и других болезней, вызванных климатом.¹⁴⁰

В крайнем запущении находилась материальная часть полков: скверное солдатское довольствие, обветшала экипировка, отсутствие защиты от дождя и стужи. Текелли разрывался между необходимостью «спешно исправлять хозяйственные недочеты» и стремлением успеть провести военную кампанию до наступления холодов.

При всем миролюбии Г. А. Потемкина, его склонность к «ласкательствам» не распространялась на тех, кто поднял оружие против России. Когда, в результате сентябрьских столкновений с Мансуром, князь убедился, что таких людей за Кубанью достаточно много и сами они не угомонятся, он посчитал, что уходить на зимние квартиры, несмотря на наступивший октябрь с его неприятными погодными сюрпризами, еще не время.¹⁴¹

Поражения, которые потерпел Мансур, не внесли перелома в ход военных действий. Имам быстро привел в порядок свои силы и вновь собрал их на лабинско-урупинском плацдарме, практически сведя на нет русские победы. Признаков деморализации в его войсках видно не было.

Принявший от П. С. Потемкина дела П. А. Текелли получил приказ подавить противника на левом берегу Кубани — от впадения в нее Лабы до снежных отрогов Кавказского хребта — и не покидать эту территорию до тех пор, пока «надобность будет требовать, истребляя огнем и мечом неприятеля и его селения и *приводя в несостояние покуситься когда-либо на границы* (курсив мой — В. Д.)» России.

П. А. Текелли ставил во главу угла достижение конкретного результата — лишить Мансура и его воинство всякой возможности наносить удары

¹⁴⁰ В некоторых полках показатели смертности, не связанной с боевыми действиями, составляли в среднем 15 человек в месяц, а за год достигали 200 человек, то есть практически одной трети полка. Еще около двухсот солдат ежемесячно находились в лазаретах, будучи, естественно, непригодными для несения службы.

¹⁴¹ Князь Потемкин, конечно, понимал, что в условиях полномасштабной войны, объявленной Портой, уже не могло быть никакой речи о прежней щепетильности в отношении закубанцев, набеги которых до сих пор оставались безнаказанными, поскольку их совершали османские «подданные». Теперь, когда горцы, встав на сторону турок, фактически признали себя воюющей стороной, Г. А. Потемкин объявил, что они «суть явные наши враги». А это означало право России обходиться с ними как с неприятельской армией.

по русским территориям. Это была совершенно практическая задача, целиком вписывавшаяся в логику и «мораль» военного времени. Официально находясь в навязанном ей состоянии войны, Россия имела полное право применять к союзникам Турции те же средства, что и к турецкой армии.¹⁴²

Закубанские горцы вместе с Мансуром сделали свой выбор и, нужно сказать, мужественно взяли на себя ответственность за его последствия, прекрасно зная, в чем они будут заключаться. Суровые условия существования и исторический опыт воспитали в горах мироощущение, в котором не было места для чувства сострадания или снисхождения к врагу.¹⁴³

Но и за своим противником они честно оставляли право не испытывать ничего подобного. Более того, подвиги великодушия ставили горцев в психологический тупик, единственным выходом из которого было убеждение, что это либо признак человеческой слабости, достойной презрения, либо извращенная форма унижения противника, достойная отмщения.¹⁴⁴

13–14 октября 1787 года, во исполнение приказа Г. А. Потемкина, войска П. А. Текелли (общей численностью 12 750 человек), разделившись на три колонны, вновь перешли Кубань (у Темишбека и Аджи-кале или Турецкого Окопа). Месячный запас продовольствия и продуманный план действий свидетельствовали в пользу того факта, что шапкозакидательские настроения были чужды многоопытному генералу.

Четыре дня (14,15,16,17 октября) Текелли наступал, не встречая никого на своем пути. Мансур отходил на юго-восток, к горам. Там, на границе между Черкесией и Кабардой, в труднопроходимых ущельях жили абазины, принявшие сторону имама.

Он, возможно, пытался заманить русские войска в такую же ловушку, в каковую в свое время попал Пьери. Но проделать то же самое с Текелли было не так

¹⁴² Екатерина II не подвергала эту истину ни малейшему сомнению. В письме к барону Ф. М. Гримму от 25 ноября 1787 года она писала: «На Кубани генерал-лейтенант П. С. Потемкин разбил, в семи отдельных стычках, Ногайских Татар. Чтобы отбить у них охоту впредь переходить к нам за Кубань (на ее северный берег. — В. Д.), он проник внутрь их собственного края. Нападающая сторона Турки; они атаковали нас врасплох, но до сих пор, мы, слава Богу, не потеряли ни одного вершка земли».

¹⁴³ Никакой исключительности или неповторимой северокавказской специфики тут нет. Примерно так же была устроена ментальность многих народов мира в определенном историческом возрасте. Один из классических примеров — норманны, сметавшие все живое на своем пути, не терзаясь ни малейшими угрызениями совести или покаянными рефлексиями. Чувство панического страха перед их жестокостью лучше всего передает широко бытовавшее в раннесредневековой Европе заклинание: *A furore Normannorum libera nos, Domine — избави нас, Господи, от норманского неистовства*.

¹⁴⁴ Стоит заметить, что персидские и крымские завоеватели, безжалостно уничтожая северокавказских горцев, оказывавших сопротивление, исходили из жестокого и прагматического посыла, основанного на собственном опыте: пощадить горца — значит оставить в живых человека, преисполненного желанием отомстить за бесчестье. Примеры иного поведения тех же крымских ханов и персидских шахов, ошибочно принимаемые историками за милосердие, также были связаны с сугубо рациональной мотивацией в конкретных обстоятельствах времени и места.

просто: генерал располагал гораздо большими и правильно расщедоточенными силами, имея за своими плечами опыт нескольких войн и выкарабкивания из самых сложных ситуаций. За ним уже давно закрепила репутация «талантливого партизана», оказавшаяся как нельзя кстати на Северном Кавказе, где против горцев лучше всего было воевать их же оружием.

Гоняться за Мансуром командующий не собирался. Во всяком случае, свою стратегическую цель он видел в другом — обескровить противника, лишит его всех средств к сопротивлению. Не изобретая здесь ничего нового, Текелли принялся методично уничтожать покинутые горцами жилища, захватывать скот и собранный урожай, предавать огню оставшееся на полях зерно. Это был целенаправленный удар по интендантским тылам Мансура, призванный подорвать моральный дух и физические возможности его ополченцев. И это оружие сработало довольно быстро.

18 октября в верховьях Малого Зеленчука абазины во главе с имамом попытались оказать сопротивление, но были разбиты. Вскоре к Текелли явилась абазинская делегация с просьбой о помиловании и принятии в подданство России. Генерал ответил согласием.

Собрав оставшиеся резервы, Мансур двинулся на запад, к верховьям Большого Зеленчука. Русские шли по пятам, пока не настигли его войско у реки Уруп, где горцам было нанесено окончательное поражение (приблизительно 21 октября). Имам, оставшийся с горсткой людей, бежал к туркам в Суджук-кале.¹⁴⁵

Вся эта кампания была проведена стремительно и толково. Наступление велось по нескольким направлениям, при хорошо отлаженном взаимодействии между воинскими частями. Горцам не давали времени для маневра и перегруппировки (то есть для применения одного из самых эффективных приемов партизанской войны). Их загоняли глубоко в ущелья, выходы из которых плотно блокировались. Зачастую их брали измором, лишая родных очагов, куда, переждав в горах, они могли бы вернуться. Перед перспективой гибели от голода и холода были бессильны даже их мужество и героизм.

Можно предположить и наличие субъективных стимулов для быстрого завершения операции. Непоседливый по натуре Текелли, вероятно, считал для себя не вполне достойным принять командование кавказскими войсками и тотчас же отправиться на зимние квартиры. Он хотел успеть до наступления холодов довести до какого-то логического итога хотя бы ту задачу, которая подразумевала обеспечение безопасности восточной части Кубанской линии. Однако этим Текелли поставил себя в состояние цейтнота, обусловившего молниеносный темп кампании.

¹⁴⁵ Картина бегства Шейх-Мансура в Суджук-кале была страшной. На пути его отступления нашли «множество мертвых тел, преимущественно младенцев».

Командующий действовал исходя из военно-стратегических императивов. А они были просты — добиться того, чтобы, для начала, хотя бы восточное Закубанье, граничившее с Кабардой, перестало быть османским резервом в войне против России. Требовалось подавить все находившиеся там источники военной угрозы российским территориям.

В природно-ландшафтных условиях той части Северного Кавказа противник был большей частью недостижим для Текелли, понимавшего, что горцев нельзя собрать в одном месте для «честного» генерального сражения. Они были искусны в войне другого типа — в той долгой «рассеянной» войне на износ, которую русские пока еще не умели вести.

Чувствуя это, Текелли решил не искать неприятеля по бесчисленным ущельям. Он попросту уничтожил более трехсот горских аулов (башильбайских, темиргойских, бесленейских), поставив их обитателей перед выбором между дальнейшими скитаниями в голодное зимнее время и изъявлением покорности России. Многие закубанцы выбрали последнее.

Текелли, однако, не довольствовался этим, поскольку торжественные верноподданнические присяги, как уже не раз случалось, не стоили бы, после ухода русских войск, ломаного гроша. Другое дело — обезлюживание, своего рода нейтрализация пространства, исторически таившего перманентную опасность для южных территорий России. Иначе говоря, переселение закубанцев на север, в междуречье Кубани и Кумы, а также в другие места, где они находились бы уже скорее под русским полицейским, чем военным контролем.

Эта мера преследовала еще и важную долгосрочную задачу социально-культурной интеграции горцев в имперскую цивилизационную систему. Так политика становилась частью войны, а война — продолжением политики.

В последних числах октября 17 закубанских старшин и владельцев присягнули на верность Екатерине II, выдали аманатов и вскоре переселились в пределы российского государства. Впрочем, за Кубанью жили и те, кого не нужно было принуждать к переселению. Кочевавшие среди черкесов ногайские татары «едисанского поколения» (около 5 500 тысяч кибиток) сами просили Россию предоставить им земли между рекой Ея и Азовом или другие, в ответ на что было оказано соответствующее «попечение».¹⁴⁶

2 ноября 1787 года войска Текелли вернулись на Кубанскую линию, где и расположились на зимних квартирах. За время похода русские потери составили 27 человек убитыми и пропавшими без вести и 57 ранеными. Была захвачена до-

¹⁴⁶ Судя по некоторым сведениям, к переселенцам относились в зависимости от степени их враждебности или лояльности к России. Кому-то разрешили взять с собой все имущество, кому-то лишь часть его, в основном скот, остальное либо реквизировалось, либо уничтожалось.

быча, потребовавшая около 4 тысяч повозок. Удалось освободить русских людей (100 человек), плененных в результате набегов. (О потерях Мансура точных данных нет, но, вероятно, они исчислялись многими сотнями, включая брошенных бежавшим имамом на произвол судьбы женщин, стариков и детей.)

Таким образом, сугубо военную задачу, которая заключалась в подрыве материального потенциала, позволявшего восточным закубанцам угрожать России массированными, организованными нападениями, Текелли во многом решил.

Судить же о морально-политических итогах кампании и, в частности, о ее психологическом воздействии на горцев было пока рано.

Текелли, так же как его предшественники и преемники, не только воювал, но и занимался политико-дипломатической работой. «От Кавказских племен, — отмечается в одном источнике, — беспрестанно приезжали к Петру Текелли разные люди: одни, чтоб посмотреть на генерала, другие для переговоров».¹⁴⁷ У себя в Георгиевске командующий держал большой штат толмачей, через которых он общался с гостями и собирал «разные сведения о туземных наречиях».

Екатерине II, естественно, сообщили о военной кампании Текелли как о большом успехе. Императрица, настойчиво просившая князя Потемкина держать ее в курсе кубанских дел, ответила награждением Текелли орденом Владимира Первого класса.

Однако к чувству удовлетворения, испытанному государыней,¹⁴⁸ вполне возможно, примешивалось удивление и огорчение по поводу того, что в победных донесениях почему-то продолжает присутствовать имя Мансура, в который раз разбитого, но по-прежнему живого и остающегося на свободе. (Примечательно, что, регулярно спрашивая князя Потемкина о ходе событий на Кубани, Екатерина ни разу не поинтересовалась судьбой Мансура, видимо полагая, что эта проблема уже не столь актуальна.)

Екатерина была бы только рада больше никогда не вспоминать Мансура, особенно в переписке со своими иностранными корреспондентами, но сделать это все же пришлось. В письме к барону Ф. М. Гримму от 11 декабря 1787 года она признала, что «имам Мансур, которого Порта сделала своим

¹⁴⁷ Знатные кабардинцы, черкесы, ногайцы подолгу гостили у Текелли в Георгиевске, дарили ему дорогие подарки, водили дружбу с людьми из его окружения, включая его брата Савву, у которого остались о горцах добрые воспоминания.

¹⁴⁸ В письме к барону Гримму от 11 декабря 1787 года Екатерина сообщала: «13 Октября генерал-аншеф Текелли с четырьмя колоннами перешел за Кубань и обратил в бегство (вдоль рек Лабы, Зеленчука, Кефита и Урупа) Татар различных орд, населяющих эти местности и часть которых собралась под знаменем имама Мансура;...Все это было поколочено, прогнано, рассеяно, перебито или забрано в плен. Добыча наших казаков должна быть громадна; они захватили несколько тысяч пленных. Все остальное покорилось и прислало депутатов; другие выдали заложников, чтобы их не трогали. Словом, от Кубани до Кавказа, преследование удалось вполне. Сам имам Мансур, потеряв все, бежал в Суджак».

инструментом еще до разрыва мира», жив, хотя потерпел «полный разгром» и бежал в Суджук-кале.

* * *

События сентября—октября 1787 года имели неожиданное продолжение, в котором было больше социально-политического, чем военного содержания.

Сразу по вступлении в должность Текелли, руководствуясь указанием Г. А. Потемкина о формировании горского ополчения, велел кабардинцам прислать к нему «300 человек доброконных, с провиантом, для употребления в экспедиции закубанской». Однако к указанному сроку (начало сентября) они не явились, то ли от того, что не успели собраться, то ли желая понаблюдать за развитием кампании, чтобы принять в ней участие в случае успеха русских или остаться дома в случае их неудачи.¹⁴⁹

Приблизительно в это же время к кабардинским князьям приехал генерал И. П. Горич Большой (старший), который, как уже отмечалось, являлся кизлярским уроженцем и прекрасно разбирался в тонкостях горской жизни. Он, по-видимому, и растолковал кабардинцам, что их дальнейшее промедление лишит их возможности получить свою долю трофеев в этой кампании. Так это или нет, но к концу октября 1787 года 46 (по другим данным — 36) князей и более мелких владетелей выставили пять тысяч ополченцев, командование над которыми было доверено Горичу.

Никакие увещания, скорее всего, не подействовали бы на кабардинских князей, если бы они сами не хотели воспользоваться плодами русских побед для возвращения под свою власть некогда зависимых от них абазин (башильбаев), темиргойцев, бесленейцев, которые после Белградского мира 1739 года формально являлись османскими подданными.¹⁵⁰

В ноябре—декабре 1787 года И. П. Горич Большой, фактически ставший заложником социально-реваншистских планов кабардинской знати, повел ополчение в поход, имевший больше сходства с полицейской операцией, чем с военной. Под предлогом приведения закубанцев в подданство России, князя насильственно переселили их поближе к своим владениям и взяли у них аманатов в знак восстановления прежних вассальных отношений.¹⁵¹

¹⁴⁹ Официального отказа от кабардинцев не последовало. Они попросили лишь о двухнедельной отсрочке для уборки хлеба. К середине сентября, как сообщают источники, «кабардинское земское войско собралось на Малке» в ожидании дальнейших распоряжений.

¹⁵⁰ Такая зависимость влекла за собой не только даннические отношения, но и междоусобные распри, вызванные самыми разными причинами, большей частью — воровством скота, которым промышляли и вассалы, и сюзерены.

¹⁵¹ С закубанцев была взята присяга, «с тем, дабы российскому двору, *также и кабардинцам* (курсив мой. — В. Д.) всегда быть вернопослушными».

В ходе экспедиции были освобождены русские люди, захваченные черкесами в результате набегов и обращенные в рабство.¹⁵²

Кабардинские князья, вероятно, полагали, что данная мера будет служить острасткой и для других строптивых вассалов, в частности для балкарцев и осетин-дигорцев. Не беремся судить, насколько эффективно была решена именно эта, социально-реставраторская задача. Но та задача, которую ставил перед собой Горич Большой как русский генерал, — гарантировать безопасность Кубанской линии за счет переселения — не получила исчерпывающего решения.

Виной тому — не какие-то неправильные действия с его стороны, а крайне нестабильная, слабо управляемая ситуация внутри Кабарды с множющимися признаками разложения и хаоса, который выплескивался вовне. Искренняя преданность России одних князей, вымученная лояльность других или заведомо фальшивые верноподданнические клятвы третьих¹⁵³ не могли радикально повлиять на сложившийся веками образ жизни горцев.

Они продолжали совершать набеги, мотивация которых зачастую не имела ничего общего с сознательно враждебным отношением к России и русским. Отсюда и разношерстный состав участников, объединявший князей и простолюдинов, сюзеренов и вассалов, соплеменников и чужаков. Интернациональный набеговый промысел уравнивал всех перед лицом соблазна и обычая. Борьба с ним по-прежнему было очень трудно. По крайней мере, с помощью регулярных войск, предназначенных для других целей, тем более в условиях русско-турецкой войны.

Поэтому проблема создания горского ополчения в 1787 году стала еще актуальнее. В сферу его «бдения» Г. А. Потемкин предписывал включить не только Закубанье, но и Северо-Восточный Кавказ, где происходили разного рода «шалости», доставлявшие Моздокско-Кизлярской линии постоянные тревоги.¹⁵⁴

Охрана этой территории была поручена генералу И. П. Горичу Меньшому (младшему). Используя свой авторитет и сложные отношения между местными горскими обществами, ему удалось собрать отборное войско, состояв-

¹⁵² Горичу Большому также удалось провести вылазку против османских сил в Закубанье, в результате которой был нанесен удар по отряду абадзехов из трехсот человек, следовавшему в Суджук-кале на помощь туркам. Захваченные в бою две пушки Горич доставил в Георгиевск.

¹⁵³ Присяги на верность России представители горских элит давали легко и быстро, в одних случаях не понимая политического смысла верноподданничества, в других — заведомо зная, что не смогут выполнить эти присяги по, так сказать, уважительным причинам. В результате институт присяжничества девальвировался до уровня «ничего не значащей, хотя, быть может, приятной русским формальности».

¹⁵⁴ К числу этих «шалостей» относилось пленение чеченцами российского пристава в Кабарде майора князя А. Е. Уракова.

шее из кабардинцев (из Малой Кабарды), осетин и кумыков, общей численность более тысячи человек вместе со своими владельцами и старшинами.

В конце октября — начале ноября 1787 года этот отряд перехватил возвращавшуюся из набега партию чеченцев, нанес ей поражение, возвратил добычу (включая русских людей, которых ждало либо рабство в горах, либо продажа в османскую неволю), а также взял в плен нескольких участников рейда.

Но главная заслуга братьев Горичей была в другом. Благодаря своей глубокой осведомленности в особенностях горского общественного быта и гибкому поведению они смогли заметно расширить круг лояльных к России представителей местных политических элит.

Братья способствовали повышению доверия горцев к давно используемому русскими властями на Северном Кавказе институту аманатства. Горичи заставили горскую знать еще раз убедиться в том, что сказки о незавидной судьбе отданных в Россию заложников совершенно безосновательны. Напротив, это мощный социальный трамплин для карьерного взлета молодых представителей местных «верхов».

Лучшие из взятых Горичами в аманаты детей кабардинских князей, кумыкских владельцев и осетинских старшин (31 человек) сначала находились при Г. А. Потемкине в качестве почетных горских депутатов, затем храбро воевали против турок и шведов, а потом вернулись в родные края «с чинами и жалованьем по оным».

В докладе Екатерине II (от 27 января 1788 года) князь Потемкин высоко оценил вклад горских ополчений, особенно кабардинцев, в осеннюю кампанию 1787 года. Он ходатайствовал перед императрицей о возвращении князьям Кабарды, в виде награды за их «помощь» в войне против Турции, части земель, взятых Россией под свой контроль, согласно Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года.

Екатерина приняла этот вопрос к рассмотрению и даже затребовала карту данных земель. Но в конце концов ограничилась «изъявлением высочайшего благоволения (то есть благодарности. — В. Д.)». Причиной отказа стала активизация антироссийских и проосманских сил в Кабарде, которая сопровождалась участвовавшими грабежами русской территории и нежеланием кабардинских князей выдавать участников набегов. На такие же отказы наталкивались требования русского правительства о выдаче турецких эмиссаров, появлявшихся в Кабарде постоянно.

После бегства Мансура в Черкессию Северо-Восточный Кавказ перестал быть для русских властей источником непосредственной угрозы, хотя, конечно, остался в сфере их деятельного внимания. По-прежнему одни владельцы вызывали большее доверие, другие меньшее.

Ума-хан аварский вольно или невольно сделал все, чтобы попасть в число последних. Его в конце концов не хватило даже на то, чтобы принять перед Петербургом хотя бы позу, подобающую ответственному политику. Он очень быстро превратился из скрытого вымогателя в совершенно беспринципного шантажиста с повадками банального попрошайки.

Ума-хан не испытывал ни малейших моральных неудобств от следовавших один за другим своих «макиавеллистских» кульбитов. Он принимает подарки от Порты, командирует туда своего посланника для переговоров о совместных действиях против России, следом пересылает П. С. Потемкину подлинник подстрекательского письма к нему ахалцыхского Сулейман-паши, обещает чеченцам помощь против русских и тут же клянчит у П. А. Текелли «в подарок хорошей работы часов», 100 пудов железа и, кроме того, просит пропустить через кизлярскую таможню принадлежавшие ему 350 рублей серебром.

Другие дагестанские владетели были более последовательны и предсказуемы, даже если не до конца надежны.

Глава 12

ПЕРВАЯ АНАПСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1788 ГОД): РАЗВЕДКА БОЕМ

С ноября 1787-го до конца 1789 года (то есть более двух лет) о Шейх-Мансуре практически нет упоминаний в источниках. Он как будто исчез так же внезапно, как и появился. Это выглядело довольно неожиданно и странно, особенно на фоне русско-турецкой войны, казалось бы обещавшей стать звездным часом для человека с такими планами, как у Мансура.¹⁵⁵

Чем объяснить выпадение столь яркой личности из времени, как будто судьбой ей предначертанного, историки не знают. Этот вопрос и в самом деле окутан тайной, как и многие другие страницы жизни имама.

Следы Мансура теряются после его бегства с верховьев Кубани — по слухам, в Суджук-кале. Но там ли он скрывался в последующие годы или в Анапе, не ясно. Впрочем, важнее другое: почему его не видно среди черкесов, к которым он для того и ушел в июле 1787 года из Чечни, чтобы продолжить свое дело в новой, более перспективной обстановке?

Следствие ли это его социальной невостребованности или развившейся неуверенности в себе после очередного (уже какого по счету) поражения?

А не приберегали ли его турки для какого-нибудь «часа X», намеренно не выпуская за пределы своих крепостей (если, конечно, он провел все это время именно там)?

Ответы на эти вопросы Мансур, скорее всего, унес с собой. Но это не лишает историка права искать их, опираясь на предположения, которые не противоречат общей логике доподлинно установленных событий.

К ним мы и обратимся.

¹⁵⁵ После поражения Мансура в октябре 1787 года его имя перестало упоминаться в русских военных планах при том, что оперативной обстановке на Кубани в них уделяется особое внимание.

* * *

После обычного зимнего затишья 1787–1788 годов русские открыли очередную военную кампанию на Кубани с большим запозданием. Впрочем, сначала Г. А. Потемкин велел Текелли (в приказе от 22 апреля 1788 года) поторопиться. Причиной, видимо, была полученная в начале марта информация о подготовке Турцией крупной военно-морской операции. Смысл ее заключался в доставке десантов в Очаков, Кафу, Суджук-кале и на Тамань, установление контроля над Керченским (Еникалинским) проливом для пресечения русских коммуникаций.

Князь Потемкин планировал ударами по Анапе и Суджук-кале отвлечь неприятеля от Крыма, «куда, по всем известиям, устремляет он главнейшие свои силы».¹⁵⁶ Новая кампания, в отличие от предыдущей, предполагала прямое столкновение с османскими войсками, хотя, разумеется, ожидалось, что к ним примкнут многочисленные отряды черкесов.

Из-за разлива Кубани и ее притоков, а также из-за задержки с рекрутским пополнением операция была отложена до августа 1788 года. Согласно имеющимся данным, ничего особенного до этого времени там не происходило.¹⁵⁷ Если не считать военных приготовлений с русской стороны и военно-политических с турецкой.¹⁵⁸

Противники занимались этим весьма тщательно. На Черноморском побережье южнее Кубани турки имели в своем распоряжении две крепости, одна из которых — Анапа — была построена французскими инженерами по последнему слову фортификационной техники. Защищать Анапу можно было сравнительно небольшим гарнизоном, но вместить она могла больше 10 тысяч человек, что делало ее еще и удобным плацдармом для разного рода наступательных операций. Суджук-кале была более уязвимой, но не до такой степени, чтобы считаться легким объектом для штурма.¹⁵⁹

¹⁵⁶ Еще одна красноречивая деталь: русские военные, указывая на цели наступления в направлении Анапы и Суджук-кале, ни разу не вспомнили Мансура, который, по их сведениям, находился в одной из этих крепостей. Не говорит ли это о том, что поимка или уничтожение имама уже не входили, как это было, скажем, в 1785–1786 гг., в число приоритетных задач?

¹⁵⁷ Мы вполне отдаем себе отчет в том, что это очень рискованная с точки зрения «повседневной» истории, в которой нет мелочей, поскольку она из них и состоит. В данном случае под фразой «ничего особенного не происходило» имеется в виду отсутствие исторических событий, кардинально повлиявших на ход и исход войны.

¹⁵⁸ Султан Селим III обратился к северокавказским горцам с таким фирманом: «По случаю настоящей у меня с Россией войны предписываю сим всем магометанского исповедания народам стараться денно и ночно вооружаться противу россиян. Буде ж поступать кто вопреки сего, то да будет яко беззаконник и жена от него свободна. Фирмана ж сего никто да не дерзает удерживать, а отправлять из города в город, из селения в селение для обнародования мусульманам, дабы они, видя сей фирман, стремились на ополчение».

¹⁵⁹ Штурм Суджук-кале трудно было поддержать параллельной атакой русских военных кораблей с моря, поскольку конфигурация суджук-калинской бухты давала полное преимущество обороняющимся.

Кроме того, из малоазиатских портов Турции в эти крепости, при благоприятном ветре, можно было доставить подкрепления всего лишь за сутки. Все это, естественно, дополнялось огромным рекрутским потенциалом Черкесии.

Таким ресурсам нельзя было противопоставлять наспех организованные боевые предприятия. Поэтому Текелли требовалось время, чтобы, во исполнение приказа Г. А. Потемкина, собрать пятнадцать с половиной тысяч пехотных и кавалерийских войск (при 17-ти орудиях) для наступления на османские позиции.

Осенняя кампания 1788 года готовилась по всем правилам военного искусства и с учетом общей обстановки на Северном Кавказе. Текелли постоянно приходилось держать в уме одно важное обстоятельство: собирая для закубанского похода столь значительные силы, он оголял русские тылы на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Тут был заведомый риск, но избежать его Текелли не мог.

Чтобы не вводить горцев в чрезмерные соблазны, командующий оставил в трех укреплениях на пространстве от Прочного Окопа до реки Танлык воинские команды для защиты от возможного крупного нападения на территории, находившиеся в междуречье Кубани и Кумы.

В качестве дополнительной меры предосторожности Текелли взял с кабардинцев новую присягу на верность России. Одного из их князей — Атажуку Хамурзина с узденями — командующий держал при себе во время похода на Анапу на правах отчасти союзника, отчасти заложника. Хамурзин показал себя достойнейшим образом и на полях сражений, и на политическом поприще, содействуя «хранению тишины и спокойствия» среди «своих единоземцев и других народов». За свои заслуги он был произведен в подполковники «с жалованьем по чину».

Однако обстановка на Северном Кавказе и особенно в Кабарде была слишком противоречивой, чтобы один из ее владельцев, даже такой весьма авторитетный, как Атажука,¹⁶⁰ мог управлять ею с той степенью успешности, которая позволила бы русским властям снять с себя значительную часть ответственности «за хранение тишины и спокойствия».

Докладывая в рапорте князю Потемкину, что в решении этой охранительной задачи Хамурзин «успел совершенно», Текелли лукавил. Лишь незначительное число кабардинцев из лояльных к владельцу людей участвовало в войне против Турции. Остальные князья отказались от своего обещания собрать ополчение под предлогом (а отчасти и по причине) ссоры со своими узденями («дворянами»);¹⁶¹

¹⁶⁰ Кстати, многие его родственники принадлежали к антироссийской «партии», что было еще одним из многочисленных парадоксов кабардинской политической жизни.

¹⁶¹ Не исключено, что, отговариваясь этим обстоятельством, князья тем самым призывали Текелли оказать им помощь по принуждению узденей к повиновению. В таком случае это было не что иное, как банальный шантаж.

Как бы в оправдание, они клятвенно обязались не иметь «и малейшего с неприятелем России сообщения», выдавать османских агентов и, «всякие неприятельские покушения предузнавая, не допустить и отвращать».

Эти клятвы стоили столько же, сколько и прежде, и по той же причине: острый недостаток единства, а значит, политической субъектности, Кабарды превращал порой совершенно искренние обещания князей лишь в свидетельство их личной лояльности к России. Отвечать за поведение основной массы населения, а тем более своих собратьев по элитному сословию, они были не в состоянии.

В политико-стратегической дилемме, перед которой оказались многие представители знати, ключевым оставался вопрос — чем закончится русско-турецкая война. До выяснения его они предпочитали выжидательную позицию.

При этом ни в Кабарде, ни на Северном Кавказе вообще никому не под силу было оказывать сколь-нибудь заметное влияние на социальный обычай разбойничества, процветавший практически повсеместно и тем пышнее, чем ближе и приманчивее были источники добычи.

С крупными набегами еще как-то можно было бороться ввиду того, что их организационную подготовку, требовавшую времени, редко удавалось скрыть от постороннего взгляда, а информацию о направлении удара — от постороннего уха.

Подлинным бичом, сравнимым с налетом саранчи, были мелкие набеги: предугадать их мишень и время вылазки было практически невозможно. Уберечься от них не могли даже хорошо вооруженные и охраняемые станицы. Горцы, верхом на непревзойденных по скорости лошадях, действовали молниеносно.

Их жертвами становилось что угодно, находившееся не только под плохим, но и под хорошим присмотром. И кто угодно, особенно терявшие бдительность хотя бы на минуту: казак, неосторожно отлучившийся от сельской околицы, или даже казачка, работавшая на своем огороде.

А уйти от преследования — это было уже делом техники, которой горцы владели в совершенстве. Случалось, правда, разбойников ловили, наказывая их в зависимости от конкретных обстоятельств. Иногда — весьма гуманно, возможно этим и поощряя на дальнейшие «подвиги».

«Наши полки, — отмечалось в одной из бесчисленных полковых «историй», — никогда не могли спокойно заниматься своим делом и часто отвлекались для поимки грабителей; пойманных из числа последних прогоняли обыкновенно сквозь строй несколько раз, а затем отпускали домой».

Возвращаясь к анапской экспедиции, отметим, что это предприятие, с сугубо военной точки зрения, также требовало основательной, комплекс-

ной подготовки и глубоко продуманного плана действий. Необходимость такого подхода становилась особенно актуальной в свете уже накопленного русскими исторического опыта войны на Северном Кавказе — опыта, включавшего и печальные уроки.

Следовало, в частности, рационально и экономно распределить войска, поставить перед ними четкие оперативные задачи, обеспечить их максимальную мобильность и осмысленное взаимодействие, наладить систему подстраховки и обеспечить высокую степень готовности к самым неожиданным ситуациям, позаботиться о надежных коммуникационных линиях и т. д.

Не забудем, что Текелли продолжал уделять много времени интендантскому «благоустройству» войск, на которое князь Потемкин отпустил солидную сумму в 669 тысяч 468 рублей, 30 копеек.

Подлинным бичом для русских войск на Кавказе оставался острый некомплект личного состава во всех подразделениях — ротах, полках, батальонах. Срочное исправление этого недостатка ложилось на плечи Текелли дополнительным бременем.

Частью общей организационной работы было строительство шести редутов от устья Урупа до устья Псекупса. Кроме того, в 17-ти верстах к востоку от местечка Копыл, на Кубани, было сооружено еще одно укрепление-вагенбург, где предполагалось сосредоточить главные интендантские запасы и резервные воинские части. Тут же находилась самая удобная переправа через реку, которой и планировалось воспользоваться. За Кубанью начиналась дорога к Анапе, по которой собирались идти русские войска.

В свете этих мероприятий уже больше не возникает вопроса о том, чем занимался Текелли в течение почти пяти месяцев с момента получения от Г. А. Потемкина предписания относительно кампании 1788 года на Северном Кавказе.

Однако все предугадать было невозможно. В начале августа (за полтора месяца до предполагаемого начала операции) Текелли получил сообщение о концентрации значительных сил закубанцев для вторжения на русскую территорию. Это заставило внести срочные поправки в первоначальный план действий. Генерал-поручику Талызину было приказано совершить марш-бросок к вышеуказанному месту переправы, форсировать Кубань и нанести упреждающий удар по «скопищу горцев». В тех краях и в тогдашних условиях подобные неожиданные коррективы всегда были чреваты неприятностями. И они чуть было не случились. Но позже.

11 августа отряд Талызина подошел к переправе. Посланные им за Кубань лазутчики подтвердили наличие там «значительных скопищ» черкесов. Генерал выделил 3 батальона егерей и 300 казаков под командованием бригадира Берхмана (встречается и как Бергман) для удара по неприятелю.

Углубившись в левобережную территорию, Берхман обнаружил перед собой около 4 тысяч абадзехов, абазин и хатукайцев (в некоторых источниках «хатукайцы» или «хатукаевцы» путаются с другим племенем — «натухайцами»). Завязался жестокий бой, продолжавшийся 8 часов, с раннего утра до полудня, «без видимых шансов в ту или другую сторону».

Горцы дрались отчаянно и умело, отступая, когда не оставалось ничего другого, на заранее подготовленные укрепленные позиции. Их ряды дрогнули только после взрывов примененных русскими гранат, которые, видимо, оказали на горцев, впервые столкнувшихся с этим оружием, психологически-деморализующее воздействие.

Началось бегство, приведшее к еще большим жертвам с их стороны. Черкесские потери составили около 800 человек (шестеро попали в плен). Русские — 2 человека убитыми и 21 ранеными.

Чтобы лишить неприятеля опорных точек и исключить фланговые удары при наступлении на Анапу, Берхман уничтожил несколько близлежащих аулов (около 2000 домов). После этого он вернулся к месту переправы, у урочища Зана.

Однако вскоре были получены сообщения, что разбитые горцы соединились с закубанскими ногайцами и правобережными черкесами, готовясь к возобновлению враждебных действий.

23 августа Берхман опять перешел Кубань и по анапской дороге двинулся на поиск противника. Последний не заставил себя ждать. На этот раз его численность достигла 7 тысяч воинов, имевших две турецкие пушки. Бой с абадзехами длился полтора часа и закончился, несмотря на то что горцы дрались, как всегда, мужественно, их полным поражением. На поле битвы осталась тысяча убитых черкесов, 50 человек попали в плен.

К 14 сентября 1788 года основные силы Текелли стянулись к переправе. Несмотря на убедительные победы над горцами, командующий был далек от благодушного настроения. Он продумывал все до мелочей, понимая, что в условиях, в которых ему предстоит воевать, мелочей не бывает.

Храбрый, много повидавший на своем веку генерал не обманывался той видимой легкостью, с какой до сих пор удавалось рассеивать черкесские «скопища». Прежде чем сделать следующий шаг, он старался учесть все возможные сюрпризы. Коммуникационная система была выстроена так, чтобы свести к минимуму шансы горцев на успешные тыловые удары. Текелли навел через Кубань понтонную переправу и тут же соорудил около этого стратегического пункта укрепление, где разместился егерский батальон с четырьмя орудиями.

18 сентября весь Кавказский корпус уже был на левом берегу, несмотря на попытки горцев помешать этому. Затем войска три дня двигались к Анапе, не встречая особого сопротивления. Именно это и беспокоило

Текелли. Позади и впереди была гористо-лесистая местность, наполненная каким-то тревожным движением. Ничего приятного оно не обещало. Мелькавшие в зеленой чаще сигнальные огни говорили о том, что горцы рядом и что-то затевают. Вопросы «что? где? когда?» были далеко не праздными. Такая ситуация давала неприятелю полное преимущество выбирать время и место сражения, а Текелли ставила в положение пассивного объекта, который находится во власти чужих планов.

Чтобы не подвергать себя лишней опасности и окончательно не превратиться в мишень, командующий выслал на разведку отряд (два батальона пехоты, два эскадрона драгун и 300 казаков) подполковника Б. А. Мансурова. Таким путем были вскрыты и расстроены планы противника. Правда, для разведчиков это едва не закончилось катастрофой.

26 сентября Мансуров натолкнулся на неприятельские войска, оценить численность которых у него не было времени.¹⁶² Завязалась, как сообщает источник, «сильная драка с обеих сторон». Длилась она 7 часов, пока не выяснилось, что русским противостоят объединенные черкесско-османские силы численностью около 10 тысяч человек при 8 орудиях.

Отряд Мансурова, не выдержав натиска, начал отступать по узкому ущелью, а это, как показал предшествующий опыт горной войны, было чревато самыми большими опасностями. Неизвестно, чем бы закончилось отступление, если бы неподалеку от Мансурова совершенно случайно не оказался другой русский отряд, искавший место для бивачной стоянки.

Командир отряда генерал Ратиев, заслышав выстрелы, двинулся на помощь и внес решительный перелом в ход дела. Стремительная атака свежих сил вызвала смятение в стане горцев. Потеряв около полутора тысяч убитыми и ранеными, они бежали в окрестные ущелья. (Русские потеряли убитыми и ранеными, по разным данным, от 235 до 255 человек.)

Картину происшедшего удалось существенно уточнить благодаря показаниям пленных. Выяснилось, что в сражении принимали участие 2,5 тысячи турок (и около 8 тысячи закубанцев) под командованием генерала Аджи-Мустафа-Паши, который был специально прислан Портой в Черкессию для организации совместных с горцами военных операций против России. В этом деле турки потеряли 700 человек убитыми, «в том числе немало из знатнейших чиновников».

В описанном эпизоде, как уже случалось и еще случится много раз, мы встречаемся с примером того, как война и политика разводит судьбы

¹⁶² Для справки заметим, что, помимо официальной версии этого события, существует другая, весьма сомнительная. Согласно ей, Мансурова заманил в ловушку черкесский князь Аджи-Гирей, явившийся в русский лагерь с притворным изъявлением покорности и желанием присягнуть на верность России.

близких по крови людей по разные стороны баррикад. В бою, имевшем место 26 сентября, терскими и гребенскими казаками предводительствовал Селим-Гирей, родной племянник последнего крымского хана Шагин-Гирея, а турецкой конницей командовал отец Селима, Батыр-Гирей, который потерпел поражение от своего сына.¹⁶³

Однако ни в одном документе о сентябрьских и октябрьских битвах нет имени Мансура, что заставляет задаться вопросом, почему он не участвовал в них. Малодушие исключалось заведомо: имам никогда не вызывал подозрений в принадлежности к робкому десятку. Бережливо-прагматическое отношение к нему турок? Тоже маловероятно, учитывая, что шансы потерять Мансура в бою были ниже, чем риск дискредитировать в глазах черкесов человека, претендовавшего на роль их военного вождя.¹⁶⁴ Тогда что? Еще одна загадка...

Итак, невольная разведка боем, предпринятая Текелли, удалась. Турки и их союзники горцы обнаружили свои реальные силы раньше того момента, когда это могло бы иметь для русских пагубные последствия.¹⁶⁵

Не все закубанцы встречали русских враждебно. Некоторые предпочитали простой и проверенный способ избежать разорения — вступить в подданство к России. Так, к примеру, поступил бжедухский владелец Уздемир Шаманахин, тотчас (26 сентября) получив согласие Текелли.

После убедительной победы над объединенными османско-черкесскими войсками перед Текелли, казалось бы, открылась беспрепятственная дорога на Анапу. Командующий (как и его подчиненные, генералы Талызин, Ратиев, Берхман, полковник И. И. Герман и другие), однако, не спешил радоваться. Первый этап кампании показал, что горцы, сколько бы поражений они ни терпели, оставались крайне сложным противником, с которым ни в коем случае нельзя расслабляться. Особенно тогда, когда очень хотелось верить, что он побежден.

Текелли продолжал действовать с большой осмотрительностью без малейших признаков шапкозакидательского настроения. Достаточно было простого арифметического расчета, чтобы представить себе размеры имев-

¹⁶³ В. А. Потто, возможно повторяя какую-то легенду, утверждает, что они несколько раз сходились в рукопашных схватках.

¹⁶⁴ Есть версия о том, что Мансур находился в Анапе, чтобы приготовить ее к обороне. Это предположение можно принять лишь исходя из другого допущения: имам хорошо разбирался в военно-фортификационном деле, и поэтому турки посчитали, что будет больше пользы, если он останется в крепости.

¹⁶⁵ Есть основания полагать, что турки и черкесы планировали заставить Текелли растянуть войска на марше и заманить в одно из таких мест, где русские полки, в условиях горно-лесного ландшафта, будут отсечены друг от друга и потерпят поражение. Рекогносцировка Мансурова сорвала этот замысел. Аджи-Мустафа-Паша, полагая, что перед ним незначительные силы противника, начал «генеральное сражение» и фактически сам попал в ловушку.

шихся у горцев и турок ресурсов. Опыт войны на Северном Кавказе учил, что «разбитый» противник умеет быстро восполнять свои силы, перегруппировываться и вновь вставать на пути русских войск, большей частью там, где его не ждут.

По дороге в Анапу было много мест, обеспечивавших полное преимущество нападающим и создававших огромные проблемы для обороняющихся. Черкесы знали эти места как свои пять пальцев. Русским же нужно было думать о том, как их либо обойти, либо пройти так, чтобы не попасть в ловушку.

Именно этим был занят Текелли и его командиры. Он не хотел, да и не мог форсировать движение на Анапу. Постоянно приходилось высылать вперед военные части для разведки и исправления дорог. В любую минуту им могла понадобиться помощь основных сил, как это случилось с авангардом Мансурова. Кроме того, большого внимания требовала охрана коммуникаций и подвижного магазина, следовавшего в арьергарде многотысячных колонн Кавказского и Кубанского корпусов.

* * *

14 октября 1788 года русские войска подошли к Анапе. Ее гарнизон к этому времени насчитывал 12 тысяч человек. С кем еще придется иметь дело, учитывая, что неподалеку от крепости располагались черкесские (натухайские и шапсугские) аулы, пока было неясно. Текелли послал на разведку отряд полковника (позже генерала) Германа (2 батальона пехоты, 2 полка егерей и 300 драгун).

Подпустив русских к самым стенам Анапы, турки внезапно открыли по ним сильный ружейный и артиллерийский огонь. С окрестных лесистых холмов и ущелий стали спускаться горцы (натухайцы и шапсуги), тоже имевшие пушки. Из ворот крепости выскочил отряд янычар и стремительно обрушился на русских.

Все происходило быстро и согласованно: видно было, что турки хорошо подготовились. Они явно хотели отсечь неприятелю пути отступления и методично уничтожить его, пользуясь численным превосходством.

Черкесско-турецкие силы уже были близки к тому, чтобы окружить войска Германа, но в этот критический момент полковнику удалось перегруппироваться таким образом, что противник уже не мог рассчитывать на мгновенное решение своей задачи. Более того, на живой, но малоэффективный огонь турецких пушкарей Герман ответил разящими залпами, сорвавшими план окружения. А вскоре подоспевшие к русскому авангарду подкрепления заставили турок вернуться в крепость. С наступлением сумерек бой прекратился.

Расположив свои войска на удобных для наступления позициях, Текелли стал думать о том, что делать дальше. Анализ имевшейся разведывательной информации дал неутешительные результаты. Анапа была отлично укреплена со всех сторон и оснащена значительным артиллерийским парком. Ее 12-тысячный гарнизон имел достаточное количество продовольствия. В случае осады он мог рассчитывать на горские диверсии против русских и на доставляемую морем османскую помощь.

Все это привело Текелли к выводу, что перед ним вполне боеспособный неприятель, недооценивать которого опасно. Командующий глубоко сомневался в возможности овладеть крепостью ценой приемлемых потерь. За штурм, судя по всему, пришлось бы платить цену неприемлемую. А для правильной осады не хватало тяжелых орудия и достаточных запасов провианта. Имелась, правда, слабая надежда на то, что турки выйдут из крепости на подмогу своим союзникам черкесам, если последние будут атакованы русскими. Текелли послал против ближайших горских аулов небольшие воинские отряды, но османы даже не пошевелились.

В условиях приближающейся зимы командующий посчитал неразумным бесцельно стоять под Анапой, тратя свое время на мелкие стычки с черкесами и давая противнику время придумать какую-нибудь крупную неприятность для русских. Как ни хотелось Текелли овладеть крепостью, он нашел в себе достаточно сил и благоразумия, чтобы удержаться от соблазна и увести войска на зимние квартиры.¹⁶⁶

Генерал не оставил без внимания единодушное мнение своих подчиненных, в бесстрашии, равно как и в жажде славы, которых не было никаких сомнений. Все они предлагали не рисковать, считая, что «Анапу вскорости нельзя взять, иначе как штурмом», а он не обойдется без ощутимых потерь. Нести их только ради того, чтобы тут же покинуть крепость, Текелли считал неразумным, а остаться в ней было невозможно без обеспечения хорошо охраняемой коммуникационной связи с «владениями российскими» — предприятия, совершенно нереального по тем временам.¹⁶⁷

Для чего проливать солдатскую кровь? Это был ключевой вопрос, поставленный отцом-командиром Текелли на страницах его подневных записок: «для одной славы без всякого другого вида и пользы людей»? Сам же генерал и ответил, заявив, что потерять многие человеческие жизни во имя пустого начальнического тщеславия ему «показалось непростительно».¹⁶⁸ Этим он отличался от генерала Ю. Б. Бибикова (см. ниже), принесшего в жертву сво-

¹⁶⁶ За отказ от штурма Анапы Текелли подвергся критике одного весьма язвительного мемуариста, которого, впрочем, трудно отнести к большим знатокам военной стратегии.

¹⁶⁷ Кстати говоря, а не потому ли, в том числе, русским дважды в истории пришлось возвращать завоеванную ими Анапу Турции?

¹⁶⁸ В. А. Потто считал мотивы Текелли «совершенно оправданными».

ему азартному тщеславию во время анапской экспедиции 1790 года более двух тысяч человеческих жизней и судеб.

При отступлении Текелли был столь же осмотрителен, как и при наступлении. Воинские подразделения двигались в таком же порядке и на таком же расстоянии друг от друга. Командующий не позволял ни малейшей беспечности. Он предпочитал идти более длинным, но менее рискованным путем.

Так вел себя не кто-нибудь, а смельчак и рубака, удостоившийся комплиментов от самого Суворова. И это можно было бы назвать парадоксом, если бы ему не нашлось объяснения. Оно заключается в одном вполне логичном предположении. Текелли сумел почувствовать коварную непохожесть горной войны на все то, с чем ему доводилось сталкиваться в других войнах. Он догадался, что в «местности, мешавшей тяжелым уставным построениям», востребованы не только и не столько отвага и решительность, сколько способность изобретательно отвечать на ратную смекалку горцев и их «неправильные» приемы ведения боя.

Такого же опыта набирались и подчиненные Текелли генералы, научившиеся сохранять полную готовность к встрече с врагом в любой ситуации. «Бои на Кубани среди гор, лесов и камышей, — писал В. А. Потто, — были прекрасною школою, приучавшею начальников проявлять частную инициативу, а солдат считать себя не бездушною машиною, а осмысленными бойцами».

Экспедиция, хотя и не достигла своей цели, безрезультатной не была.¹⁶⁹ Текелли опробовал дорогу на Анапу, впервые изучил ее в подробностях и оставил этот важный эмпирический материал в наследство своим преемникам, что в будущем, хотя и не сразу, послужит серьезным подспорьем в операциях русской армии на кавказском театре русско-турецких войн.¹⁷⁰

Стоит послушать признанного знатока военной истории Кавказа В. А. Потто, писавшего: «Анапский поход заслуживает полного внимания, как первый опыт продолжительного серьезного наступления в неприятельскую землю, причем исследованы были все пути и дороги, ведущие к важной приморской турецкой крепости, изучена страна, доселе мало известная, со-

¹⁶⁹ По мнению В. А. Потто, цель экспедиции «была вполне достигнута», так как «турки, занятые обороною Анапы, ничего не предпринимали против Крыма», что на тот момент для русских являлось самым главным.

¹⁷⁰ Некоторые историки относят к конструктивным результатам экспедиции тот факт, что закубанцы «почувствовали страх перед русским оружием» и стали переселяться на территорию России, изъявляя таким образом покорность. Вследствие этого Турция перестала рассчитывать на их помощь. Данное суждение представляется большим преувеличением в свете будущих событий, в которых русским войскам доведется убедиться в том, что эффект устрашения, применительно к горцам, действует, если действует, недолго, и делать ставку только на него неразумно.

браны сведения о местном населении, о его силе, об отношении племен друг к другу».

Между тем Екатерина II и Г. А. Потемкин были недовольны результатами кубанской кампании 1788 года, усмотрев в действиях Текелли недостаток служебного рвения. На его место назначили генерала графа И. П. Салтыкова, который, не успев приступить к исполнению своих обязанностей, был отозван на войну против Швеции.

Пожалуй, единственное, чем этот мимолетный эпизод заслуживает внимания историка, — инструкция, данная Салтыкову Екатериной II. Она уполномочивала генерала не только на боевые операции, но и на переговоры и «трактование» с «народами тамошними», что подтверждает наличие политической составляющей в стратегических планах Петербурга на Северном Кавказе.

Этот аспект императрица находила слишком деликатным, чтобы целиком отдавать его на откуп военному человеку. Отсюда ее рескрипт, предписывавший князю Потемкину держать политические вопросы под своим личным контролем.¹⁷¹

¹⁷¹ Возможно, именно постольку, поскольку Салтыков почувствовал, что его свобода действий будет ограничена, он не спешил к месту назначения, вынудив Екатерину II выразить свое недовольство его медлительностью.

Глава 13

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА И СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Стратегическая ситуация на Северном Кавказе почти целиком определялась состоянием дел на Балканах, где турки оказались перед необходимостью максимальной мобилизации сил и ресурсов. Но именно для того, чтобы ослабить русское давление на этом военном театре, ставилась задача создать для Российской империи как можно больше «фланговых» проблем на ее периферии, в частности на Кубани.

Османские планы, впрочем, не сводились лишь к диверсионной составляющей и включали в себя пересмотр русско-турецкой границы на Кавказе, зафиксированной Кючук-Кайнарджийским договором (1774 год) и Константинопольской конвенцией (1783 год).

Ключевыми опорными пунктами турок являлись Анапа и Суджук-кале, а также остров Тамань. Эти форпосты позволяли контролировать пространство южнее Кубани, с одной стороны, и развернуть наступательные операции к северу от реки — с другой.

Турки также собирались восстановить свой заброшенный редут Аджи-кале близ устья Зеленчука, на самой границе между Черкесией и Кабардой. Оттуда они предполагали ударить по российским территориям, расположенным между Кубанью и Кумой. Большие надежды возлагались на массовый подъем черкесско-ногайского населения, руками которого Порты действовала против России не впервые.

Османская политика в отношении закубанских народов носила исторически неравномерный характер в плане ее интенсивности. В мирное время Порты предпочитала воздерживаться от активного вмешательства в их внутренние дела, по причине постоянного наличия вероятности натолкнуться

на вооруженный отпор. Она довольствовалась скорее символами политического присутствия и влияния (военно-торговые форпосты, родственные связи с местной знатью, закреплявшиеся ее частыми визитами в Стамбул, проповедь ислама) вместо демонстрации реального владения территорией, формально входившей в состав Османской империи.

В период обострений турецко-русских отношений Порты старалась привести свои потенциальные ресурсы влияния на Северо-Западном Кавказе в боевое, обращенное против России состояние. Тогда и начиналось осуществление разноплановых мер, которые более очевидно подпадали под определение «политика», независимо от степени их результативности.

Так было и на этот раз. В начале 1788 года, когда русско-турецкая война уже шла полным ходом, Порты решила произвести на Кубани смотр своих местных резервов, пригодных к использованию против России, и заодно напомнить закубанцам об их «османско-имперском подданстве». Сделано это было, в принципе, обычным для того времени и для той обстановки образом.

Из Анапы выступил турецкий отряд в составе 160-ти человек под командованием Саламат-Гирея — сына бывшего крымского хана Девлет-Гирея — «для приведения кубанских народов к присяге в верности Турции». В ходе этой церемониальной кампании он «делал подарки всем владельцам и простому народу деньгами и разными вещами». Вполне в духе времени выглядел и тот факт, что Саламат-Гирей, одной рукой раздавая «пряники», в другой держал «кнут»: он знал закубанские нравы и на всякий случай прихватил с собой четыре пушки.

Черкесам и ногайцам сообщили, что в Анапу и Суджук-кале вскоре придут значительные контингенты турецких войск, которые отвоеуют у России Крым, и все вернется к прежним временам.

Как уже отмечалось, исторически турки испытывали огромные трудности с проблемой установления реального контроля над северо-восточной периферией своей империи. Закубанские племена пребывали в состоянии междоусобиц и анархии, преодолеть которые не удавалось ни изнутри, ни извне.

На протяжении веков Порты металась между желанием устранить это безгосударственное устройство, лишавшее ее элементарных рычагов элементарной организации закубанского пространства, и пониманием определенных преимуществ такого беспорядка, главное из которых — отсутствие перспективы создания объединенного пророссийского и антиосманского фронта.

Но все же явное предпочтение, как показывают многочисленные исторические факты, отдавалось политике «разделяй и властвуй», как наименее хлопотной и затратной по сравнению с курсом на строительство полноценной имперской провинции.

В период русско-турецкой войны 1787–1791 годов этому предпочтению пришлось изменить. Порта была заинтересована в единстве горцев в надежде, что его удастся обратить против России. Практический смысл такого подхода предстояло выяснить опытным путем.

На это, по сути, и была нацелена миссия Саламат-Гирея, пытавшегося подкупить закубанцев и одновременно сплотить их. Деньги и подарки принимались с удовольствием, а вот с примирением некоторых племен, в частности темиргойцев с абадзехами, находившихся в «великой ссоре», дело обстояло из рук вон плохо.

Об этом русскому командованию докладывал (начало февраля 1788 года) премьер-майор Атажука Хамурзин, кабардинский князь на русской службе, который, между прочим, считал, что в данный момент примирение между закубанцами России невыгодно, и старался ему помешать.

Война, таким образом, резко обострила и у Стамбула, и у Петербурга политико-прагматический взгляд на вещи. Произошла любопытная и в то же время логичная метаморфоза. Если раньше стратегия «примирий и управляй» была русским приоритетом, то теперь стала турецким, в то время как Петербург временно от нее отказался, усмотрев больше пользы в принципе «разделяй и властвуй».

Источники не дают возможности составить четкое и однозначное представление об эффективности османской политики, потому, видимо, что она и в самом деле приносила в разных случаях разные результаты.

Тот же Атажука Хамурзин, докладывая о возможных последствиях турецких подкупов, высказывал предположение, что деньги вряд ли приведут к «важным и большим (горским военным. — В. Д.) сборам», хотя к мелким набегам русским нужно всегда быть готовыми. Поскольку такие набег не представляли собой ничего нового,¹⁷² всерьез говорить об успехах османской политики вовлечения закубанцев в свои планы не стоит.

Гораздо больше смысла обратить внимание на ту часть донесения Хамурзина, где он пишет о Шейх-Мансуре. Не потому, что этим сведениям можно доверять безоговорочно, а потому, что историки вынуждены дорожить каждым, даже самым мелким свидетельством о его деятельности (или его невольной бездеятельности) в этот период.

Вот дословное содержание сообщения Хамурзина: «Чеченский Ушурма, или называемой ших Мансур был у абадзехов, которые его не приняли, а отоль поехал к наврузовским (ногайским. — В. Д.) мурзам, с которыми он

¹⁷² Общую картину набегов Текелли описывал следующим образом: «имея пролазы ниже кордонов наших, они (горцы. — В. Д.) ищут по пространству степи случая, где бы двух или трех схватить нечаянно, скитаясь иногда несколько дней для того, но не отдаляясь однако ж от Кубани, имея большею частью убежище по балкам крутобережистым, и как скоро увидят наши партии — стремительно бегут на свою сторону».

приехал в Мохоши (черкесский аул. — *В. Д.*), где и теперь находится при турках. Он получил в подарок от турков шубу и другие вещи, однако ж при всем том у тамошних народов и у турков не во уважении».

Выдавал ли Хамурзин желаемое за действительное в стремлении угодить русским или ему действительно все виделось именно так? Более того, возможно, он в своих оценках вовсе и не ошибался?

В поисках ответа учтем одно принципиальное обстоятельство. Доклад Хамурзина предназначался для князя Г. А. Потемкина — правой руки Екатерины II и главного распорядителя в делах, касавшихся южного направления в политике Российской империи. Документ был отчетом о выполнении важной политической и разведывательной миссии. Хамурзин ездил за Кубань, где он имел обширные родственные и личные связи, с двойной целью — выяснить обстановку с максимальной достоверностью и, по возможности, нейтрализовать антирусские настроения, а еще лучше, пробудить про-русские.

Стало быть, автор осознавал меру возложенной на него ответственности, в том числе за точность и надежность ожидаемой от него информации, тем более, что проверить ее можно было через другие источники. С какой стати Хамурзину заведомо лукавить в такой ситуации? Другое дело — совершенно банальная вероятность присутствия в докладе элементов субъективного восприятия весьма запутанной картины, представшей перед взором премьер-майора.

Однако и тут нужно иметь в виду, что последующие события не дают оснований говорить о сколь-либо существенном расхождении между субъективным и реальным, имевшим (если имевшим) место в докладе Хамурзина.

В свете сказанного находит дополнительное объяснение внешне странный, но очевидный факт: еще недавно громкое имя Шейх-Мансура потеряло свое прежнее звучание. Хамурзин едва ли заблуждался, констатируя утрату имамом авторитета, влияния, социальной базы. И превращение его из вожака чеченцев в человека, «при турках находящегося».

Этот унижительный для Мансура статус нельзя было облагородить никакими турецкими шубами. Чувствуя, что в таком качестве он не представляет особой ценности ни для Порты, ни для черкесов, имам пытался вернуть себе самостоятельную роль вообще и в закубанских делах в частности. Его неудачные военные выступления в Черкесии, а возможно, еще какие-то факторы закрыли для имама перспективу мобилизовать местные ресурсы для решения своей задачи. Искать их нужно было в другом месте — чтобы предъявить туркам доказательства своей состоятельности и нужности.

Пришлось вспомнить о Чечне. В начале 1788 года Мансур отправил в свой аул Алды письмо, в котором призывал соплеменников «веру свою крепко содержать», «с русскими не мириться» и через месяц ожидать его прихода с двадцатитысячным войском для разгрома русских.

Согласно донесению одного армянского купца, побывавшего в Алды, на призыв имама «все единодушно утвердились и дали присяги».¹⁷³

Такое же послание было отправлено и к кабардинцам, которые якобы ответили, что «на потребный случай будут в готовности».

Трудно даже предположить, на что рассчитывал Мансур, давая обещания, сдержать которые он не имел ни малейших шансов. Вероятно, он не нашел ничего лучшего, как прибегнуть к своему старому способу воздействия на мифологическое сознание и воображение чеченцев. Могло ведь, в принципе, случиться и так, что они поднялись бы против России раньше, чем «появится» имам. Такой оборот дел сам по себе сыграл бы на руку Мансуну и возвысил бы его авторитет в глазах Порты.

Впрочем, все это лишь догадки. В реальности же оказалось, что никаких последствий письма имама не имели. Он все дальше уходил в тень событий, ход которых определяли другие люди.

* * *

Самой негативной стороной анапской экспедиции Текелли (при всем том, что было сказано об этом предприятии выше) оказалась появившаяся у турок возможность представить ее «городу и миру» как свою крупную победу. Абдул-Хамид I разослал по Северному Кавказу фирманы, призывавшие горцев закрепить эту победу всеобщим подъемом для окончательного изгнания русских.

В конце 1788 года султан назначил командующим турецкими войсками в Суджук-кале и Анапе трехбунчужного генерала Батал-пашу, одновременно возложив на него полномочия кубанского сераскера или губернатора. В марте 1789 года он прибыл к месту исполнения службы вместе с 10-тысячным войском, половина из которого предназначалась для пополнения гарнизона Суджук-кале, другая половина для Анапы.

Уже само по себе появление здесь османского военачальника и сановника столь высокого ранга было для горцев ободряющим сигналом, указывавшим на серьезность османских намерений. Масла в огонь добавили призывы Батал-паши к священной войне против русских гяуров и его объявление о планируемом походе к границам Кабарды.

¹⁷³ Преувеличивать значение этих присяг нет причин. «Жертвами» их становились не только русские, но и, неоднократно, сам Мансур. Между имамом и горцами сложился некий «обычай» — легко давать друг другу обещания (зачастую несбыточные), столь же легко отказываясь от их выполнения.

Черкесы, однако, были непредсказуемы не только в качестве противников России, но в качестве союзников Турции.¹⁷⁴ Их политические настроения колебались в зависимости от самых разных причин. Страхуясь от этих колебаний и не вполне полагаясь на черкесскую лояльность, Батал-паша взял у местной знати аманатов в залог соблюдения ею союзнических обязательств.

Не было единства восприятия России и у проживавших по обе стороны Кубани татарских ногайцев, в том числе по причине их исторически непростых отношений с черкесами, в поисках защиты от которых они зачастую прибегали к покровительству русских. Однако на этот раз, по получении сведений о прибытии Батал-паши с войсками, пять ногайских племенных вождей — султанов (принадлежавших к крымской династии Гиреев) решили объединить своих погрязших в междоусобицах подвластных между собой и с черкесами для выступления против России.

Перманентно нестабильной была обстановка в Кабарде. Разделительные линии в междоусобицах отнюдь не всегда совпадали с линией политического размежевания между сторонниками России и ее противниками, которые не обязательно, но чаще всего, были союзниками Порты. В период русско-турецкой войны почва для соблазна поддаться проосманским настроениям, естественно, расширялась.

Турки, разумеется, это чувствовали и старались упрочить свою политическую опору в Кабарде. Препятствием служило довольно сильное русское влияние, которое было традиционно для определенных кругов кабардинского общества. Устранить его Стамбул пытался в том числе руками Мансура.

В бумагах князя Потемкина есть один любопытный документ на этот счет, датированный январем 1788 года, — обращение Мансура к владельцам и узденям Кабарды. Имам корил их за то, что они «помирились с незаконными (русскими. — *В. Д.*)», именуя это богопротивным делом и призывая «употребить в действие оружие».

Имела ли эта прокламация какой-то эффект? Едва ли. Иначе он дал бы о себе знать в ближайшем будущем, чего не случилось.

Социально-политическая жизнь Кабарды текла по собственному историческому руслу, логичному даже в своей извилистости и в своей обреченности либо на распад, либо на глубокую трансформацию. В логике эволюции этой во многом самостоятельной патриархально-культурной системы если и было место для внешнего влияния, то занять это место Мансур с его аморфными идеями и военными поражениями не мог никак. (Полвека спустя это

¹⁷⁴ В 1789 году до русского командования доходили сведения о том, что «многие горские жители начали докучать туркам, а абазинцы уже и драку с ними имели».

оказалось не под силу даже Шамилю, куда более последовательному и радикальному реформатору с несравнимо большими военно-политическими, идеологическими и моральными ресурсами, чем у Мансура.)

Привходящие факторы, способные кардинально изменить ситуацию в Кабарде и вообще на Северном Кавказе, должны были обладать огромной цивилизационной мощью и бесспорными преимуществами перед другими преобразовательными проектами.

Несмотря на всплески междоусобной анархии и неразберихи, некоторые тенденции в кабардинской социально-политической жизни принимали весьма отчетливый и устойчивый характер. Полного хаоса не бывает ни в одном обществе. В том, что видится со стороны как хаос и во многом таковым является, есть своя логика и свой порядок беспорядка.

Ситуация в Кабарде не исключение. В ней, во всяком случае, вполне различим рисунок социально-конфликтных линий, особенно там, где история чертила их грубо и кроваво. Предельно упрощая картину, можно разглядеть в кабардинском обществе два типа противоречий — «вертикальный» и «горизонтальный». Первый характерен для отношений между верхами (князья и уздени) и низами (зависимые сословия) или, по-марксистски, между потребителями и производителями благ. Второй — для отношений внутри господствующего, княжеского класса.

На это накладывался еще один конфликт — между князьями и их узденями («дворянами») по поводу взаимных «обид» или, иначе говоря, по вопросу о взаимных правах и обязанностях, вопросу, отягощенному многочисленными тонкостями ритуально-этикетного характера, нарушение которых какой-либо из сторон становилось причиной крупных ссор с тяжелыми последствиями.

В контекст этих противоречий вплеталась борьба идей, нацеленных на их преодоление. Видные представители кабардинской аристократии, как можно предположить по косвенным признакам, начинали задумываться над, так сказать, проектом вывода Кабарды из непреходящего, системно-разрушительного хаоса, угрожающего самому существованию социума. Однако в этих «общенациональных» планах, помимо высокой идеи, всегда присутствовали личные расчеты местной знати.

Внутренних средств для решения столь фундаментальной задачи не было и не предвиделось. В стратегии привлечения внешних ресурсов требовался абсолютный прагматизм, если не сказать политический цинизм спасительного толка. Широкого выбора тут не было. Он, самым порядком вещей, ограничивался двумя империями — Российской и Османской, на стыке которых Кабарда находилась в течение несколько десятилетий. (Всерьез говорить о какой-то третьей силе в лице того же Мансура или, позже, Шамиля нет смысла.)

После присоединения Кабарды к России в 1774 году в результате военного поражения Турции эта дилемма для значительной части местной элиты, несмотря на их новый статус «верноподданных Екатерины II», не исчезла. Активной пропагандистской политикой и подкупом Порте и Крымскому ханству (до 1783 года) удавалось поддерживать иллюзию об их скором возвращении на Северный Кавказ.

Многие кабардинские князья хотели в это верить и верили. Ориентацию на единоверческую державу они сохраняли главным образом по причинам социально-престижного и имущественного характера, надеясь на восстановление своих исторических привилегий в тех сферах, где знать почувствовала себя ущемленной Россией. Это была совершенно рациональная позиция, если и имевшая идейную подоплеку в виде конфессиональной солидарности с Портой, то весьма малозаметную.

Доминирование социальных амбиций и личных интересов вовсе не исключало наличия в планах антироссийски настроенной знати, так сказать, «проектообразующих» или «проектоподобных» элементов. Они выражались в намерении строить «Великую Кабарду», предположительно единую и свободную от междоусобных распрей на новом месте — в Закубанье, переселившись туда вместе со всеми своими подвластными кормильцами и взяв там под свою «отеческую» опеку еще и некоторые черкесские племена.

Поскольку «строительная площадка» находилась на территории, формально-юридически принадлежавшей Османской империи, возникает, пожалуй, главный вопрос к «проектировщикам» — как именно они представляли себе «политическое самоопределение» в подобной ситуации? Или им была неизвестна политая кровью история османско-кабардинских отношений?

Было бы чрезвычайно любопытно услышать ответы на эти вопросы из первых уст. При условии, конечно, что эти ответы существуют, в чем, однако, исторические документы заставляют усомниться.

Кроме того, архитекторам «Великой (а значит княжеской) Кабарды» пришлось бы столкнуться с тупиковой социальной ситуацией. Подавляющее большинство населения Закубанья составляли так называемые «демократические племена» (аналог «вольных обществ» Дагестана и Чечни) — абадзехи, натухайцы, шапсуги, располагавшие мощным военным потенциалом и не желавшие, в силу своей патриархально-родовой организации, никому подчиняться. Включение их в состав «Великой Кабарды» представлялось полной утопией. А соседство с этими неукротимыми общинами грозило бы перманентной, изматывающей и бесцельной для обеих сторон войной.¹⁷⁵

¹⁷⁵ Не случайно Шейх-Мансур, имевший печальный опыт реформирования «демократических» порядков чеченцев, даже не попытался ставить аналогичные эксперименты среди «демократических» черкесов.

Руководствуясь столь же прагматичным расчетом, другая часть кабардинского элитного сословия сделала свою ставку на Россию, связывая именно с ней и свои личные перспективы, и политическое будущее Кабарды. Это был своеобразный контрпроект, олицетворяемый кабардинским старшим князем Мисостом Баматовым, его окружением и единомышленниками.

Судить о качестве заложенного в нем программного начала еще труднее, чем в случае с оппонентами князя. Хотел ли он с помощью России собирать свою версию «Великой Кабарды», неизвестно. Но точно известно, что для начала Баматов намеревался переселиться с возможно большим количеством своих «подданных» в российские пределы.

Помимо разрешения на это (апрель 1788 года) — «препоручаю народ мой в ваше покровительство» — он просил у П. А. Текелли военной помощи для принуждения «не послушных», которых «много есть». Подчеркивая, что это будет помощь сторонникам России против ее недоброжелателей, Баматов выражал надежду, что «верность и лукавство кабардинского народа от прозорливости вашей (Текелли. — *В. Д.*) не скроются». Иными словами, призывал командующего полагаться только на него, старшего князя, в решении вопроса — кому именно оказывать поддержку в Кабарде и против кого.

Мисост Баматов, конечно, хотел русскими руками укрепить свою шаткую власть над холопами, узденями (некая местная разновидность дворянства) и князьями-собратьями. Но исчерпывался ли этим его «проект» и как он мыслил себе дальнейшее развитие Кабарды, мы не знаем.

Текелли, как и его предшественники, по необходимости соединявший в себе военного и политика, был не так прост, чтобы сломя голову бросаться в гущу беспросветно запутанных кабардинских усобиц. Командующий, не раздумывая, дал приют и защиту близким родственникам Мисоста Баматова, на жизнь которых покушались его политические противники. Однако Текелли вовсе не собирался безоговорочно принимать сторону одной части знати против другой, твердо полагая, что «великое несогласие» внутри местной элиты обязывало его не к усугублению этого разлада, а к применению очень деликатных и тщательно продуманных средств достижения компромисса.

Вопреки классическому «разделяй и властвуй», Текелли предписал кабардинскому приставу подполковнику (ранее упоминался как майор) Уракову «споры междуусобные вершить дружественным успокоением» к обоюдостороннему удовлетворению.

Особую осторожность командующий проявлял в крайне чувствительных проблемах социально-имущественных отношений. Яркое и парадоксальное отражение эта осторожность нашла в обращенном к кабардинцам

призыве представителя империи, живущей по кодифицированным законам, ...руководствоваться древними обычаями.

Реалии жизни, разумеется, не позволяли Текелли ограничиться благодарными рекомендациями и сугубо дипломатическими услугами. Неподалеку от места, где при посредничестве Уракова «вершилось дружественное успокоение», стояли три роты егерей с пушкой, с единственной целью — «пресечь всякое весьма легко произойти могущее злодейство и смертоубийство».

Привести противоборствующие стороны к согласию не удалось. Мешала сама обстановка русско-турецкой войны, неопределенность ее исхода. Да и внутрикабардинские распри были исторически настолько глубоки, что возможность покончить с ними с помощью одной дипломатической встречи, пусть даже устроенной представителем великой державы, была призрачной.

Мисосту Баматову, во избежание новых покушений на его близких, пришлось переселиться на российскую территорию, чтобы жить в относительной безопасности неподалеку от Константиногорского укрепления.

Разумеется, преувеличивать степень русского влияния в Кабарде не стоит. Воздерживался от этого даже князь Потемкин, которого современники язвительно упрекали в чрезмерном увлечении политикой «ласкательств».¹⁷⁶

Наиболее жесткую оппозицию в отношении России представлял кабардинский владельческий род Жамбулатовых. В марте 1789 года их князья, экономические интересы которых оказались под угрозой, саботировали решение народного собрания, постановившего вернуть русским награбленное на Кубанской линии. Они уже было собрались поднять мятеж в пользу Турции, но вовремя посланные Текелли два батальона егерей с пушками разрядили напряжение и обеспечили выплату *баранты*. Долго ли продлится достигнутое таким образом спокойствие — не ведал никто.

Любопытно, что во всех документах, подробно излагающих события 1789 года, мы опять ни разу не встречаем имени Мансура, и это становилось все более трудно объяснимым на фоне звучавших идей газавата и пробуждения единовременных чувств к османам¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Впрочем, далеко не всегда это были упреки. Многие современники Г. А. Потемкина одобряли готовность князя «оказывать всегда особое уважение к владельцам народа кабардинского», понимая, что он «ласковым с ними обращением старался утвердить их к России привязанность» и «вселить в них любочестие».

¹⁷⁷ Впрочем, о Мансуре есть упоминание в рапорте командующего русскими войсками на Северном Кавказе графа И. П. Салтыкова (от 9 октября 1789 года). Он сообщал Екатерине II, что «известный обманщик Ших (Шейх-Мансур. — В. Д.), чрез горы прокравшись, проехал в Чечню в весьма дурном положении, ибо все почти от него отложились и никто не слушает, кроме некоторых молодых и бродяг, не имеющих пристанища, да чеченцов; сии еще

Почему среди противников России, поднимающих народ на священную войну, перечисляются малоприметные персонажи местной истории, но нет человека, носящего высокое имя имама и имеющего гораздо больше заслуг в борьбе с «неверными»? Мог ли (и если да, то с какой стати) Батал-паша посчитать излишним прибегать на ответственном этапе подготовки крупной кампании против России к услугам организатора и проповедника такого масштаба, как Мансур?

Странно все это...

* * *

8 апреля 1789 года, в день Пасхи, 2-тысячный отряд закубанских ногайцев напал на станицу Вестославскую,¹⁷⁸ располагавшуюся на Азово-Моздокской линии. Отправившись в поход с берегов Лабы, они проникли в глубину российской территории на расстояние в 120 км, оставив позади себя две линии укреплений (Кубанскую и расположенную между нею и Черкасским трактом страховочную систему небольших редутов). Это было очень дерзкое предприятие — из тех, каких горцы не совершали давно. Станица, в которой проживало 357 человек обоего пола, была разграблена и уничтожена.

В принципе, чего-то нового или особенного вроде бы не произошло, если не считать того факта, что последний крупный набег горцы предприняли в середине 1787 года (21 месяц тому назад) и что нынешний их рейд был неожиданно глубоким. Но, поставив нападение на Вестославскую в контекст османской военно-политической пропаганды, вполне уместно прийти к выводу о наличии определенной связи между этой вылазкой и призывами турок к священной войне против России. Правда, ничего «священного» в этом грабительском набеге, как обычно, не было.

Едва ли турки были настолько глупы, чтобы всерьез полагать, будто подобные набеги могли предрешить победный для Порты исход боевых действий на кубанском театре войны. Так сказать, стратегическое значение этих внезапных и глубоких рейдов виделось в другом — поставить русских в ситуацию, вынуждающую расплыть их силы на огромном пространстве, постоянно находиться в изнурительном напряжении, оглядываясь на свои тылы и не зная, откуда ждать следующего удара. Ни в чем ином, как именно в такой обстановке были заинтересованы турки в период подготовки к крупному наступлению на Кубани.

некоторым образом его уважают». Если сведения из этого документа верны, то они могут означать, что имам отважился на столь рискованный шаг по указанию турок и в желании быть им полезным, чтобы выйти из глубокой политической тени, куда он попал в силу стечения обстоятельств.

¹⁷⁸ Ныне — село Привольное Ставропольского края.

Русские также были не настолько глупы, чтобы этого не понимать. Поэтому их планы состояли в том, чтобы поломать турецкие, для чего требовалось, прежде всего, подавить военную активность ногайцев (и черкесов), лишив их ресурсной базы и желания переходить Кубань.

Такая задача была поставлена перед detachаментом генерала Булгакова, хотя нельзя, конечно, сбрасывать со счетов мотив возмездия. Оставить безнаказанным столь дерзкий набег значило вызвать у горцев презрительное недоумение и поощрить к новым молодеческим подвигам. Они навязывали свои правила игры, пока не зная других. Русские же, не имея пока своих, поневоле принимали чужие.

«Майская», как ее называли, экспедиция Булгакова длилась с 9 по 17 число. Военные действия развернулись в бассейнах рек Лаба и Емансу. Ногайцы сражались храбро и умело, искусно применяясь к рельефу местности. Разбитые в одном месте, они собирались в другом. В случае преследования отходили ближе к горам, рассеиваясь по ущельям. Углубляться туда Булгаков посчитал неблагоприятным и, в принципе, правильно сделал, справедливо предполагая, что горцы заманивали его в родную стихию, где преимущество будет на их стороне.

Воевать с противником, который не позволял нанести себе решающее поражение, было очень трудно. Осознав, что придется удовлетвориться имеющимися результатами, поскольку достать ногайцев в их укрытиях невозможно, Булгаков развернул войско и стал возвращаться. И еще раз убедился в непредсказуемости неприятеля, точнее — в справедливости наблюдения его предшественников: горцы особенно опасны, когда они видят твою спину. На переправе через Лабу его ждал неприятный сюрприз в виде вражеских скоплений, перекрывших русским путь домой. Туда же быстро подтягивались новые ногайские отряды.

Булгаков решил сыграть на опережение, пока ситуация не стала угрожающей, и атаковал первым, тем самым, вероятно, спутав планы противника. Под ударами русской конницы и под фланговым огнем егерей ногайцы дрогнули и побежали. Преследование длилось на протяжении 15 верст, как сообщают источники, «до самых трудных ущельев».

Однако входить в них отряды Булгакова, несмотря на победное настроение, не стали во избежание превратностей судьбы, которых в истории горной войны к тому времени уже накопилось достаточно для того, чтобы относиться к ним со всей серьезностью.

В ходе экспедиции горцы потеряли около четырехсот человек убитыми. Булгаков, если верить боевым сводкам, — единицы. В качестве добычи русским достались «83 лошади со збруей, много панцырей, ружей, сабель и прочего имущества».

Данные трофеи служили для ногайцев символом поражения в такой же степени, как и тела их погибших товарищей. Но это был язык войны, на котором они привыкли говорить сызмальства и в котором сегодня звучала горечь утраты, а завтра — радость победы.

Жизнь заставляла и русских приравниваться к этой философии, чтобы быть понятными для горцев. Угнанные Булгаковым 1600 голов скота в отместку за разграбления Кубанской линии и Вестославской станицы являлись элементами игры по горским правилам, актом поведения, которое воспринималось противником как естественное и которое морально санкционировалось древним кавказским обычаем взимания «баранты».

Вполне возможно, что Булгаков, имея представления о людских ресурсах Закубанья, не ожидал столь быстрого и успешного завершения «майской экспедиции». Она и впрямь могла пойти по другому сценарию, будь эти самые ресурсы мобилизованы в нужном количестве и в более совершенных организационных формах.

Но реализовать свое численное преимущество закубанцы были не в состоянии из-за непреодолимых усобиц. Этот старый «институт» кавказской жизни мешал объединиться не только ногайцам и черкесам, но даже отдельно взятому черкесскому племени. Одно дело — собрать несколько сот человек — зачастую из разных этносов — для короткого грабительского набега, и совсем другое — убедить этих же людей в необходимости вести долгую, методичную борьбу против России, подчиняясь вождю, дисциплине, стратегическим планам, высокой идее.

Еще одной преградой на пути объединения являлась гибкая политика русских генералов, которые с помощью разнообразного арсенала ненасильственных методов лишали представителей местных элит стимулов к сопротивлению. Эффективность такого подхода в очередной раз подтвердила «майская экспедиция». Еще не известно, сколько бы она длилась, если бы Булгаков, плохо знавший театр действий, не получил помощь от местного (видимо, черкесского) муллы, совершенно добровольно вызвавшегося показать дорогу к ногайским аулам.

Документы сообщают любопытную подробность: Булгаков продвигался вперед, «не разоряя жилищ», что говорит о наличии политического компонента в этом, казалось бы, сугубо военном предприятии. Первоначально генерал, похоже, уповал скорее на демонстрацию силы, стараясь по возможности избегать ее применения. Вероятно, поэтому в аул Микас, где находилась резиденция ногайского султана Салад-Гирея, он послал лишь авангард своего войска. И только после того, как закубанцы открыли огонь из засады, Булгаков подтянул основные силы, и началась боевая операция.

Была ли причиной «майская экспедиция» или тут случайное совпадение, но до конца 1789 года горцы больше не совершали набегов крупными партиями.

* * *

Сразу по завершении экспедиции были получены сообщения о том, что Порты прислала в Анапу и Суджук-кале дополнительные войска в количестве 10 тысяч человек. Еще три с половиной тысячи при восьми орудиях стояли в темиргойских аулах, готовясь атаковать Прочноокопское укрепление. Часть османских сил окопалась на Тамани, создавая угрозу для кубанского Правобережья.

У русского командования имелись основания беспокоиться по поводу не только военных, но и политических угроз. Порты намеревалась восстановить бахчисарайский ханский престол и прежние крымско-османские вассальные отношения. Учитывая, что у этого проекта было много сторонников и в Крыму, и на Кубани, в Анапу из Стамбула был доставлен один из представителей династии Гиреев, получивший султанское благословение на реставрацию Крымского ханства. Он предполагал набрать из кубанских ногайцев (и, возможно, черкесов) войско для вторжения в Крым. Этот человек легко мог стать знаменем для потенциальных врагов России на Северо-Западном Кавказе.

Князь Потемкин предпочитал быть готовым и к такому обороту дел. Он приказал Текелли, продолжавшему исполнять свои обязанности до 19 июля 1789 года, распределить войска таким образом, чтобы не допустить прорыва османско-горских соединений через Кубанскую линию, за которой объектом их нападения могла стать любая точка от Черкаска до Кабарды.

Текелли сгруппировал силы в пяти опорных пунктах от устья Лабы до устья Зеленчука. Для прикрытия незащищенного пространства между ними были сформированы мобильные отряды, готовые по тревоге быстро оказать в нужном месте. С помощью таких мер предполагалось предупредить возможное движение турок и закубанцев на восток (Кабарда) и на север (Черкасский тракт).

Мобильность нужна была еще и для того, чтобы восполнить значительный недостаток русских войск на Кубани, увеличивавшийся не столько от боевых потерь, сколько от смертельных исходов эпидемических болезней. Исключительно «щедрым» на них оказался 1789-й год.

Особое внимание русские генералы уделяли Тамани — стратегическому плацдарму, позволявшему тому, кто владел им, с одной стороны, держать в своих руках Керченский пролив, а значит Азовское побережье, с другой — правый берег Кубани в ее нижнем течении. Князь Потемкин предписал вы-

бить турок с острова путем двойного удара: один наносит десант с моря, другой — войска Текелли с восточной стороны.

Эта операция была проведена в первой половине октября 1789 года при несколько анекдотичных обстоятельствах.

Прослышав о готовящемся неприятельском наступлении, Батал-паша послал на Тамань подкрепления. Но накануне два русских батальона под командованием подполковника Дашкова успели произвести высадку и начать возведение батарей.

В ночь на 7 октября к таманскому берегу причалили 60 турецких фелюг. Десантированная легкая кавалерия и пехота в темноте наткнулись на русские редуты, открывшие по ним огонь. Турки в панике бросились назад к своим судам. Ожидавшие помощи их соотечественники, находившиеся неподалеку в окопах, приняли эту суматоху за вражеское нападение и стали стрелять картечью в ту сторону, откуда раздавались крики. Понеся потери от «дружественного огня», десантники спешно погрузились на фелюги, чтобы вернуться в Анапу. Из страха перед штыковой атакой русских¹⁷⁹ также покинули свои форпосты многие из турецких солдат, прибывших на остров ранее.

Однако не все турки были столь малодушны. Оставшиеся на Тамани около 500 человек в течение еще недели оказывали русским сопротивление, заставив их прибегнуть к ряду весьма непростых маневров, чтобы окончательно подавить неприятельский огонь.

13 октября турки оставили свои редуты и отступили вполне организованно, захватив с собой всю артиллерию. Правда, при погрузке на суда, ждавшие их на берегу, чтобы перевезти в Анапу, два корабля из десяти были подожжены огнем русских батарей.

Тамань заняли войска генерала Исаева, получившего задание — не допустить возвращения турок.

¹⁷⁹ Турки и, кстати сказать, северокавказские горцы, не боясь смерти как таковой, испытывали какой-то суеверный страх перед перспективой быть заколотым штыком.

Глава 14

ВТОРАЯ АНАПСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1790 ГОД): ТРАГИЧЕСКИЙ СОЮЗ НЕДОМЫСЛИЯ И НЕВЕЗЕНИЯ

Так прошел 1789 год. Его можно, вслед за некоторыми историками, назвать едва ли не самым «спокойным» в истории русско-турецкой войны на Северном Кавказе,¹⁸⁰ но отнюдь не бессодержательным и не, так сказать, безопасным. Не упреди князь Потемкин турок на Тамани, а закубанцев на Кубани, неизвестно еще, как пошли бы события. Не исключено, что Батал-паша, если бы ему удалось накопить в этих местах достаточные силы для генерального наступления, начал бы его в 1789 году, то есть раньше, чем он это сделал.

Конец этого «тихого» года знаменателен тем, что на исторической сцене наконец-то вновь появляется Мансур, точнее его имя. Султан Селим III, как стало известно русским, послал «пророку» фирман, повелевавший склонять горцев к соединению с турками и готовиться к совместному выступлению грядущей весной. Это, безусловно, важный документ, который можно было бы истолковать как свидетельство возвращения Мансура в игровое поле кавказской политики. Но пока это — возвращение скорее образа, чем реального деятеля. Его имя промелькнуло в перечне заслуживавших внимания фактов, относившихся к 1789 году, чтобы опять исчезнуть на довольно долгое время.

Как и прежде, было неизвестно доподлинно, где он находится и чем занимается. Полное выпадение этого персонажа из событийной картины, в которой он, казалось бы, обязан был присутствовать, остается трудно объ-

¹⁸⁰ Это «спокойствие», по мнению В. А. Потто, во многом объяснялось тем, что лютая зима 1788–1789 годов принесла огромные бедствия и русским войскам, и закубанцам. Погибло от холода и голода большое количество людей и скота. Последствия разгула морозов и снежных буранов пришлось долго преодолевать. Стихийно возникла ситуация, когда обе стороны решили отложить крупные военные действия на следующий, 1790-й год.

ясным. Местопребывание Мансура можно предположить лишь умозрительно: это либо Анапа, либо окружающие ее черкесские аулы, либо и то, и другое попеременно. (Есть и третий, сугубо гипотетический, но все же заслуживающий внимания вариант, о котором мы скажем ниже.)

По поводу его деятельности в этот период утверждать что-то определенное еще труднее. В свете призыва турецкого султана к активизации допустимо осторожное предположение о том, что Порта была недовольна пассивностью имама в ответ на все ее знаки внимания.

Впрочем, даже призрака Мансура оказалось достаточно, чтобы повлиять на течение событий, хотя без вмешательства элемента случайности тут не обошлось. Бездействовавший и неизвестно еще, собиравшийся ли действовать имам, а вместе с ним и турки неожиданно получили помощь от... русских, которые стали жертвами «маленького каприза» истории.

К моменту получения сведений о фирмане султана войска России на Северном Кавказе остались фактически без командующего. Его обязанности временно исполнял генерал-поручик Ю. Б. Бибиков. Нетрусливый и, возможно, даже небесталанный человек, он был испорчен милостями судьбы в виде молниеносной и невыстраданной карьеры¹⁸¹ со всеми сопутствовавшими ей благами. Это развило в нем и чрезвычайное честолюбие, и, вероятно, комплекс неполноценности, которые иногда требуют от личности больших жертвоприношений.

Собственное назначение на Кубань Бибиков расценивал как унижительную ссылку в захолустье, отлучение от столбовой дороги настоящей жизни, чиновосхождения и воинской славы. Ему не терпелось совершить нечто выдающееся, чтобы осветить эту глухомань блеском своих боевых подвигов и обратить на себя восхищенные взоры Петербурга.

Бибиков, знавший о неудавшейся попытке многоопытного Текелли взять Анапу, видимо, не прочь был доказать, что обвинения в адрес его предшественника в нерешительности справедливы и что есть в русской армии более храбрые командиры.¹⁸²

Кроме того, после ухода Текелли пост кавказского наместника оставался вакантным. Отдавать его Бибикову князь Потемкин не собирался, и поэтому нужно было придумать что-то такое, что впечатлило бы Екатерину II и не оставило бы Григорию Александровичу выбора.¹⁸³

¹⁸¹ Благодаря покровительству П. И. Панина, Ю. Б. Бибиков в 36 лет произведен в генерал-майоры (А. В. Суворов получил этот чин в сорок, имея за плечами выдающиеся заслуги перед Отечеством!), осыпан наградами за незначительные дела.

¹⁸² Бибиков, как писал В. А. Потто, «не постигал глубоких соображений, заставивших Текелли отказаться от ее (Анапы. — В. Д.) завладения».

¹⁸³ Похоже, среди подчиненных Ю. Б. Бибикова бытовало мнение, ничем, впрочем, не подтвержденное, что причиной анапской экспедиции стала падкость Юрия Богдановича

Во всяком случае, к такому выводу подводят историка некоторые документы.

На самом деле все было сложнее. Решение Бибикова предпринять в феврале 1790 года экспедицию в Анапу выросло из целого комплекса причин, лишь одна из которых связана со складом его натуры. Остальные побудительные мотивы имели вполне рациональную подоплеку и основывались не на эмоциональном порыве, а на анализе ситуации.¹⁸⁴

Постфактум, качество и глубина этого анализа не выдерживают никакой критики. Но только потому, что предприятие Бибикова с треском провалилось. Будь он удачливее, сложись другая конъюнктура объективных обстоятельств, и все могло бы быть иначе. В конце концов, Суворов через девять лет делает в Швейцарии еще не такое.

Есть основание согласиться с мнением Н. Ф. Дубровина, П. Г. Буткова и других русских историков, считавших, что толчком ко второй анапской экспедиции в том виде, в каком она была осуществлена Бибиковым, послужил фирман Селима III. Содержавшийся в нем призыв к Мансуру грозил спровоцировать в Черкесии массовый подъем, дававший преимущество османской армии и непредсказуемо осложнявший положение русской.

Но дело, похоже, не только в фирмане. Из совокупности полученных русским командованием агентурных данных складывалась более панорамная картина турецких замыслов.

В начале января 1790 года Порты разослала практически ко всем более или менее значимым дагестанским и восточно-закавказским правителям письма с призывом объединиться в войне против России. Сообщалось, что в Анапе и Суджук-кале собрано «немалое число турецкого войска с артиллериею, провиантом и с денежною казною» с приказом идти совместно с кубанскими татарами и черкесами в Кабарду и на Кизляр.

Письма, побуждающие «на брань противу России», получили и кабардинские князья.

Никакой гарантии, что на эти призывы последует негативная реакция, не было. Более того, шамхал тарковский Баммат писал П. С. Потемкину и И. П. Горичу, что получившие турецкие письма владельцы Казикумуха, Дженгутая и Аварии (Ума-хан) «уже на тот случай (наступления на Кизляр — В. Д.) имеют согласие», направленное против русских.¹⁸⁵

на деньги. На это предприятие он якобы хотел употребить средства, «на чрезвычайные издержки определенные», и таким образом обогатиться.

¹⁸⁴ Бибилов не мог не знать о недовольстве Екатерины II «нерешительностью» Текелли и о неизменном требовании императрицы о том, что «кубанская армия... имеет производить наступательные действия к Анапе».

¹⁸⁵ В апреле 1790 года один из близких к Ума-хану людей, будучи в Кизляре, в беседе с русским титулярным советником Семеном Кузнецовым, то ли проговорился, то ли продал информацию о намерении хана отправить в Порту посла, который должен был бы уведо-

Желание Бибикова предупредить худший сценарий представлялось абсолютно естественным, и говорить в этой связи о чрезмерной впечатлительности генерала не стоит. Была своя логика и в его намерении не дожидаться весны, то есть момента, когда инициатива оказалась бы в руках противника, и русским пришлось бы действовать сугубо оборонительно, невольно подчиняясь турецким стратегическим замыслам и обрекая себя на необходимость импровизировать в соответствии с условиями, диктуемыми врагом.¹⁸⁶

Шансы попасть в такое положение, казалось, выросли, когда Бибиков в январе получил информацию, что черкесское племя махошевцев готовит нападение на Кубанскую линию силами нескольких тысяч человек. И это было похоже не на обычный набег, а на стратегически осмысленное действие, поскольку горцы намеревались идти дальше, чтобы захватить Донскую крепость и прервать сообщение между Черкасском и Ставрополем. Тут, вполне вероятно, не обошлось без турецкой подсказки, и это наводило на предположение о том, что Батал-паша приступил к подготовке весенней кампании, в качестве увертюры к которой горская экспедиция выглядела вполне убедительно. Это была еще одна причина, заставившая Бибикова поторопиться.

Генерала упрекали в безрассудстве за то, что он отважился выступить в «самое суровое зимнее время», не подготовившись к походу подобающим образом. Это обвинение представляется неотразимым в свете (опять же) того, что произошло, и в контексте подразумеваемого заключения о безальтернативности случившегося.

Между тем, обратившись к не учтенным критиками Бибикова факторам, позволительно сделать и другой вывод: его военный план был рискованным, но не безумным и поэтому при любых обстоятельствах обреченным на катастрофу.

Неудачный выбор времени (февраль), на первый взгляд, кажется сильным аргументом против генерала. Однако если разбираться в том, что такое «самое суровое зимнее время» на Кубани, то следует иметь в виду: оно совсем не похоже на «русскую зиму» с ее жестокими морозами, приходящую рано и надолго. Среднесуточная температура воздуха в тех краях в феврале обычно имеет плюсовые значения с устойчивой тенденцией к росту. Конечно, это не очень комфортные условия для отряда, собравшегося преодолеть более 350 верст по пересеченной местности, но и не катастрофичные. Во всяком случае, для черкесов зима никогда не являлась препятствием к набегам. Почему она должна стать помехой для русских?

мить султана о готовности дагестанцев «в российские пределы итти», если тот пришлет деньги на эту экспедицию.

¹⁸⁶ Историки единодушно критикуют Бибикова не за «упреждающую логику», которой он руководствовался, а за неудачную ее реализацию.

Бибиков двинулся в Анапу без обоза, с двухнедельным запасом продовольствия, надеясь найти его за Кубанью.¹⁸⁷ Генерал рассчитывал, что кубанцы не окажут сопротивления и он марш-броском достигнет Анапы в две—три недели. В этом расчете тоже не было ничего фантастического.

Все эти «оправдательные» аргументы, конечно, не отменяют одного обстоятельства, оказавшегося в данном случае пагубным, — отчаянного авантюризма Бибикова, питаемого его неуемным честолюбием. Снедаемый именно честолюбием, генерал сделал непозволительно высокую и рискованную ставку ва-банк.

Перспектива триумфа застила глаза, парализовала способность понять, что, собрав для анапского похода практически все русские войска на Кубани, он совершенно оголил границу перед лицом военно-диверсионных операций или просто массированных набегов горцев. Но Бибиков безусловно был прав в своем предположении, что об этом никто и не вспомнит, если он победит, — победа искупит все, как она это делала много раз в истории.

Задним числом можно говорить о неспособности Бибикова правильно взвесить шансы на успех и на провал в том, что было доступно человеческому предвидению. Как оказалось, генерал не блистал этим даром, все остальное являлось следствием.

В первую очередь ему крупно не повезло с той не «среднестатистической», а конкретной зимой 1789–1790 годов. Она выдалась чрезвычайно капризной, снежной, морозной и метельной, предрешив в конечном счете неудачный исход экспедиции.¹⁸⁸

Бибиков, конечно, не мог знать об этой коварной природной шутке наперед. Но озаботиться предварительным изучением маршрута и прилегавшей местности было совсем не лишне. Как и вообще дать себе труд хотя бы на минуту задуматься, почему Текелли, один из опытейших и самых бесстрашных генералов того времени, даже под угрозой навлечь на себя недовольство Екатерины II и князя Потемкина, не стал штурмовать Анапу.

Если ложная гордость не позволяла спросить об этом у самого Текелли, то к услугам Бибикова была целая плеяда боевых кавказских офицеров с богатым опытом войны на Кубани, способных многое рассказать о неприятеле, не прощающем презрительного отношения к его боевому искусству, неприятелю, который «таков, что если хочет биться, трудно против него стоять, а если не хочет, трудно его настигнуть».

¹⁸⁷ Причем пропитание для войска Бибиков собирался не реквизиовать, а покупать, имея с собой для этого специальные средства. Речь, понятно, шла о той части местного населения, которая не будет воевать против русских.

¹⁸⁸ Не следует исключать, что Бибиков в отношении прогноза погоды мог руководствоваться сугубо житейской логикой и предположить, что прошлая (1788–1789 годов) необычно суровая зима на Кубани так скоро не повторится.

Поначалу, впрочем, все складывалось благополучно. 10 февраля войска Бибикова (7609 человек) переправились через Кубань у Прочного окопа, чтобы двинуться на запад. К генералу тут же явился ногайский султан Менгли-Гирей (племянник последнего крымского хана Шагин-Гирея) с изъявлением покорности от имени своих подвластных и с просьбой о переселении в пределы России¹⁸⁹

На большей части пути закубанцы оказывали либо невыразительное сопротивление, либо никакого. Около 30 тысяч душ обоего пола вступили в подданство России.¹⁹⁰ Бибиков прошел территории — последовательно — махашевцев, темиргойцев, бжедухов, хатукайцев, абадзехов, шапсугов. Чем ближе его войско подходило к Анапе, тем больший отпор встречало и тем чаще среди черкесов замечались турецкие солдаты.

Но главные трудности для русских были связаны не с военным подавлением противника.

Дорога в Анапу оказалась занесенной снегом, который в оврагах и лесах становился еще большим препятствием. Холодная погода усугублялась нехотая поднимавшимися метелями, заметавшими последние намеки на тропинки, пригодные для ходьбы. Внезапно наступавшие оттепели ставили новые проблемы: мелкие речушки выходили из берегов, требуя усилий и времени для наведения мостов.

В моменты наибольших затруднений, по какому-то «странному» стечению обстоятельств, поблизости появлялись черкесы, открывавшие из засад ружейный и артиллерийский огонь. Только быстрая реакция и умелые действия русских войск позволяли избегать чувствительных потерь, хотя число убитых и раненых росло с каждым днем.

Пришлось оставить мысль о соблюдении запланированных темпов движения. Не было пройдено и половины пути, как закончился провиант. Надежды найти его в закубанских аулах в достаточном количестве не оправдались. Часть жителей побросала свои жилища и ушла в горы. У оставшихся продовольствия было немного, и продавали его втридорога. Офицеры, за нехваткой казенных средств, платили из собственных денег.

Начался голод и болезни. Доходило до того, что солдаты питались травой и кореньями. Трудно представить себе, в каком они находились состоянии, если уже через неделю после начала экспедиции Бибиков в рапорте князю Потемкину признавался: «не могу я точно донести вашей светлости, далеко ли продолжу путь мой».

¹⁸⁹ Менгли-Гирей сделает блестящую военно-политическую карьеру на российско-имперской службе, дослужится до генерал-майора и получит должность пристава над ногайскими племенами.

¹⁹⁰ Экспедиция Бибикова имела своей основной целью не наказание закубанцев, а взятие Анапы. Это подтверждается тем фактом, что генерал захватил с собой дорогие подарки на общую сумму в 6 тысяч рублей для раздачи черкесским и ногайским вождям.

Путь свой генерал продолжил исключительно благодаря героической стойкости его подчиненных.

Наконец 24 марта после 42 дней мучительного похода, преодолев 350 верст, корпус Бибикова достиг окрестностей Анапы. Обессилевшему и поредевшему войску предстояло решить главную задачу — взять крепость, охраняемую, как выяснилось, 15-тысячным гарнизоном, что более чем в два раза превышало численность русских.¹⁹¹ Какое количество черкесов из близлежащих натухайских и шапсугских аулов готово прийти на помощь туркам или выступить самостоятельно, не знал никто.

Батал-паша не дал Бибикову времени даже на кратковременный отдых. Имея в своем распоряжении сытых и жаждавших дела янычар, османский генерал вышел из крепости и мощно атаковал противника. В тыл русским войскам ударили неожиданно спустившиеся с гор черкесы, получившие от Батал-паши условный сигнал. Крепостная артиллерия поддержала наступающих бойким огнем. Иными словами, к встрече Бибикова у турок и их союзников все было готово.

Некоторые историки считают, что русский корпус попал в критическое положение, поскольку возникла угроза окружения. Если это так, то не чем другим нельзя объяснить победу Бибикова в этом сражении, как героизмом его солдат. Им удалось не только отбить фронтальный, фланговый и тыловой натиск неприятеля, но и перейти в контратаку, закончившуюся бегством турок и горцев. Оно было настолько поспешным, что Батал-паша, устремившийся назад к крепости, едва успел закрыть за собой ее ворота, оставив в чистом поле своего подчиненного генерала Мустафа-пашу с 2-мя тысячами солдат, которым пришлось искать от русских спасения в Суджук-кале. (В. А. Потто утверждал, что османы и горцы «оставили на поле сражения более 6000 трупов».)

Ободренный этим успехом, Бибиков стал готовить штурм. Чтобы преодолеть глубокий ров вокруг крепости, требовались фашины, а чтобы взобраться на стены — лестницы. Ни того, ни другого у генерала не было.

Но, возможно, главное препятствие воздвигла на пути Бибикова природа. 25 и 26 марта ударил мороз, сопровождавшийся выгой. В одну ночь полегли от 150 до 200 обозных и артиллерийских лошадей. Почти всех офицеров выбила из строя жестокая простуда. Вести войско на штурм было некому, да и некого: люди вымотались до предела. В личном составе поднимался ропот недовольства.

В такой ситуации впору было думать не о штурме, а о том, как спасти остатки корпуса. Не осталось сил даже на то, чтобы хоть как-то ответить

¹⁹¹ Н. Ф. Дубровин приводит цифру в «40 тысяч жителей и гарнизона», на основании чего можно рассчитать долю мирного населения Анапы. Вообще, данные о численности защитников крепости сильно разнятся.

на издевательский жест коменданта Анапы, приславшего Бибикову каравай пшеничного хлеба с пожеланием не умереть с голоду на обратном пути.

27 марта Бибиков отдал приказ об отступлении. Оно стало еще более тяжелым испытанием, чем поход к Анапе. Изможденное и голодное войско из последних сил отбивалось от наседавших сзади черкесов и турок. Им в добычу доставались те, кто не мог идти дальше. Было угнано большое количество полковых лошадей. По крайней мере, дважды лишь чистая случайность, соединившаяся с солдатской сметкой и мужеством, спасала русских от страшных горских западней, почти гарантировавших полное истребление отряда.

Бибиков столкнулся уже с открытым неповиновением, только благодаря которому, как ни парадоксально, корпус не попал в смертельную ловушку. Не имея средств для переправы через широко разлившуюся Кубань, Бибиков приказал возвращаться кружной дорогой, проходившей в опасной близости от предгорий. Это, как полагали современники, было равносильно самоубийству. Отказ войска выполнять приказ заставил генерала подчиниться общей воле и спас корпус от полного уничтожения. Восемь дней ушло на сооружение плотов, на которых с большими трудами и потерями, под артиллерийским огнем неприятеля, все же удалось перебраться на правый берег реки.

4 мая, с прибытием в укрепление Григориополис на Кубанской линии, экспедиция, длившаяся в общей сложности около трех месяцев, завершилась.

О ее печальных результатах лучше всего говорят цифры и факты. Из 7 609 человек, отправившихся в поход 10 февраля, вернулись 5 407. Из них 233 убитых и 314 раненых, остальные — жертвы голода, холода и болезней. 121 человек попал в плен, 111 дезертировали, 23 утонули.¹⁹² Потеряны три четверти всех полковых лошадей.

Прибывший в Григориополис с большим интендантским обозом генерал-поручик барон В. И. Розен в рапорте князю Потемкину писал, что он увидел «сих непоколебимых в твердости офицеров и солдат в такой жалости, которая выше всякого описания». Они были «изнурены сверх человеческого терпения стужей и ненастьем, от которых ничего для укрепления себя не имели; босы, без рубах и без всякой нижней, а в беднейшей верхней одежде, которая вся сгнила и изодрана. Больные, едва имея дыхание, опухли, да и те,

¹⁹² Разные авторы дают разные данные, в том числе намного превышающие те, что приведены, но они в любом случае шокируют. Генерал-майор Д. П. Бутурлин, описывавший анапскую экспедицию 1790 года через три десятка лет, даже по прошествии столь почтенного срока сохранил остроту гневных чувств в отношении Бибикова настолько, что забыл об элементарных приличиях историка, умудрившись ни разу не упомянуть фамилию нашего антигероя, заменив ее словами «Генерал», «отважный Генерал», «русский Генерал».

кто считались здоровыми, немного от них рознятся и в самых слабейших силах».¹⁹³

На экспедицию было истрчено 58 тысяч рублей золотом и серебром.¹⁹⁴ В солидную сумму обошлись и последующие мероприятия по приведению «крайне расстроенного» Кубанского корпуса в боеспособное состояние.¹⁹⁵

Екатерина II была глубоко огорчена результатами похода и возмущена действиями Бибикова. «Я думаю, что он с ума сошел», — написала она князю Потемкину, приказав отдать генерала под суд.¹⁹⁶

* * *

В контексте нашей темы, история анапской экспедиции примечательна той фигурой умолчания, которая присутствует в ней красноречиво и как будто нарочито. Многочисленные источники, повествующие о трехмесячном пребывании русского отряда на территории Черкесии и о кульминационных событиях под Анапой, содержат массу подробностей.

В них находится место даже для мелких исторических персонажей, вплоть до безымянного черкесского наездника-храбреца, который, будучи в турецкой крепости, вызвался прорваться через русские позиции в горы, чтобы позвать соплеменников на помощь Батал-паше, и блистательно выполнил эту смертельно опасную миссию.

Но практически все документы хранят молчание о Мансуре.¹⁹⁷ Почему?

В очередной раз искать ответ можно лишь в области предположений. Одно из них, вероятно, покажется слишком смелым: турки скрывали имама, не желая рисковать его жизнью, чтобы было кого использовать после войны (даже если она будет проиграна) в качестве политического орудия против России и практического инструмента управления черкесами от имени султана.

Почему бы, кроме того, не допустить, что Шейх-Мансура по какой-то причине вообще не было в то время в Анапе? Так или иначе, его роли во всей этой анапской истории не видно.

¹⁹³ Другой очевидец этой драмы также считал, что русские «в сем случае показали себя свыше человека».

¹⁹⁴ Н. Ф. Дубровин дает цифру в 52 тысячи рублей, без учета 6 тысяч, «употребленных на подарки» черкесской и ногайской знати.

¹⁹⁵ Войска получили новое обмундирование и целый месяц находились на отдыхе и лечении. Их ежедневное меню включало мясную и другую высококалорийную пищу, а также подшевую порцию горячего вина. Каждому участнику похода была вручена серебряная медаль на голубой ленте с надписью «За верность».

¹⁹⁶ Сам Потемкин поначалу был разгневан тем, что Бибиков, «для снискания личной пользы, пренебрег все и подвергнул гибели людей, из которых каждый по истине дороже его». Позже, подробно изучив обстоятельства дела, он несколько изменил свое мнение о поведении Бибикова, но это не повлияло на судьбу генерала.

¹⁹⁷ Быть может, за исключением письма князя Потемкина Екатерине от мая 1790 года, где есть мимолетное замечание о том, что в Черкесии фиаско Бибикова «припишется чудесам лжепророка Шейх-Мансура».

Зато видно было другое — престиж России понес ущерб в глазах северокавказских горцев. Те из них, от которых Бибииков, в ходе его движения к Анапе, принимал торжественные присяги, постарались, после провала штурма, сделать так, чтобы на обратном пути он испил чашу позора до дна.

Горцев не смущал подобный тип поведения. Чувство морального раскаяния в том виде, в котором его наличие в них иногда предполагали русские, вообще не было им свойственно. Можно было надеяться не более чем на имитационную демонстрацию этого чувства, но даже на нее горец никогда не соглашался без внешнего принуждения. И чем убедительнее оно было, тем больше он находил для себя выгоды казаться лояльным к России.

Горец глубоко уважал любое олицетворение силы и могущества и не видел ничего зазорного в том, чтобы не скрывать это. Но и свое презрение к слабости он выказывал при малейшем поводе. Выказывал поступками, жертвы которых, естественно, именовали их «коварными», «вероломными», «хищническими», что абсолютно понятно, с точки зрения сочувствия к пострадавшим, и абсолютно бессмысленно, если исследовать этот феномен в более сущностных категориях.

Такую жизненную философию или философию выживания ни в коей мере нельзя отождествлять, как это делали русские публицисты, с «дурными чертами народного характера». В жесткой среде обитания, под гнетом постоянной заботы о самосохранении социально-биологический рационализм племени или отдельного его члена брал верх над тонкими движениями души. Определенный набор моральных ограничений, да и то с известными оговорками, действовал внутри социума. За пределами кровно-родственного, или аульного, мира «своих» вступали в силу совершенно другие законы, законы для «чужих». Русские порой называли их «волчьими». На самом деле, это были социально мотивированные и, так сказать, экзистенциально объяснимые нормы поведения, через которые проявлял себя фундаментальный инстинкт самосохранения, совершенно немилосердный к внешним источникам угроз.

Соседство и необходимость иметь дело с обществами, жившими по этим архаичным законам, принадлежали к категории вещей малоприятных. Воспринимать их иначе русские генералы, терявшие своих солдат, и подвергавшиеся грабегам русские поселенцы на Кавказской линии не могли никак. Даже у историков и этнографов, испытывавших большой профессиональный интерес к «горской цивилизации», честно старавшихся соблюдать принцип «не судить, а понимать», не всегда получалось воздерживаться от эмоциональных оценок.

Тем примечательнее позиция князя Потемкина, представлявшего очень строгую, несентиментальную и конкретную сферу деятельности, связанную

с защитой имперских интересов. Именно он, прекрасно осведомленный о неумных «шалостях» горцев, просил Екатерину II, тем не менее обходится с ними «милостиво».

Не то чтобы Потемкин не умел наказывать за грабежи и насилия. Умел и зачастую делал это беспощадно. Но он чувствовал ситуации, когда прощение обещало больше выгод для России, чем кара. Понимая, что в ценностных приоритетах горцев нет места для милосердия, князь все же верил, что рано или поздно под влиянием России их сознание откроется для иных представлений о добре и зле.

Взгляды Г. А. Потемкина на северокавказские реалии отражали сложный процесс построения концептуальных основ державной политики в том крае. Он искал оптимальный баланс между кнутом и пряником не только ради обеспечения тактического контроля за ходом событий, но и ради скорейшей закладки предпосылок для цивилизационной интеграции Северного Кавказа в Российскую империю.

Г. А. Потемкин очень трезво смотрел на вещи, и провал анапской экспедиции лишь подтверждал обоснованность такого взгляда. Князя, конечно, удручало стремление закубанцев воспользоваться плачевным положением Бибикова, но отнюдь не удивляло и не обескураживало.

Похоже, в большей степени главнокомандующего беспокоила реакция Порты. И не без основания. Прогноз Г. А. Потемкина о том, что турки получат повод возгордиться неудачей Бибикова как собственной победой, не замедлил оправдаться.

Батал-паша чрезвычайно вдохновился произошедшим. Полагая не без основания, что русские войска на Кубани ослаблены, он стал форсировать подготовку ранее запланированного похода в Кабарду. Батал-паша послал туда свое доверенное лицо с дорогими подарками и с письмами, призывавшими к «совокупному действию против России». В исторических документах есть намек на то, что среди этих писем было также соответствующее обращение к горцам Шейх-Мансура. Кабардинцы охотно приняли подношения и клятвенно пообещали, что все они поднимутся поголовно, если Батал-паша придет к ним хотя бы с двумя тысячами воинов, но с достаточным числом пушек.

Османские агенты не были новостью в том крае, тем более в периоды обострения русско-турецких отношений. Они приезжали туда не с пустыми руками, чтобы купить лояльность местной знати. Князя давно научились пользоваться этим обстоятельством в своих целях. Они и не отказывали Порте, и не спешили вступать с ней в союз.

Но вот с чем кабардинцы явно не тянули, так это с уведомлением Петербурга о поступивших от Стамбула соблазнительных предложениях и с от-

казом выдать эмиссаров (при этом следовала ссылка на священный закон гостеприимства). Подобным способом предполагалось вызвать в русских дух соревнования с турками в умении обхаживать горцев.

Эта тактика приносила успех. 26 июля 1790 года князь Потемкин наставлял нового командующего Кубанским корпусом генерал-поручика А. Б. де Бальмена: «Что кабардинцы переписываются с турками, на сие не смотрите и скажите, что позволяю им от турков деньги брать, лишь бы пребывали верны к России. Объявите им, что я имею Высочайшее повеление им сделать всевозможные выгоды, если пребудут верны и отвести земли, и чтобы они от себя ко мне прислали шесть человек от Большой и двух от Малой Кабарды, которым и дайте на путь пристойную сумму и как можно скорее отправьте».

«Высочайшее повеление», которое упоминает Г. А. Потемкин, содержалось в рескрипте Екатерины II от 8 апреля 1790 года и представляло собой ответ императрицы на ходатайство князя о возвращении кабардинцам части спорных территорий, занятых русскими войсками и поселенцами.

Она, в принципе, не возражала, но «находила себя в затруднении дать решение Наше», поскольку прежде хотела внимательно изучить вопрос о том, «какие именно земли отданы быть могут», для чего государыня затребовала географическую «карту верную и подробную». Екатерина II обещала, по изучении проблемы, «учредить все, что ко успокоению и приласканию кабардинцев способствовать может».

Возможности кабардинских князей играть на русско-турецких противоречиях существенно ограничивались внутривосточной уязвимостью Кабарды, позволявшей внешним силам рассчитывать на эффективное применение политики «разделяй и властвуй» в условиях «горизонтальных» раздоров между князьями и «вертикальных» антагонизмов между верхами и низами общества.¹⁹⁸

¹⁹⁸ В период войны русские власти на Северном Кавказе использовали элементы такой политики, когда находили это нужным в интересах победы над турками. Но в целом она, вопреки широко бытующему мнению, была нехарактерна для Петербурга.

Глава 15

НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ. ПОРАЖЕНИЕ АРМИИ БАТАЛ-ПАШИ

Батал-паша вынашивал грандиозные планы. Он хотел возмутить находившиеся в российском подданстве мусульманские народы от Азова до Астрахани.¹⁹⁹ Однако турецкий генерал не верил, что для этого достаточно будет появления в Кабарде османских войск в символическом количестве. Он понимал, что для детонации массовых волнений такого размаха требовалась совокупность сложных предпосылок, которых в то время не было. Помочь создать их могли бы только реальные успехи османского оружия и османской политики на Кавказе.

Кабардинскую экспедицию Батал-паша готовил очень основательно. В течение всего лета 1790 года его корпус получал регулярные подкрепления из Анатолии. К началу сентября он собрал под своим началом 18 тысяч османских войск с 30-ю орудиями и 30 тысяч закубанских всадников, из которых половина составляла мобильный резерв.

Стратегический замысел Батал-паши, в той мере, в какой он прослеживается по источникам, выглядел просто: проникнув в глубь Центрального Кавказа, нанести сокрушительный удар по одной из ключевых русских крепостей — Георгиевской. Захват ее открывал широкий оперативный простор для движения на юг — Кабарду, на восток — к Кизляру и Астрахани, на северо-запад — к Черкасску и Азову.

¹⁹⁹ Конечно, это был не столько личный замысел Батал-паши, сколько отражение военно-политической стратегии Порты, в осуществлении которой принимал участие не он один. В июле 1790 года Сулейман-паша ахалцыхский разослал дагестанским владетелям, включая дербентского хана и шамхала тарковского, повеление султана о создании антирусской коалиции и наступлении на Кизляр с юга.

Видное место в расчетах Батал-паши, конечно, отводилось психологическому эффекту, во власти которого, как предполагалось, окажется местное население, узнав о падении Георгиевска. Это известие и обеспечит стремительное пополнение османского войска за счет горских ополчений, особенно — за счет кабардинцев, славившихся высокой боевой организацией.

Эти приготовления, начавшиеся, по большому счету, с 1787 года, не могли остаться без внимания русского командования. На их упреждение был нацелен поход Бибикова. После его провала Кубанский корпус, а вместе с ним вся русская оборона на Северном Кавказе пришли в расстроенное состояние.

Дело усугублялось тем, что с арестом Бибикова войска оказались лишенными единоначалия. Его преемник, генерал А. Б. де Бальмен, будучи тяжело болен, не торопился к месту назначения. Фактически обязанности командующего выполнял генерал барон В. И. Розен, принимавший срочные меры по укреплению русских сил и распределению их таким образом, чтобы прикрыть наиболее вероятные направления османского наступления — восток (Георгиевск и Кабарда) и север (река Ея, Черкасск и, возможно, Азов).

Отсутствие точных сведений о том, когда, куда и с какими силами отправится Батал-паша, вносило некоторую непоследовательность в русские оборонительные мероприятия. В частности, была идея летом произвести диверсию против Анапы и прочно укрепиться на Тамани, но потом от нее отказались.

Между тем стратегическая логика в этих намерениях безусловно присутствовала. Анапа оставалась одной из ключевых военно-морских баз противника, которая поддерживалась в боеспособном состоянии благодаря надежной коммуникационной линии, связывавшей крепость с крупными османскими рекрутскими ресурсами и арсеналами в Малой Азии. Через Анапу можно было быстро и удобно перебрасывать турецкие войска из Анатолии в Крым, на Азовское побережье и, конечно, на Северный Кавказ. Она служила самым подходящим местом для накопления войсковых резервов впрок, чтобы пустить их в дело там и тогда, где и когда они понадобятся больше всего.

Отсюда пристальное внимание русского командования к этому форпосту, еще больше усилившееся после неудачи Бибикова.²⁰⁰ Чтобы не допустить дальнейшей концентрации османских войск в Анапе и последующей их переброски в Крым, эскадра контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова в конце мая — начале июня 1790 года атаковала, дежурившие на анапском рейде неприятельские суда, чтобы таким образом уничтожить вражеские транспортно-

²⁰⁰ В рескрипте Екатерины II к князю Потемкину от 24 апреля 1789 года с особой тревогой подчеркивается, что турки свои «суда, по азиатским портам приготовляемые», собирают у Анапы, «дабы нас (Россию. — В. Д.) в той стороне озаботить».

десантные средства. В числе прочего, Ф. Ф. Ушаков хотел помешать разгрузке доставленной туда большой партии оружия, включая пушки.

Из-за мелководья на подступах к бухте русским кораблям не удалось подойти на расстояние прицельного обстрела. Вскоре приближаться к стенам Анапы стало опасно. Туркам удалось выгрузить пушки и значительно укрепить ими крепостную артиллерию, открывшую, по словам адмирала, «жестокий огонь». Продолжавшаяся несколько часов обоюдная пальба не дала результатов, и Ушаков, во избежание риска потерь, вернулся в Севастополь.²⁰¹

В итоге Батал-паша сохранил коммуникационную связь с анатолийским побережьем, которой, он, по-видимому, успешно пользовался все лето. Это позволило ему к концу августа быть готовым к наступательным действиям крупного масштаба.

Князя Потемкина крайне беспокоила опасность подвергнуться атакам противника в том месте и в то время, которые выберет сам противник, а пребывающим в неведении русским генералам с их разбросанными по огромной территории силами останется лихорадочно искать ответ, как это уже случалось.

Главнокомандующий настаивал на том, чтобы не дожидаться османского наступления, а ударить первыми. Осуществить эту идею во многом мешали «кадровые» проблемы, которые преследовали Потемкина постоянно.

Не успели назначить на место Бибикова генерала де Бальмена, как последнего поразила тяжелая болезнь, помешавшая ему вовремя прибыть на Северный Кавказ. А прибыв в Георгиевск, де Бальмен через две недели умер от чахотки (4 октября). С момента начала русско-турецкой войны на Кубанской линии фактически сменилось пять командующих.

Правда, незадолго до своей кончины де Бальмен успел составить толковый план наступательных действий, рационально и экономно распределить русские силы, в принципе недостаточные для решения поставленных перед ними задач.²⁰²

Осуществлять этот план и вносить в него оперативные коррективы пришлось уже подчиненным де Бальмена²⁰³ в условиях отсутствия единого ру-

²⁰¹ Как вскоре выяснилось, Ф. Ф. Ушаков не зря берег свои корабли: они ему понадобились для более важной задачи. 8 июля 1790 года в Керченском проливе, неподалеку от Тамани он наткнулся на крупную турецкую эскадру (10 линейных кораблей, 8 фрегатов и 36 более мелких единиц), атаковал ее и обратил в бегство, предотвратив тем самым высадку неприятеля в Крым.

²⁰² Де Бальмен, между прочим, считал главной задачей Порты «взволновать против нас легкомысленные горские народы, возобновить шихмансурово происшествие, хотя до сих пор оно еще повсюду не успокоено». Именно против этих намерений, как докладывал он князю Потемкину, были взяты «потребные осторожности».

²⁰³ Генералы Розен, Герман, С. А. Булгаков, бригадиры Матцен и Бирвиц, полковники Буткевич, Муханов, Чемоданов.

ководящего центра, что, тем не менее, не понизило до критического уровень согласованности действий высшего офицерского состава армии.

И все же выполнить приказ Потемкина об упреждении врага не удалось. Батал-паша опередил русских. Он начал наступление в первых числах сентября, и пока на Кубанской линии поняли, что 33-тысячный османский корпус (при 15-тысячном тыловом резерве, состоявшем из конных черкесско-ногайских ополченцев) движется не куда-нибудь, а в сторону Кабарды, он уже был (25 сентября) на берегах Малого Зеленчука.

Поскольку направление главного удара Батал-паши не было известно, русские войска, разделенные на три больших отряда, стерегли Кубанскую линию на всем ее протяжении.²⁰⁴

На самом восточном ее фланге дежурили полки генерала И. И. Германа. В середине сентября он внезапно обнаружил, что находится ближе всего к противнику, уже подошедшему к реке Тохтамыш, за которой простиралась беспокойная Кабарда. Промедление, как полагал Герман, грозило России на Северном Кавказе потерей «всей границы».²⁰⁵ Этого опасался не только он. Как свидетельствовал очевидец, русское население Георгиевска пребывало «в немалой смятности», полагая Кавказскую линию «погибшею».

Герман имел в своем распоряжении около 3 тысяч человек против неприятеля, обладавшего более чем десятикратным превосходством. Задумываться над этим не было времени. Не дожидаясь подмоги, за которой он послал вестового к командиру другого отряда Булгакову, Герман стремительно двинулся навстречу Батал-паше. 29 сентября он подошел к Тохтамышу и занял позиции так, чтобы перекрыть туркам путь в Кабарду.

Риск был огромный. Противник имел, как сказано в одном источнике, «несоразмерное» преимущество во всех компонентах. Кроме одного — желания победить во что бы то ни стало, питаемого, помимо прочего, горькой памятью об унижительном поражении под Анапой и жадной поскорее забыть о нем.

Осознавая необходимость чем-то компенсировать недостаток своих сил, Герман сделал ставку на быстроту маневра и на тактику смены акцентов в атаках в зависимости от возникающих на поле сражения угроз. Эту мобильность генерал намеревался обеспечить путем разделения своего отряда на пять колонн, каждой из которых предписывалось прийти на выручку тем, кто будет в этом остро нуждаться.

30 сентября 1790 года оба противника предприняли наступление почти одновременно. Завязалось жаркое дело, поначалу без малейшего намека

²⁰⁴ Судя по некоторым данным, князь Потемкин узнал о намерении Батал-паши лишь через 9 дней после выступления его корпуса из Анапы, да и то была информация об общем направлении движения — «к кавказской линии».

²⁰⁵ В. А. Потто также увидел в сложившейся ситуации «важный критический момент в истории нашего владычества на Кавказе».

на то, чем оно закончится. Не сразу выяснилось, что избранный Германом план действий верен. На русское войско со всех сторон, включая близлежащие черкесские ущелья, обрушилась лавина вражеских сил, создавая угрозу окружения.

Под этим напором казачьи соединения, занимавшие стратегически важные высоты, отступили, оставив их туркам. Сложилась критическая ситуация, имевшая тенденцию к развитию в неблагоприятном для русских направлении. Тогда Герман быстро снял часть кавалерии с других участков сражения и бросил ее на высоты. Вслед за ней ускоренным маршем двинулась пехота. Уступленные туркам позиции были заняты вновь, «линия фронта» выровнена.

Вскоре русским пришлось сдерживать новый вал неприятельских атак, очень опасных своей мощью и изобретательностью. Батал-паша так и норовил ударить в тыл войскам Германа. Последний, удачно перегруппировывая свои силы, старался избежать окружения, в свою очередь высматривая слабые места в обороне противника. Сопровождаясь мощным артиллерийским и ружейным огнем, битва вступила в решающую фазу.

Когда острые турецкие выпады были отбиты, Герман, нащупав слабинку на правом фланге врага, сосредоточил давление именно там, и не ошибся. Османы дрогнули и побежали. Генерал тут же перенес акцент на левый фланг, который постигла та же участь. Затем, не давая Батал-паше опомниться, Герман приказал перейти во фронтальное контрнаступление. Турецкий главнокомандующий сделал было попытку спасти положение путем передислокации еще сохранявших боеспособность войск, но тщетно. Разгром его многотысячного корпуса стал фактом.

Это был день торжества быстроты и искусства маневра в условиях, когда только они давали шанс на удачу в сверхрискованной игре. Это был день торжества мысли и филигранного расчета. Это был день торжества нестигаемой воли к победе. Это был день, когда русские заслуженно выстрадали благоволение фортуны.

В источниках нет данных об османских потерях. Говорится только, что они были «очень велики». (У русских было убито 27 и ранено 115 человек.). Сделать точные подсчеты оказалось невозможным, поскольку турки в массовом беспорядке побежали к Кубани искать спасения на ее левом берегу, и в ходе переправы многие утонули.²⁰⁶

Их злоключения продолжались и там, где русских уже не было, но зато были турецкие «союзники» черкесы, которые принялись грабить и убивать

²⁰⁶ Любая война и любое сражение имеют свою микроисторию, свои, так сказать, жанровые сценки. Были они и в данном случае, в том числе весьма любопытные. В частности, русские офицеры подбирали на поле битвы раненых турок и оказывали им первую помощь.

своих «освободителей». В результате «пространство на несколько верст по левому (черкесскому. — В. Д.) берегу Кубани было усеяно их трупами».²⁰⁷

Русским достались богатые трофеи, включая 30 пушек (одна из них 36-фунтовая гаубица) с боеприпасами. Но самым ценным из них был Батал-паша, не успевший вовремя покинуть свой лагерь, куда внезапно ворвались войска Германа.²⁰⁸

Произошло очень важное событие, переломившее ход русско-турецкой войны на кавказском театре. Двухлетние османские приготовления к генеральному сражению пошли прахом, хотя, в принципе, все могло сложиться иначе.²⁰⁹

Действия генерала Германа в той конкретной ситуации были оправданы, но значительная доля авантюризма, пусть и вынужденного, в них безусловно присутствовала. Окажись Батал-паша проворнее и удачливее, он мог бы при имевшемся у него колоссальном численном превосходстве победить вчистую. Тогда не пришлось бы сомневаться в том, что дорога в Кабарду и дальше на восток была бы перед ним открыта и под его знамена встали бы тысячи горцев, внимательно наблюдавших за ходом русско-турецкого противоборства.

Герман, отважившись на дьявольскую игру с судьбой, многое поставил на карту. В любой момент и из-за любой случайности все могло пойти не так. Генерал откровенно признается в этом в своих воспоминаниях, где он наделяет мистическим смыслом тот факт, что накануне сражения с Батал-пашой пошел дождь — «российская счастливая примета, которая... сбылась более, чем ожидать можно было».²¹⁰

Высокую степень риска остро чувствовал и князь Потемкин. После получения в Бендерах победной реляции от Германа, радость главнокомандующего по поводу того, что он обманулся в своих мрачных предчувствиях, выплеснулась в торжественном салюте, произведенном из 101 орудия.

В донесении Екатерине II (от 16 октября 1790 года) он славил и благодарил Бога за «презнаменитую победу». Это была отнюдь не фигура речи, а выражение огромной радости и облегчения в связи со счастливым ис-

²⁰⁷ Вообще, при всем том, что черкесы и турки были единоверцами и союзниками, реальное общение между ними складывалось порой совсем не дружеским образом.

²⁰⁸ Батал-паше, судя по всему, не пришлось сожалеть о своем пленении. Он не захотел возвращаться в Турцию и провел в России девять лет — похоже, не самых несчастных в его жизни. За это время турецкий генерал научился бегло говорить по-русски и полюбил пленившую его страну. Во всяком случае, покидал он ее (июль 1799 года) со слезами на глазах. Кстати говоря, отца Батал-паши анатолийского генерал-губернатора Хаджи-Али-Бей подозревали в тайной приверженности православной вере.

²⁰⁹ «Победа Германа, — писал В. А. Потто, — навсегда останется памятной историей Кавказа. Она рассеяла страшную тучу, собиравшуюся над нами...».

²¹⁰ В рапорте генерал-майору С. А. Булгакову Герман также не забывает сказать, что он «надеялся на помощь Божию».

ходом битвы, перспектива успеха в которой казалась, по меньшей мере, неочевидной.

Победа, истолкованная во многом, как благословение Всевышнего, приобретала особое значение в свете ее потенциальных последствий. О ней, писал Потемкин, «чем более рассуждается, тем она важнее становится. Разбита армия турецкая, в сорока тысячах состоящая, и с множеством присоединившихся закубанцев. Исчезла надежда, которою они ласкались в том краю, усмирились народы, ими взбунтованные, и хитрый план операций, от враждующей державы им данный, исчез как дым».

В Георгиевске, куда вестовой доставил от Германа известие о «разбитии Батал-паши», отказывались верить этому: настолько было очевидно неравенство сил.

Личная роль Германа в сражении признается историками едва ли не решающей. Но если кто-то захочет сам проверить обоснованность такой оценки, то должен будет учесть, что более бесполезного для этой цели источника, чем рапорты Германа, не сыскать. Так, в донесении С. А. Булгакову от 8 октября 1790 года он писал: «Одержанье победы и истребление столь сильного и важного для здешней границы неприятеля я на себя взять не могу: мне помощников и усердных слуг много было».

И дальше рисуется картина сражения, которое управлялось не единой мыслью, планом и волей командующего, а обстоятельствами, мало-помалу складывавшимися против турок благодаря героизму, находчивости, стремительности, отменной слаженности действий — всему тому, чем так ярко блистали «помощники» Германа.

Его донесение не похоже на стандартный, военно-канцелярский, обезличенный документ. Он нарочито персонифицирован, одушевлен. Герман не столько *докладывает* о сражении языком формального отчета, сколько *рассказывает* о нем, по существу описывая подвиги своих подчиненных на всех участках поля битвы, включая даже те, где проявить себя геройски, по объективным причинам, было трудно и где вся заслуга офицера и его подразделения состояла в строгом выполнении приказа — стоять в тыловом месте в полной готовности к защите вагенбурга. Генерал поименно перечислил более семидесяти своих соратников, найдя для каждого из них слова похвалы.

Герман не забыл никого. Кроме самого себя... Именно этим его доклад резко отличался от некоторых аналогичных документов, имевших целью подробным, но освобожденным от имен собственных, повествованием «ненавязчиво» указать на главного героя сражения — автора репортажа.

Быть может, еще и поэтому неожиданный триумф Германа произвел сильное впечатление на Екатерину II. Ему был пожалован орден Св. Георгия и 500 душ в Полоцкой губернии.

Пожалуй, самую безошибочную оценку исторической значимости победы над армией Батал-паши дала народная память, в которой сохранился долгий след от этого события в виде устных преданий и местных топонимов.²¹¹

* * *

Сражение на реке Тохтамыш предрешало многое, но не все. Пройдя около 450 верст от Анапы до границы Кабарды, Батал-паша, как опытный полководец, оставил за собой коммуникационную линию, проходившую вдоль левого берега Кубани. Там находились интендантские склады и крупные воинские резервы, состоявшие в основном из горского ополчения, которое, согласно источникам, насчитывало 15 тысяч всадников.

Это обстоятельство, даже после победы Германа, вызывало у русского командования обоснованную тревогу. Значительная часть османского войска уцелела²¹² и перешла под руководство Мустафа-паши, двухбунчужного генерала, соратника Батал-паши. Он привел разбитые войска в относительный порядок и начал отступать к Анапе той дорогой, где он мог рассчитывать на продовольственную и военную помощь. Чем было чревато такое «отступление» для общей ситуации в Закубанье, не знал никто.

Чтобы лишний раз не испытывать судьбу, князь Потемкин предписал Розену, стоявшему с войсками неподалеку от будущего Екатеринодара, переправиться через Кубань, уничтожить расположенные в черкесских аулах базы противника и перекрыть ему дорогу к отступлению.²¹³

Операция началась 3 октября и продолжалась ровно месяц. За это время практически вся территория между реками Пшекупс (на западе) и Белой (на востоке), включая ущелья, образуемые отрогами Главного Кавказского хребта, подверглась разорению. Были уничтожены огромные запасы хлеба и фуража, большей частью предназначенные для турок.

Поначалу черкесы (в основном бжедужи, темиргойцы и абазины) оказывали сопротивление. Оно было мужественным и отчаянным, но плохо

²¹¹ Современный город Черкесск на Северном Кавказе до 1934 года назывался Баталпашинском и вырос на месте одноименного редута, сооруженного в 1804 году, а затем — в 1825 году — преобразованного в станицу.

²¹² Напомним, что на Тохтамыше у Батал-паши было 18 тысяч собственно турецких воинов и 15 тысяч черкесских конников. Его потери, судя по имеющимся описаниям хода сражения, не могли превышать русские в несколько десятков раз. А если так, то минимум две трети личного состава корпуса осталось в более или менее боеспособном состоянии, не говоря уже о горской кавалерии, которая могла не только стремительно атаковать, но и быстро ретироваться в случае неудачи. Преследовать ее было бесполезно.

²¹³ Есть, впрочем, еще одна версия, касающаяся причин экспедиции Розена. Согласно ей, в момент, когда генерал переходил через Кубань (3 октября), он думал, что перекрывает неприятелю *пути наступления* в Кабарду. К этому времени Батал-паша уже потерпел поражение. Узнав об этом событии лишь через 19 дней, Розен понял, что теперь у него другая задача — стеречь врага *на путях его отступления*.

организованным. Несмотря на численное превосходство горцев, Розен шел вперед довольно быстро. Применявшаяся против него тактика строилась на использовании рельефа местности. Театр боевых действий представлял собой сложный ландшафт: леса, холмы, овраги, предгорья, ущелья. Зачастую главной проблемой становились стремительные и очень коварные горные речки, переправа через которые стоила огромных усилий. Именно здесь черкесы готовили засады, и именно здесь русские несли потери.

Войска Розена столкнулись и с другим излюбленным приемом горцев: пропустить неприятеля к пункту назначения, а на обратном пути запереть его в каком-нибудь ущелье и истребить. Однако русские командиры, уже поднабравшиеся опыта ведения горной войны, научились либо не допускать таких ситуаций, либо находить выход из них.

Многие из русских офицеров фактически предлагали перенимать у горцев их изощренное искусство применения военных хитростей, используя разнообразие рельефа: «горы, леса, долины, тесные проходы», а не искать равнину для «классического» сражения. Некоторые даже были не прочь прихвастнуть своей способностью быстро схватывать новое и привыкать к нему как к скучной рутине: «образ тамошней войны мне уже стал слишком известен».

До определенного времени Розен не знал, где находится армия Батал-паши, появления которой он, по-видимому, ожидал с запада. Но 19 октября, прибыв на реку Пшиш, русский генерал столкнулся с отступавшими (с востока) частями османского корпуса. Тут ему и стало известно от захваченных пленных о поражении Батал-паши.

Задача Розена менялась: раньше он думал о том, как не пропустить врага к границам Кабарды, а теперь — о том, как не дать ему уйти обратно в Анапу. Для перехвата отступавших турок и черкесских ополченцев были высланы летучие отряды, встречавшие ожесточенный отпор, но в конце концов выходявшие из схваток победителями. (Общие потери Розена в этой экспедиции: убито 40 и ранено 97 человек, один пропал без вести.) Правда, какой-то (возможно, значительной) части корпуса Батал-паши удалось спастись и добраться до Анапы.

Весть о разгроме турок на реке Тохтамыш и о пленении их главнокомандующего произвела на горцев деморализующий эффект. Отныне у Розена уже не было особых хлопот. Спротивление быстро пошло на убыль. Темиргойские, абазинские и ногайские вожди явились к генералу в лагерь с изъявлением покорности и просьбой принять их в российское подданство, в подтверждение чему были выданы аманаты. Розен незамедлительно удовлетворил эти ходатайства, не вдаваясь в выяснение отнюдь не праздного, но в тот момент второстепенного, вопроса о степени их искренности. Бо-

лее 29 тысяч ногайцев по их просьбе были переселены с левого, черкесского берега Кубани на правый, официально считавшийся территорией России.

Поражение Батал-паши оказало психологическое воздействие на анти-российски настроенную (то есть большую) часть кабардинских князей. Для них это послужило острасткой, заставившей отказаться от откровенно враждебной политики в отношении России. Вопрос о массовом восстании против нее был снят с повестки дня, не потому что кабардинская знать воспылала симпатией к Петербургу.

Дело в другом. В принципе, единой политической повестки дня в Кабарде никогда и не существовало. Ей неоткуда было взяться в условиях отсутствия общенациональной идеи, непреодолимой междоусобной вражды и хаоса, носивших сходство с состоянием, которое в более развитых социумах именовалось «гражданской войной». В 1787–1791 годах такая ситуация лишь усугубилась, став не только кабардинской проблемой.

* * *

Бурные события 1790 года на Северном Кавказе оставили в истории длинный след из имен собственных и подробных сведений о деяниях людей, руководивших или просто принимавших участие в боевых действиях. Но среди них опять нет Шейх-Мансура,²¹⁴ что возвращает историка к уже традиционному для данного контекста вопросу: почему?

Его постановка на этот раз напрашивается с такой же неотвратимостью, с какой рождается другой вопрос — когда еще османам могла понадобиться помощь знаменитого горца, если не в период подготовки и осуществления самой важной, решающей операции на кавказском фронте русско-турецкой войны? Где тот более подходящий для них случай, на который стоило бы приберегать Мансура?

Почти непроницаемый флер тайны добавляет этому периоду жизни нашего героя тот факт, что после его отъезда из Чечни и появления в Черкесии, а затем в Анапе он, казалось бы, попал на хорошо освещенную историческую сцену, где каждый его шаг должен был бы быть на виду у современников. Но все они почему-то молчат. Неужели им нечего сказать о человеке, еще не так давно внесшем небывалое смятение в ряды русских войск на Северо-Восточном Кавказе? Не потому ли не слышно о Мансуре, что апогей его славы остался там, в глухом ичкерийском ущелье, где был разбит незадачливый Пьери?

Эти вопросы запутываются в тугой узел еще одним загадочным обстоятельством. В январе 1790 года С. А. Брянчанинов, исполнявший должность Кавказского наместника (по гражданской части) после П. С. Потемкина, по-

²¹⁴ Больше того, есть книги о русско-турецкой войне 1787–1791 гг., где Мансур не упоминается вообще.

лучил сведения о том, что в Оренбуржье среди киргиз-кайсаков (так в русских источниках называли казахские племена) объявился «какой-то магометанин, именовавший себя пророком Ших-Мансуром», посланным будто бы Аллахом защитить правоверный народ от русских. Он рассылал влиятельным киргизским родоначальникам свои «святые письма» и подговаривал их «во имя Бога» к восстанию против России.

Хотя у Брянчанинова были сомнения по поводу достоверности этой информации, он полагал, что «в рассуждении нынешнего времени (войны с Турцией. — *В. Д.*) и поощрения от Порты Оттоманской, без надлежащего примечания оставить онаго не должно».

Он счел необходимым обратить на это внимание генерал-майора А. А. Пеутлинга, замещавшего в 1790–1792 г. О. А. Игельстрома на посту Симбирского и Уфимского генерал-губернатора. Брянчанинов руководствовался не только простым служебным долгом: он опасался распространения волнений в сторону вверенных ему Астраханской и Кавказской губерний.

Пеутлинг имел свои, если так можно выразиться, личные резоны воспринять предупреждение коллеги со всей серьезностью. Ведь это был тот самый Пеутлинг, который еще в 1785 году, служа на Северном Кавказе, едва ли не первым сообщил П. С. Потемкину (в письме от 17 марта 1785 года) о появлении Шейх-Мансура и привел свои войска в повышенную боевую готовность. Он наблюдал движение на начальных этапах его развития, видел, как «лжепророк» ставил на службу идее священной войны социальную организацию, обычаи и нравы горцев.

Вскоре Пеутлинг был переведен в Южное Поволжье, где он, конечно же, обнаружил черты сходства общественного устройства местного населения с тем, что ему доставляло столько хлопот на Кавказе.

Соседствовавшие с Симбирской и Уфимской губерниями киргиз-кайсаки совершали постоянные набеги на эти территории, грабили мирных жителей, торговые караваны, в 1785 году дерзнули даже захватить в плен небольшой русский отряд вместе с командиром секунд-майором Рештейнером. Защиту от этих набегов и предупреждение их разными средствами, в том числе цивилизаторской работой, Екатерина II вменяла едва ли не в первую обязанность местных властей.

Императрица опасалась соединения киргиз-кайсацких «шалостей» с какой-то организующей внешней идеей, наполненной социально-религиозным, а значит, непременно антироссийским, антигосударственным содержанием. Она хорошо помнила ситуацию в Поволжье во время пугачевского бунта и, безусловно, учитывала недавние события, связанные с деятельностью Мансура в типологически весьма схожей с поволжской северокавказской патриархально-родовой среде.

С началом войны 1787–1791 годов к этим опасениям прибавился страх перед возможностью участия османских агентов в провоцировании массовых выступлений против России на основе единовременной солидарности. Отсюда — адресованный региональным властям наказ Екатерины II «иметь самоприлежнейшее надзирание, чтоб в тех (окраинных и пограничных. — В. Д.) народах не могли случиться каковые либо неприязненные нам подсылки и вредные внушения».²¹⁵

Рассматривая сохранение «тишины и всевозможного порядка» как единую для имперских окраин проблему, государыня настоятельно предписывала О. А. Игельstromу поддерживать постоянную связь с военными и гражданскими властями на Северном Кавказе, чтобы «в случае нужды подать всемерное пособие к удержанию спокойствия и безопасности внутренней».

При наличии таких указаний замещавший Игельstromа Пеутлинг, естественно, не мог игнорировать полученную от Брянчанинова информацию и «не упустил принять нужные меры» предосторожности. Но и без высочайших инструкций у него были все основания насторожиться. Кавказский опыт подсказывал, что это не суетные опасения: поволжская «почва» выглядела вполне заманчиво и для самого Шейх-Мансура, и для любого другого проповедника его идей.

Поэтому вопрос — кто этот таинственный «Ших-Мансур», объявившийся в оренбургских краях в начале 1790 года, вставал в отнюдь не праздном виде.

Брянчанинов, судя по всему, склонялся к мысли (во всяком случае, не исключал ее), что речь идет об «известном лжепророке Мансуре».

Находившийся с 1790 года в Петербурге Игельstrom, от которого Екатерина II потребовала срочного расследования дела, в принципе, тоже допускал это, но с меньшей долей вероятности, полагая скорее, что возмутительные воззвания среди киргиз-кайсаков распространял от имени Шейх-Мансура кто-то другой.²¹⁶

Мог ли имам или его воззвания проникнуть за Волгу? В самом таком факте нет ровным счетом ничего сверхъестественного. В том числе с точки

²¹⁵ «Наблюдая ж однако, — оговаривалась Екатерина, — чтоб тут напрасные прицепки, притеснения и другого рода злоупотребления места иметь не могли».

²¹⁶ Вместе с тем Игельstrom считал тревогу, поднятую Брянчаниновым, явно раздутой, поскольку «оние письма не дошли до рук киргизских старшин», а если бы и дошли, то не имели бы никакого воздействия. Генерал-губернатор обосновывал свою уверенность тем обстоятельством, что у киргиз-кайсаков «нет всеобщего стремления к единому предмету» по причине полного отсутствия единодушия внутри них. Единственное, на что они остаются «поползновенными», это «воровства и грабительства». Кроме того, он почему-то свято верил в результативность своего приказа объяснить потенциальным бунтовщикам, что «все внушения Шиха-Мансура противны закону Магометанскому и устраивают им гибель, вместо благодетствия». Возможно, самый главный довод Игельstromа основывался на военно-оперативных соображениях: на пути предполагаемого распространения волнений в сторону Астраханской и Кавказской губерний было несколько непреодолимых для киргиз-кайсаков заслонов в виде системы русских укреплений.

зрения хронологических сопоставлений. Именно в данное время и позже Мансура нигде на Кавказе не видно. В течение по меньшей мере двух лет, прошедших с момента исчезновения имама из поля зрения современников (рубеж октября—ноября 1787 года, когда источники фиксируют его последнее достоверное деяние), он мог оказаться где угодно, почему бы не у киргизкайсаков? Но на вопрос — был ли Мансур у них на самом деле — ответа, похоже, не существует.

Впрочем, опять-таки гипотетически допустимо предположение, что имя и идеи Мансура, как это не раз случалось в истории с харизматическими персонажами, могли породить феномен самозванчества. Если «Ших-Мансур», о котором писал Брянчанинов, не миф и не чья-то заведомая выдумка, то весьма вероятно, что искушение назваться этим именем овладело каким-нибудь одаренным местным подстрекателем, краем уха слыхавшим о северокавказском «пророке» и решившим использовать его образ в своих целях.

Как бы там ни было, данный сюжет придает образу Шейх-Мансура еще более мистическую окраску.

Глава 16

ТРЕТЬЯ АНАПСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (1791 ГОД): ПОБЕДА, РОЖДЕННАЯ ПОДВИГОМ И УДАЧЕЙ

Военные победы России на Кавказе в 1790 году могут показаться несколько неожиданными, поскольку добыты они были в условиях формального и фактического отсутствия единого командного центра управления русскими войсками на Кубани. Равные по чину и по полномочиям генералы, которым была вверена оборона южных границ России, порой даже не знали местоположения друг друга на данный момент.

Это давало свободу действий, но и налагало особую ответственность: взвешивать степень риска и масштабы расплаты за неудачу приходилось каждому в отдельности, без права прикрыться спущенными сверху инструкциями, которых, по сути, и не было. Возможно, благодаря именно этому Герман взял на себя смелую инициативу и выиграл.

Выиграл сражение, но не войну. Впереди предстояла еще большая работа по принуждению к миру вполне боеспособной и не оставившей мысль о реванше Османской империи.

Обстановка в Европе из-за начавшейся во Франции революции давала Порте хорошие шансы обернуть противоречия между великими державами в свою пользу. Шансы эти выросли еще больше, когда Австрия (находившаяся в союзе с Россией) потерпела от турок унижительное поражение (1790 год) и вынуждена была согласиться на заключение мира. Заметную роль сыграло также давление, оказанное на Вену Англией, которая и сама не исключала перспективу ввода своего флота в Черное море для помощи Порте. Крайне подозрительно вела себя Пруссия, сосредоточившая на западных российских границах 80-тысячную армию.

Стамбул, ободренный тем, что Россия осталась без австрийского союзника, внес коррективы в свою стратегию. Заняв оборонительные позиции на Дунае, османские войска стали готовиться к захвату Крыма и Кубани. И хотя 1790 год закончился для них неудачно, реваншистские настроения сохранились.

Пока Анапа оставалась в руках у турок, они и не думали складывать оружие, справедливо считая эту крепость надежным плацдармом и для обороны, и для контрударов. Она, кроме того, являлась не только символом, но и реальным оплотом османского политического, экономического, культурного влияния на Северном Кавказе.²¹⁷ Горцы видели в Анапе окно во внешний мир, необъятный, сказочный, манящий. А теперь у нее появилась еще и репутация бастиона, о который дважды разбились волны русского нашествия.

Анапа, таким образом, вновь становилась узловым пунктом войны и политики на Кавказе, ставя перед Турцией и Россией диаметрально противоположные задачи, в одном случае упрочить эту точку опоры, в другом — уничтожить ее, чтобы она, как писал П. Г Бутков, не подавала местным народам «обманчивые надежды».²¹⁸

Решать проблему Анапы с помощью таких, пусть и разных по результатам, импровизаций, как поход Бибикова, с одной стороны, и экспедиции Германа и Розена — с другой, было абсолютно недопустимо. На повестке дня стоял вопрос о крупной военной операции, требовавшей небывалой по основательности подготовки, осуществить которую можно было только при наличии единоначалия.

В конце января 1791 года в Георгиевск прибыл новый командующий русскими войсками на Кавказе генерал-аншеф И. В. Гудович, человек, сочетавший в себе храбрость, опыт, блестящие способности, дополненные тягой к порядку и основательности. Ему было приказано употребить особое старание «к открытию самой ранней кампании на Анапу, дабы истребить сие гнездо турков, положить навсегда предел беспокойствам, которые Порта, подкупая и подущая закубанцев, в том крае производила».

Актуальность такой установки становилась очевидной с каждым днем. В Анапе было сконцентрировано 10 тысяч османских войск под руководством Мустафа-паши и 15 тысяч черкесов и ногайцев. Крепость располагала 83 пушками и 19 мортирами. Шла бойкая работа по укреплению фортификационных сооружений. Для защиты подступов с моря в анапской бухте

²¹⁷ Султан Селим III назвал Анапу «ключом азиатских берегов Черного моря».

²¹⁸ Даже такой автор, как Д. П. Бутурлин, не замеченный в особом интересе к событиям на Кубани, признает, что в 1791 году этот театр войны, вместе с Анапой, выходит на первый план.

стояли специальные мелководные суда, вооруженные артиллерией. Накапливались запасы продовольствия и боеприпасов.

Моральный дух защитников Анапы и живших в ее окрестностях горцев был высок. Тут, видимо, предпочитали вспоминать о победе над Бибиковым, а не о поражении Батал-паши. Султан Селим III всеми силами старался поддерживать такие настроения. Он прислал в Черкессию предназначенный для широкого разглашения манифест, грозивший разлучением с женами и детьми всем тем, кто останется безучастным в священной войне против русских гяуров.

В развитие темы газавата Мустафа-паша извещал горцев, в первую очередь кабардинцев, об огромном турецком войске, готовом к выступлению, обещал деньги и требовал от наиболее влиятельных владельцев аманатов в залог верности к Порте.

Это происходило в начале 1791 года. Именно тогда в исторических документах вновь появилось имя Мансура в связи с сообщениями о письме, посланном им из Анапы к кабардинцам и народам Северо-Восточного Кавказа.

Там говорилось: «Изъявляю вам искреннее почтение мое и советую очистить сердца ваши от пороков и ходить путем истины, по закону Божию. Старайтесь ополчаться против незаконных и мужественно наносите им вред. Я знаю достоверно, что война русских уже страшит; собираю теперь силы; ожидаю прибытия сюда войск правоверных и, с ними соединясь, предприиму наступление на русских. Не бойтесь угроз их. Настало уже время ослабления незаконных и торжества мусульманов».

С этого момента можно с большой долей вероятности утверждать, что Мансур находится в Анапе, где он не слишком удовлетворен своим бездействием и своим статусом то ли союзника, то ли заложника турок. Цитированное его письмо — это, скорее всего, стремление напомнить о себе, выбрать для себя более внятную роль в грядущих событиях, хотя на фоне тогдашних обстоятельств оно выглядит не более чем подручным элементом в османской пропаганде.

«Воскресение» Мансура, конечно, не было для Гудовича проблемой номер один, но оно создавало дополнительные трудности, заставляя в ходе подготовки новой анапской экспедиции учитывать высокую вероятность живого отклика черкесов на призывы имама. В. А. Потто писал, что присутствие Мансура, «по его влиянию на умы мусульман, могло заменить собою не одну тысячу войска».

Поэтому не вполне прав Н. Ф. Дубровин, писавший с оттенком укоризны, что Гудович готовился «медленно».²¹⁹ Уместнее было бы сказать — «готовил-

²¹⁹ Некоторым подчиненным Гудовича также не нравилась его методика подготовки операции.

ся основательно», имея на то тем большие резоны, что две предыдущие попытки взять Анапу провалились. Из них требовалось извлечь все возможные уроки, включая недооцененную потенциальную роль черкесской военной помощи туркам.

Твердо решив исповедовать именно такой подход к делу, Гудович прежде всего отказался, в отличие от Бибикова, играть в рулетку с капризным кубанским климатом. Три с лишним месяца командующий ждал установления необратимо теплой и сухой погоды. За это время были накоплены внушительные силы: 19 батальонов пехоты, 54 эскадрона кавалерии, 3400 казаков. Армейский организм был приведен в образцовый порядок во всех своих звеньях. Гудович лично проверял состояние войск до деталей, строго наказывая своих подчиненных за малейший недосмотр.²²⁰

Гудович этим не ограничился. Место будущей переправы (так называемой Талызинской) через Кубань он оборудовал как крупный, хорошо охраняемый интендантский магазин и соединил его двумя коммуникационными линиями с Центральным Кавказом и с Ейским укреплением. Всего на охрану коммуникаций было отряжено «до 2050 штыков и сабель».

В том, что лишних предосторожностей не бывает, когда имеешь дело с горцами, командующий быстро убедился на собственном опыте. Понтонный мост через Кубань Гудович предусмотрительно строил под прикрытием артиллерии и расположившегося по обоим берегам реки пехотного батальона. Но это не помешало черкесам разрушить понтоны хитроумным способом — с помощью пущенных по течению больших сучковатых бревен.

29 мая 1791 года экспедиционный корпус общей численностью 18 300 человек перешел Кубань и двинулся на Анапу. Они имели 40-дневный запас продовольствия, 52 орудия и 90 штурмовых лестниц (чего не было ни у Текелли, ни у Бибикова).

Шли быстро. Многочисленные речки, встречавшиеся на пути, уже (после двух предыдущих экспедиций) были нанесены на военно-топографические карты и не представляли неожиданности. Тотчас наводились заранее заготовленные гати и мосты для переправы.

5 июня войска достигли черкесского аула Адалы, находившегося в одном переходе от Анапы. Здесь Гудович дал им трехдневный отдых. 9 июня русские продолжили наступление и в тот же день подошли к крепости на расстоянии 4–5 верст. Там, при переправе через небольшую речку, они были атакованы несколькими тысячами черкесов. Атаку отбили, но стало ясно, что оборонять Анапу будут не только турки.

²²⁰ Среди офицеров чувствовалось недовольство этим, как им казалось, избыточным педантизмом.

Гудович, обозрев крепость, быстро понял и другое: описания, составленные в свое время Текелли и Бибиковым, устарели в малоприятном для русских смысле. Опытный глаз полководца легко обнаружил существенное усиление оборонительного профиля Анапы, включая корабли, выстроившиеся на рейде в боевом порядке.

Результаты даже беглого обследования привели Гудовича к не слишком вдохновляющему заключению о том, что это — крепкий орешек и овладение им обойдется недешево. Тем большую тщательность пришлось проявлять генералу при подготовке штурма.

Командующий расположил свои войска так, чтобы можно было успешно отражать фланговые и тыловые удары противника. Особое внимание уделялось установлению контроля за пространством между Анапой и ближайшими лесистыми холмами, откуда черкесы (натухайцы и шапсуги) в любой момент могли обрушить свои молниеносные атаки. Их преимущество, как писал Гудович, заключалось в том, что «с гор всякий мой шаг виден был».

12 июня Гудович начал закладку трех батарей на 32 орудия. Противник, стремясь помешать, ответил мощным огнем крепостной артиллерии, сопровождаемым постоянными вылазками турок, с одной стороны, и горцев — с другой, в попытках окружить русские войска.

Гудович успешно сдерживал этот натиск и продолжал методичную работу по организации штурма. Через неделю (19 июня) батареи были приведены в боевое состояние и открыли огонь по крепости. Одновременно прицельными залпами были подавлены корабельные орудия на османских судах, которым пришлось покинуть ближний рейд и отойти на безопасное расстояние. В результате непрерывного обстрела, длившегося весь день и всю ночь с 19 на 20 июня, город подвергся значительным разрушениям. Сгорело много домов, в том числе штаб-квартира Мустафа-паши.

Гудович рассчитывал на деморализацию неприятеля, всячески стараясь избежать кровопролитного штурма. В какой-то момент ему показалось, что дух защитников Анапы сломлен. Генерал прекратил огонь и 20 июня в 8 часов утра послал к Мустафа-паше офицера с предложением о почетной капитуляции, гарантируя свободный выход из крепости гарнизона и мирных жителей. В противном случае Гудович обещал Анапе участь Измаила. Мустафа-паша, как утверждают источники, готов был согласиться. Для этого у него имелись весомые причины, вытекавшие из конкретного военно-оперативного анализа возможности выстоять. Но все они, в конечном счете, объединялись осознанием одного, самого важного факта: не для того русские в третий раз пришли к Анапе, чтобы вновь уйти не солоно хлебавши. Искупление двух предыдущих бесславных попыток стало делом принципа. Непроглядный дым пожаров и град ядер, обрушившийся на крепость, лишней раз напоминали об этом.

Мустафа-паша не был ни трусом, ни фанатиком. К войне он относился вполне профессионально, как к организованной государствами игре — кровавой, но с определенными правилами. Они вовсе не запрещали полководцам подчиняться безвыходным обстоятельствам, в том числе для сохранения жизни своих солдат, и не обязывали их искать героическую смерть.

Этими правилами не стеснялись руководствоваться османские генералы, сдавшие за 1787–1790 годы около десятка крепостей, посчитав их оборону невозможной. Штурм Измаила был скорее исключением, стоившим туркам громадных жертв. Однако и там несколько человек из высшего командного состава предпочли русский плен гибели.

Все это морально облегчало для Мустафа-паши принятие решения о капитуляции. И он, вероятно, принял бы его, если бы в крепости не было Мансура, который придерживался более взыскательных представлений о воинской доблести. Имам категорически настаивал на сопротивлении.

Возникает логичный вопрос: почему именно за ним, а не за командующим анапским гарнизоном осталось последнее слово? Не потому ли, что Мансур действительно «господствовал над умами народа», как писал Бутков? Весьма вероятно, ибо в экстремальных ситуациях упраздняются привычные, в том числе иерархические, взаимоотношения между людьми, уступая место другим психологическим законам. Дух взял верх над чином. Имам взял верх над генералом.

Мансур возвысил знамя священной войны. Возвысил над обыденностью, над рациональными соображениями, над страхом. И перед этим напором отступили все, одни — чтобы устоять перед врагом, другие — чтобы уйти в лучший мир достойно.

Для «пророка» настал звездный час, которого он ждал, быть может, всю свою жизнь. Ждал, когда терпел одно поражение за другим в Чечне и Дагестане. Когда, всеми покинутый, скитался в поисках спасения. Когда совершал переход в Черкесию, чтобы потерять почти все свое войско при первой же встрече с русскими. Когда томился от долгого бездеятельного сидения в Анапе.

Теперь настала пора либо поквитаться с судьбой за неудачи, либо покориться ей. Одного Мансур не хотел точно — выйти из своего постылого пристанища под конвоем гяуров и закончить свой жизненный путь в русском плену.

Выстоять под давлением человека с такой мотивацией и с такой нравственной энергией, не потеряв себя в глазах защитников крепости, Мустафа-паша не мог. Ему пришлось умыть руки. С этого момента Анапу обороняли воля и дух Мансура. Ответом на предложение Гудовича были пушечные выстрелы вослед возвращающемуся русскому парламентеру.

Штурм Анапы перестал быть вопросом выбора. Большим вопросом, однако, оставалась степень вероятности успеха и его цена. Как Бибииков год назад не был фатально обречен на катастрофу, так и Гудович не имел никакой гарантии на победу. Фактор времени работал на турок. Рассчитывать на то, чтобы взять их измором, не стоило: продовольствия у них, в отличие от русских, хватало вдоволь. Еще не все потенциальные ресурсы укрепления обороноспособности Анапы были исчерпаны.

Между тем Гудович не располагал ни осадной артиллерией, ни инженерными частями, а компенсировать их отсутствие можно было только внезапностью атаки с использованием максимально возможного количества войск, готовых на любые жертвы.

Штурм «ва банк» представлял собой тем больший риск, что турок уже нельзя было застать врасплох. Что касается превращения всех имевшихся у Гудовича сил в штурмующие колонны, то такая мобилизация опасно оголила бы тылы и таила фатальные последствия, учитывая крупные скопления черкесов в ближайших лесистых холмах, ждавших от русских малейшей ошибки, чтобы молниеносно нанести разящий удар. Пока же они занимались тем, что постоянно тревожили противника то здесь, то там, чиня ему серьезные помехи во всем, включая добывание фуража.

Одним словом, с каждым днем потенциал обороны сокращал потенциал наступления. Мысль о том, что эта тенденция грозит принять критический характер, крайне обеспокоила Гудовича после получения известия о возможности скорого прибытия в Анапу османского флота (32 корабля) с десантами.

Данное обстоятельство повышало вероятность провала штурма и повторения в еще худшем варианте ситуации, в которую попала экспедиция Бибиикова. Гудович откровенно признавал, что «в стране неприятельской, в стане, окруженном со всех сторон или морем, или врагами», это реально.

Игра на опережение приобретала для генерала особый, безальтернативный и драматический смысл. Оставалось, как писал сам Гудович, надеяться «на милость Божию».

Впрочем, была еще одна великая сила, на которую уповал Гудович. Имя ей — русский солдат, мужественный, терпеливый, всегда готовый к героическим поступкам, но не всегда знающий им цену. Он жил в подвиге так же, как подвиг жил в нем. Такой способ сосуществования носил будничность характер и не ассоциировался с чем-то исключительным. Жизнь вблизи смерти и в постоянном преодолении страха через тяжкий ратный труд была для русского воина настолько повседневной частью бытия, что он никогда и не подумал бы назвать ее героизмом.

Весь день 21 июня прошел в приготовлениях к штурму, морально-психологическому предварению которого придавалось особое значение. Гудович

объезжал войска, стараясь ободрить их своей уверенностью в победе. Генерал не только воодушевлял солдат призывами представить себе «всю славу успеха», когда он будет достигнут, но и предупреждал их об отсутствии выбора между победой и поражением, ибо последствия неудачи, если вдруг она случится, трудно даже вообразить.

Нужны ли были такие страдания и сыграли ли они какую-нибудь роль — остается лишь гадать. Вне сомнения другое: организационно-техническую подготовку штурма Гудович, несмотря на спешку, произвел исключительно профессионально.

Войсковые части были рассредоточены так, чтобы обеспечить максимально быстрое и эффективное взаимодействие между ними в условиях, когда любая неожиданность могла обрушить весь русский план сражения и потребовать срочных корректив. Чтобы не дать такой ситуации застать себя врасплох, Гудович позаботился о мобильных резервах, готовых оказать скорую помощь на проблемных участках атаки. Ну и, конечно, он постарался высмотреть в системе неприятельской обороны наиболее уязвимые места, куда и направил свой главный удар.

Штурм начался на рассвете 22 июня. Ему предшествовала артиллерийская подготовка, под прикрытием которой русские войска вплотную приблизились к крепости.

Гарнизон и жители Анапы оказали мужественное сопротивление. «Штурм, — писал Гудович, — был жестокий и кровопролитный; неприятель, не имея никакого убежища кроме Черного моря, оборонялся отчаянно, имея больше нежели втрое против атакующих войска, за глубоким и широким рвом, одетым камнем. Пять часов продолжался жестокий ружейный и картечный огонь, и победа была сумнительна». Это подтверждают рядовые участники событий, один из которых вспоминал: «Дрались с обеих сторон с необычайной лютостью».

Атакующих расстреливали пулями и картечью почти в упор. Сразу же вы были из строя командиры трех из пяти штурмующих колонн. Первая атака на правый, относительно слабый фланг обороны противника захлебнулась. Та же участь постигла 5-ю колонну генерала Шица, наступавшую на левый, более укрепленный фланг. Лишь 4-й колонне полковника Самарина удалось выполнить свою задачу — взять подъемный мост, однако ей тут же пришлось идти на выручку другим.

Турки, черкесы и ногайцы дрались храбро и умело. Некоторым подразделениям, овладевавшим каким-то участком крепостного вала, не удавалось развить успех, поскольку некому было взять на себя руководство боевыми действиями: командиры погибали или выбывали из строя, не успевая сменивать друг друга.

Ожидал такого начала Гудович или нет, но ему сразу же пришлось вводить в бой все резервы. Риск был колоссальный, поскольку никаких других козырей, кроме уже выложенных на стол, у командующего больше не оставалось.

Весы судьбы замерли в хрупком равновесии, готовые в любую минуту склониться в пользу турок. Тень беды, нависшая над русскими войсками, сгустилась еще сильнее, когда 8 тысяч черкесов ринулись с окрестных высот и дружно ударили по тылам наступавшей армии и по вагенбургу, внутри которого находились все продовольственные и боевые припасы.

Не учти Гудович этой возможности заранее и не оставь он в том пункте особый отряд генерал-майора Загряжского, горская атака, вполне вероятно, предрешила бы печальный для русских исход дела.²²¹ Позже, оценивая этот момент, командующий писал: «Во всю мою жизнь не находил я себя в таком критическом положении».

Этим критическим положением Гудович был обязан одному человеку — Мансуру. В смертельной игре с русским генералом имам взвинтил ставки до предела, поставив на карту нечто большее, чем свою жизнь. Свое имя, свою честь, свое место в истории, наконец. Имам не оставил для себя ничего среднего между победой над гяурами и мученической гибелью за веру.

Когда готовился штурм Анапы, Мансур был в центре оборонительной работы, и физической, и моральной. Но как только грянула русская канонада и полки неверных пошли на приступ, он, хотя и руководил военными действиями, в сущности, решал уже не военные проблемы, а разбирался с самим собой, выяснял почти как герой Достоевского, но на свой, горский манер, вечный вопрос, «кто я, на что способен и чего стою».

Скорее всего, именно так настраивался Мансур на этот, быть может, последний, самый строгий экзамен в своей жизни. Он не торопился умирать, но смерти не боялся. Вверив себя Аллаху, имам неистово бросился в самое пекло выполнять свой долг перед теми, кто верил в него и готов был идти за ним до конца. Он хотел вымостить себе дорогу в рай земным подвигом во славу идеалов священной войны и переступить порог Вечности со словами: «Я сделал все, что было в человеческих силах».

Гудович моментально почувствовал настроение противника — по ожесточению, о которое разбились первые волны русских атак. Он ничего не преувеличивал, когда говорил, что судьба всего экспедиционного корпуса висела на волоске. Военные специалисты знают, каково это — подчистую задействовать все имеющиеся резервы на самой ранней стадии сражения при полной неясности перспектив.

²²¹ Возможность такой перспективы, в случае оголенности этой части русского тыла, не отрицает даже В. А. Потто, описывавший штурм Анапы в победно-панегиристическом и не вполне объективном тоне.

У Гудовича не было времени на размышление об источнике той энергии сопротивления, которая вынудила его сделать это едва ли не в первые минуты штурма.

Теперь оставалось ждать — хватит ли введенных в дело сил на то, чтобы переломить ситуацию или, называя вещи своими именами, спасти ее. Если не хватит и наступающие войска выдохнутся, то самым страшным в тех условиях будет отход назад, чреватый разгромом всего корпуса.

Какие жуткие, «неджентльменские» сюрпризы заготавливают горцы для отступающих и что потом делают с угодившими в их ловушки — было хорошо известно. Опыт войны в горах уже не раз убеждал в том, что нет более сильного образа для воинственного перевозбуждения горца, чем вид спины отступающего противника.²²²

Гудович, возможно, догадывался, что ему противостоит не только вражеская армия, но и невидимый вдохновитель этого отчаянного сопротивления. Чтобы одолеть великий союз военной силы и человеческого духа, одного полководческого искусства было мало. Нужен был составленный из тех же элементов контрсоюз.

У Гудовича такое орудие имелось. Каждый из его закаленных в боях воинов мог гордиться своей личной историей преданного служения Отечеству. Они не нуждались в проповеднике, который взывал бы к их чувству долга и объяснял бы, во имя чего им необходимо выстоять. Пройдя через тяготы и испытания, познав триумфы и горечь утрат, эти простые русские солдаты не собирались пасовать ни перед кем.

Схлестнулись две воли к победе. И это в конечном итоге решало все и было важнее правильных или ошибочных военно-оперативных планов.

Гудович в каком-то смысле стал посторонним лицом в этой схватке. Двинув на поле боя все, что у него имелось, он уже не мог кардинально повлиять на ход событий, которые неумолимо развивались по своей, в чем-то метафизической логике.

Генерал погрузился в изнурительное ожидание. Тягостная, драматическая суть этого ожидания заключалась в том, что он не знал, куда движутся стрелки его часов — к триумфу или к позору. В любом случае они ползли медленно, невыносимо медленно для человека, ждущего приговора судьбы.

Прошел час, второй, третий, четвертый... Ровно такое же число русских атак было отбито. Потери росли угрожающе. А с ними и взаимное ожесто-

²²² Не будем забывать, что турки, черкесы и ногайцы обладали двукратным численным превосходством над армией Гудовича, имея еще и возможность пополнять свои силы за счет горских ополченцев. Кроме того, в распоряжении обороняющихся фактически были две крепости — рукотворная (Анапа) и природная (лесистые предгорья вокруг). И, наконец, большую часть войск турок и их союзников составляла быстрая кавалерия, что в случае контраступления имело принципиальное значение.

чение. Шансы сторон колебались, придавая динамике ситуации сходство с качелями. Где они «успокоятся», куда переломится эта динамика, при той готовности биться насмерть, которую героически демонстрировали оба противника, никто не знал до последнего момента.

Все физические и моральные силы, еще остававшиеся у русских, были собраны в кулак для пятого по счету и решающего по значению приступа. Всего себя мобилизовал и неприятель, тоже чувствовавший приближение кульминации.

Шел восьмой час утра. Несмотря на то, что ряды обороняющихся поредели, соотношение сил по-прежнему было не в пользу наступающих. К этому времени русским ценой невероятного напряжения удалось овладеть некоторыми участками крепостного вала. Казалось, нужно еще одно усилие — и противник где-нибудь да дрогнет. Вопрос был в том, откуда взять эти силы. Атакующие колонны находились на пределе человеческих возможностей.

У Гудовича оставалось 100 егерей, которых он держал при себе на самый крайний случай. Они являлись последним, что еще можно было бросить на чашу весов, чтобы склонить ее в пользу русских. «С сими, — писал Гудович, — я положил конечно или победить или пасть на ратном поле».

В сравнении с общей массой войск, участвовавших в штурме и обороне Анапы (более 50 тысяч человек), сотня егерей — это крохотная величина. Но, похоже, она и сломала тот скользкий баланс между триумфом и трагедией, который сохранялся в течение пяти часов кровавой мясорубки.²²³

Не обошлось и без вмешательства фортуны. Восемь тысяч черкесских конников, обрушившихся на тылы штурмующих колонн в разгар наступления, представляли смертельную опасность. Они фактически брали противника в окружение, создавая для него реальную перспективу поражения. Но тут на помощь Гудовичу пришел обычай горцев, их, так сказать, набеговой инстинкт, плохо подчинявшийся контролю и боевой дисциплине.

Черкесы, вместо того чтобы решать возложенные на них, как на османских союзников, стратегические задачи, бросились на вагенбург, чтобы разграбить хранившиеся там продовольственные запасы.

После того как генерал Загряжский со своим отрядом отбил их атаки горцы отошли на приличное расстояние и оттуда наблюдали за штурмом, готовые в любой момент воспользоваться его провалом либо окончательно ретироваться, если победят русские.

Вскоре глазам этих наблюдателей открылась огорчительная для них картина: гяуры наконец-таки взяли верх над правоверными защитниками

²²³ В письме к своему тестю графу К. Г. Разумовскому Гудович признавался в своей благодарности Богу «за Его великую милость» в ситуации, когда исход штурма мог оказаться плачевным для русских.

Анапы. Наступавшие проломили оборонительные порядки и ворвались в крепость.

Хотя там им и пришлось вести жесточайшие уличные бои, психологическое преимущество уже было целиком на стороне русских. Вскоре наступил момент, когда турки, теснимые отовсюду, оказались физически дезорганизованными и морально сломленными. В сопротивлении почти никто уже не видел смысла.

Понимал его бесполезность и Мансур. Но для него, человека, давно привыкшего к близкому дыханию смерти, душа которого настроилась на последний подвиг у входа в райскую обитель, земные, рациональные категории утратили значение.

Сейчас самое важное — встреча с Тем, кто воздаст имаму по заслугам не здесь, в круговороте суеты и порока, а там, в высокой небесной тиши, где все обретает свою подлинную цену и свои настоящие имена. Преддверием для этой сакральной встречи Мансур избрал погреб, в котором он, запершись вместе с шестнадцатью своими приверженцами, намеревался стоять до последнего вздоха, чтобы принять мученический венец.

Однако на роду ему была написана другая смерть, не здесь и не сейчас. Сказано ведь в Коране: «Никому не дано умереть иначе, как с позволения Аллаха». 22 июня 1791 года такого позволения для Мансура не последовало. Вместо черного ангела к нему явился посланец генерала Булгакова с сухим уведомлением, что в случае продолжения сопротивления погреб будет взорван.

Поскольку имам хорошо знал, что остается от человека, попавшего в эпицентр большого взрыва, такая «некрасивая» дорога в рай его не устраивала. Он не хотел быть доставленным туда по частям. Какие еще мотивы заставили его сдаться, мы не знаем. Но если среди них присутствовало чувство страха, то оно было таким же ничтожным, как и надежда спастись от русского плена.

Приблизительно около 8 часов утра Мансур, «душа всей обороны» Анапы, как назвал его один русский историк, вышел из землянки на свет не самого счастливого дня в своей жизни. Не его, а чужие идеи, замыслы и мечты торжествовали в тот день. Торжествовала русская воля к победе.²²⁴

В отличие от Мансура, высший командный состав анапского гарнизона во главе с Мустафа-пашой, вместе с другими османскими военачальниками и представителями черкесской знати, сдался без особых нравственных тер-

²²⁴ В одном источнике указывается, что Анапа перешла в руки осаждавших лишь «к 12 часам дня». Если это не описка, то остается предположить здесь еще одно свидетельство мужественного поведения защитников крепости, где даже после ее взятия русскими, по-видимому, еще оставались мелкие очаги упорного сопротивления.

заний. Но эти пленники, при всей их знатности, обладали в глазах победителей гораздо меньшей ценностью, чем Шейх-Мансур.

С турецкими командирами обошлись в соответствии с тогдашними международными обычаями — вернули их на родину. Шейх-Мансура ждала другая участь. Его отправили в Петербург в Шлиссельбургскую крепость, а затем в Соловецкий монастырь. Для Екатерины II он был не представителем побежденной стороны, а мятежником, сбившим с толку чеченский народ, «многokrатно присягавший на подданство России».

Защитники Анапы потеряли убитыми и ранеными около 8 тысяч человек. (Многие из них утонули в волнах Черного моря при попытке добраться вплавь до турецких кораблей, которые стояли в анапской бухте готовые к бегству.) В плен взято тринадцать с половиной тысяч человек. Захвачено 95 орудий, 130 знамен, большие запасы боеприпасов и продовольствия.

У русских было убито 930 и ранено около 2 тысяч человек. Средняя величина потерь по полкам колебалась от 30 до 60 процентов.

Сложив это с жертвами предыдущих анапских экспедиций, получаем внушительные цифры.²²⁵ Но такова была плата за нейтрализацию важнейшего стратегического оплота Османской империи на восточном побережье Черного моря, источника постоянной угрозы для России, сохранение которого давало туркам возможность для продолжения войны, а русских лишало перспективы скорой победы в ней.

В сорока верстах к югу от Анапы находилась куда меньшая по размерам и значению османская крепость Суджук-кале. Но оставлять ее невредимой было нелогично, поскольку турки могли передислоцировать туда и войска, и флот, сохранив тем самым плацдарм для продолжения войны на Северном Кавказе. Кроме того, в крепости были собраны, по словам Гудовича, «великие запасы и магазины для горских воинов» — факт, также требовавший к себе внимания.

30 июня командующий послал в Суджук-кале специальный деташамент под начальством подполковника Сененберга, который никого там не застал: местный гарнизон, не желая разделить судьбу анапского, бежал, успев уничтожить многое из того, чем мог бы воспользоваться неприятель. Русским войскам ничего не оставалось, как покинуть Суджук-кале, предварительно уничтожив верки и другие оборонительные сооружения.

Подлинное значение взятия Анапы открылось несколько часов спустя, когда вблизи нее появились спешившие на подмогу крепостному гарнизо-

²²⁵ Русские офицеры и генералы старались, чтобы цифры потерь, приводимые в их рапортах, не огорчали высшее начальство. Тем, кто не решался на грубую подтасовку статистики, помогало одно обстоятельство. Многие раненые, при тогдашнем уровне медицины выхаживания, умирали дни и недели спустя и не попадали в сводки, составлявшиеся по горячим следам.

ну османские десантные корабли в количестве более пятидесяти единиц. Его опоздание стало счастливой случайностью для русских. Прибудь он вовремя, никто не рискнул бы штурмовать Анапу под убийственным огнем корабельной артиллерии и пришлось бы в третий раз бесславно уходить из-под стен крепости, перечеркивая все русские успехи на Кубани и давая в руки турок сильный аргумент для дипломатического торга на мирных переговорах.

Не зря спешил Гудович, и не зря он поставил на карту больше того, что предписывал здравый смысл и осторожный расчет. Да, ему повезло с целым рядом удачно сошедшихся обстоятельств, но он заслужил это везение своей основательной, кропотливой, умной подготовкой к экспедиции.

К вечеру 22 июня капитанам подошедших к анапскому рейду турецких судов ничего не оставалось, как констатировать свое опоздание и, подняв паруса, поспешно удалиться в море, дабы не получить с крепостных валов дружное пушечное «приветствие». Это, между прочим, была бы справедливая отместка за тот издевательский «подарок», который год назад прислал Бибикову анапский комендант.

* * *

В Петербурге известий с юга ждали с нетерпением и тревогой. Провал третьей попытки овладения Анапой обрел бы уже мистическое значение — вдохновляющее для Порты и обескураживающее для России. Вероятность такого провала была отнюдь не теоретической, а рискованное распоряжение Гудовича о штурме — вовсе не блажь.

Понятны радость и облегчение князя Потемкина, узнавшего о счастливом для русских окончании «дела сего», которое главнокомандующий не поспешил назвать «знаменитым».²²⁶ Возможно, он разделял ту точку зрения, что к подписанию прелиминарного мира в Галаце (31 июля 1791 года) турок подтолкнуло известие о потере Анапы, «повергшее их в уныние».

Екатерина II пожаловала Гудовичу орден Святого Георгия 2-й степени и шпагу с бриллиантами. Такой же орден 3-й степени получили еще четыре генерала. (Первым среди них, кстати говоря, значился генерал Загрязский, прикрывший тылы наступающих войск от атаки 8-тысячной черкесской кон-

²²⁶ В русской историографии высказано мнение, что «дело под Анапой» осталось без должного внимания историков, поскольку они не поставили его «в ряд побед, равных штурму Измаила». Возможно, в этом есть доля правды. В таком случае одна из причин подобной недооценки, похоже, связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, с психологической и пропагандистской точек зрения, Екатерине II, как логично предположить, было совершенно невыгодно прославлять подвиг русских солдат в ситуации, когда императрица заведомо знала, что пожертвует им ради скорейшего достижения мира. Во-вторых, вскоре после анапской победы умер князь Потемкин, самый высокопоставленный из тех людей, кто был заинтересован в отождествлении ее с взятием Измаила.

ницы.) Другим высшим офицерам достались награды разного достоинства, а младшим — повышение в чине. В официальных ходатайствах о награждении подробно был описан подвиг каждого.

Вместе с тем за фасадом, так сказать, парадных реляций об анапском деле скрывалось много такого, что уже утрачено навсегда, — огромный мир чувств, эмоций, переживаний маленького человека на войне, этой песчинки, затерянной в макрокосме истории. Глубокие моральные травмы, полученные от созерцания и участия в трагедии взаимоуничтожения, образцы сострадательного или совершенно мерзкого поведения победителей остаются за кадром как затененная сторона великих исторических событий.²²⁷

Мы даже не знаем, как именно отзывался кровавый опыт войны в последующей жизни солдата. Что, к примеру, заставило героя штурма Анапы капитана гренадерской роты Ф. Муселя покончить с собой несколько месяцев спустя, когда уже наступил мир и покой? А сколько еще таких вплетенных в Большой контекст истории судеб, столь несправедливо обделенных ее капризным вниманием?

²²⁷ Большие, тем более парадные исторические полотна крайне скупы на такие «детали». Они крохами рассыпаны в документах преимущественно мемуарного характера, но тут, как известно, мы сталкиваемся с проблемой достоверности и объективности взгляда очевидца, в том числе на самого себя.

Глава 17

СТРАННОЕ ПОСЛЕВКУСИЕ ЯССКОГО МИРА

Гудович оставался в Анапе до 10 июля, занимаясь в основном работой по приведению этой крепости в полную негодность — работой совершенно естественной со стратегической точки зрения в обстановке продолжающейся войны, время окончания которой не было известно никому.²²⁸

Вместе с тем разрушение Анапы и Суджук-кале наводит на определенные размышления о том, какими именно виделись русскому правительству условия будущего мирного договора с Турцией. Если оно намеревалось требовать эти крепости от Порты в качестве территориальной уступки, то зачем ровнять их с землей? А может, затем и ровнять, чтобы требовать «пустую», а значит, не столь ценную для турок территорию?²²⁹ Тут многое неясно.

С одной стороны, Гудович вел себя так, словно знал, что эти завоевания будут возвращены Порте. С другой, как выясняется из его писем, очень надеялся и порой даже был уверен, что Анапа и Суджук-кале, «яко всем для нас нужные крепости» останутся за Россией, иначе «не будет мира».

Гудович принимал от делегаций закубанцев, зачастивших к нему после поражения турок, присяги на верность России, сопровождавшиеся, как повелось исстари, выдачей аманатов. Вероятнее всего, эта противоречивость объяснялась желанием командующего как бы предвосхитить и худший, и лучший исход мирных переговоров с Портой.

²²⁸ В Петербурге не исключали затяжной войны, и русское командование, в лице князя Потемкина, разрабатывало соответствующие планы.

²²⁹ Косвенно на это указывает один очень любопытный момент. На переговорах в Яссах в ноябре—декабре 1791 года османский представитель Дурри-эфенди настаивал, чтобы в мирном договоре Анапа и Суджук-кале были отдельно упомянуты в качестве крепостей, возвращаемых Турции. На что глава русской делегации князь А. А. Безбородко заметил: «Анапа и Суджук-кале более на свете сем не существуют, быв тотчас по взятии их разрушены до основания». Этот аргумент привел «в крайнее изумление Дурри-эфенди, так что он весьма не скоро собрался с ответом».

Если бы вести эти переговоры был уполномочен Гудович, скажем, в Анапе, то не исключено, что акценты в них были бы расставлены иначе, чем в дунайском городе Галаце, где обсуждался и подписывался прелиминарный договор о мире, или в Яссах, где подписывался договор окончательный.

Но русско-турецкая война диктовала свои приоритеты, среди которых доминировала тема юго-западных, а не кавказских границ России. И в этом смысле место, выбранное для предварительных переговоров, играло (как и во многих других войнах) знаковую роль: там, на Дунае, ставшем символом торжества русского оружия, торговаться об османских территориальных уступках было логичнее и психологически сподручнее, чем на Кубани.

Тем не менее вопрос о степени соразмерности русских приобретений тяжести турецких поражений весьма спорен и поэтому небезынтересен для историка. Решающее слово в определении пределов снисходительности к побежденным принадлежало, разумеется, Екатерине II. Ее отношение к проблеме представляло некую смесь великодушия и реализма, составить пропорцию между которыми сложно. Проще проследить общую логику размышлений императрицы.

Для Екатерины это была вторая война с Турцией, длившаяся уже четыре года (два из них — параллельно с русско-шведской) и — чем дальше, тем больше — истощавшая материальные и людские ресурсы России, сильно ограничивая ее возможности участвовать в осложняющихся европейских делах. Желание государыни поскорее заключить мир столь же несомненно, как и нежелание делать это любой ценой.²³⁰ А если не любой, то какой?

Ответ находим в ее рескрипте к князю Потемкину от 18 июля 1791 года, где говорится о необходимости пересмотра русско-турецких границ только в Европе, «не касаясь обосторонних владений в Азии», ибо в Азии Порты никогда не согласится уступить что-либо. Откуда у Екатерины взялась такая непоколебимая убежденность, неизвестно. Возможно, она настолько устала от войны, что даже не захотела проверить, права ли она в своей уверенности о бесполезности давления на Стамбул.

По-видимому, Екатерина II намеревалась повторить в Закубанье «крымский» сценарий — вначале добиться независимости этих земель от Османской империи, чтобы со временем присоединить их к Российской империи. Отсюда и ее распоряжение к князю Потемкину о срытии Анапы и Суджук-

²³⁰ Екатерина II очень опасалась европейских дипломатических интриг против России и особенно того, «чтоб Венский двор не skutил (в данном случае это слово означает «выкинуть фокус», «подсунуть». — В. Д.) нам таковой постыдный мир и с такой торопливостью, как в 1739 году». Императрица категорически возражала против многосторонних мирных переговоров с участием австрийцев и посредников, французских или прусских. Она строго наказывала князю Потемкину заботиться только о российских интересах: «в сем деле всякому стараться о себе и мириться как лучше может», то есть выторговывать для себя максимум возможного.

кале и передаче их, «как мест нездоровых и требующих многочисленного гарнизона для обороны» «тамошним народам, с тем чтоб они отнюдь не дозволяли туркам вновь на тех местах строить».

Пока закубанцы будут оставаться в «вольном» состоянии, Екатерина II рекомендовала готовить социально-политическую и экономическую почву для принятия ими российского подданства, сделав их «навсегда благоприязненными России». Для этого предписывалось не только «устроить хорошую крепость на Тамани», олицетворяющую то, что горцы уважают, — силу и могущество, но и завести там ярмарки и торговлю, позволив закубанцам брать столь необходимую для них соль из озер на правом, российском берегу Кубани. «Посредством чего, — писала императрица, — помянутые горские народы и вяще к нам привязаны будут».

Если же такой вариант натолкнется на непреодолимые затруднения со стороны Порты и она потребует «возвращения завоеваний наших за рекою Кубанью», то Екатерина наказывала предложить туркам, в качестве компромисса, оставить в силе Константинопольскую конвенцию 1783 года о присоединении к России Крыма, Тамани и Правобережной Кубани, в которой русско-турецкая граница в Азии определена «достаточным и ясным образом», не требующим «никаких новых постановлений или объяснений».

Однако возвращение русских завоеваний к югу от Кубани и восстановление османских прав на эти земли, по мнению Екатерины, должно быть не безвозмездным, а «поставлено в особую цену», «употреблено в пособие и пользу других статей мирной негоциации».

Императрица, в частности, считала важным возложить на турок полную ответственность за поведение закубанцев, если уж Порты изволят настаивать на их османском «подданстве». Прежде всего, имелось в виду официальное обязательство Порты удерживать горцев от разбойничьих набегов на российскую территорию и возмещать причиненный ущерб любой ценой — либо принуждая к этому своих черкесских «подданных», либо беря искупительные расходы на себя. При этом государыня велела ссылаться на имеющиеся международно-правовые прецеденты в виде соответствующих статей австро-турецких договоров.

Впрочем, в качестве самой весомой компенсации Екатерина рассматривала земли между Бугом и Днестром. Именно они считались главным призом для победителя в войне между Россией и Турцией. В списке геополитических приоритетов того времени Северо-Западное Причерноморье стояло гораздо выше Северо-Западного Кавказа. Во всяком случае, с точки зрения Екатерины II.²³¹

²³¹ Судя по дипломатическим инструкциям Екатерины II, она изначально воздерживалась от присоединения к России населенных черкесами территорий на левом берегу Кубани. О такой перспективе она не обмолвилась ни разу.

Несмотря на сокрушительные поражения турок, переговоры о мире шли долго и непросто. Заключенное перемирие постоянно висело на волоске. Хотя османские уполномоченные проявляли крайнюю несговорчивость, не только она был причиной острой дипломатической конфронтации.

Князь Потемкин, сильно раздражаясь турецким упрямством и гипертрофируя неготовность Порты к конструктивному диалогу, сам срывался на ультимативный тон,²³² которым он предъявлял, как полагают историки, нереалистичные требования.

Лишь благодаря временно заместившему Потемкина генерал-фельдмаршалу князю Н. В. Репнину, который мастерски владел искусством возможного и пользовался полным доверием Екатерины II, сторонам удалось прийти к предварительному соглашению.²³³

О реакции императрицы на это соглашение имеется достоверное свидетельство. Один из придворных (генерал-адъютант И. И. Шувалов) писал: «Не помню, чтобы она была когда-нибудь так довольна, так счастлива и весела, как по получении донесения... о подписании прелиминарных мирных пунктов. Эта война так уже была тяжела для нее, что если бы не это донесение, она решилась просить Прусского короля о посредничестве между нею и султаном; и эта мысль убивала ее».

В отношении русско-турецкой границы на Кавказе прелиминарный договор провозглашал принцип *status-quo ante bellum*, то есть оставял в силе и в неизменном виде Константинопольскую конвенцию 1783 года.

Данный принцип был закреплен в тексте Ясского мирного договора 1791 года, который окончательно подвел официальные итоги войны. В инструкциях Екатерины II главе русской делегации на переговорах в Яссах князю А. А. Безбородко не было почти ничего нового. Она разрешила отказаться от требования «независимости» закубанских народов, хотя идеальным считала превращение их территории в «барьер между обеими империями» наподобие Кабарды после 1739 года.²³⁴

В этом вопросе Безбородко был настроен решительно. Оказывая на турецких дипломатов давление, он сообщил им, что «из неприятия артикула Кубанского (идеи о независимости земель южнее Кубани. — В. Д.), конечно,

²³² Еще осенью 1790 года, на самой ранней стадии переговоров об условиях будущего мира, Г. А. Потемкин, наставляя русского посла по особым поручениям С. Л. Лашкарева, писал: «Не будет на волос перемены (в требованиях России. — В. Д.), следовательно и торговаться не о чем... Скажите им (туркам. — В. Д.) с твердым уверением, что всякие хитрости со мною бесполезны. ...Вы им изъясните, что коли мириться, то скорее; иначе буду их бить».

²³³ Поначалу Потемкин возненавидел Репнина за «мягкотелость», посчитал его чуть ли не «изменником отечеству» и даже грозил ему судом. Но затем, по здравом и спокойном размышлении, признал свою неправоту.

²³⁴ Любопытно, что в одном из рескриптов к Безбородко Екатерина II высказывает мысль о желательности включения Суджук-кале в состав нейтрального «барьера».

выйдет разрыв (возобновление войны. — *В. Д.*)». Прибегал он и к другим способам склонить своих визави к уступчивости, ставя их порой в тупик остроумными и неожиданными для них дипломатическими ходами.

Хотя османские делегаты упорно стояли на своем, не было однозначного ощущения, что их настрой нельзя переломить. Это подтверждается фактами. В частности, русская агентура в Турции сообщала, что Порты пребывала «в великом страхе» по поводу приготовлений России к военной кампании 1792 года. Или: в Яссах османские делегаты под угрозой прекращения переговоров моментально сняли свои возражения по одному из вопросов.

Однако выданный князю Безбородко Высочайший «карт-бланш» крайне ограничивал его (и психологически, и протокольно) в наращивании усилий по принуждению турок к принятию русских условий. Вдобавок императрица с нескрываемым нетерпением ждала от него известия о заключении мира. Вполне вероятно, что Порты узнала об этом через больших «друзей» России — европейских послов в Стамбуле — и ловко использовала данную информацию в своей переговорной стратегии в Яссах.

В итоге князю Безбородко, при всем его искусстве и старании, не удалось выговорить для России не только «независимость» закубанцев, но даже права отвечать на грабительские набеги горцев военными операциями на их территории.

Это право было оставлено за Турцией, что зафиксировано в шестой статье Ясского договора, которая (приводим ее почти целиком) обязывала Порту «употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов, на левом берегу реки Кубани обитающих при границах ее, дабы они на пределы Всероссийской Империи набегов не чинили, никаких обид, хищничеств и разорений Российско-Императорским подданным и их селениям, жилищам и землям не приключали ни тайно, ни явно, и ни под каким видом людей в неволю не захватывали; о чем со стороны Блистательной Порты строжайшие прещения под страхом жестокого и неизбежного наказания, кому следует, даны, и в тех местах после размены ратификаций на настоящий мирный договор обнародованы быть должны; не непременно: естли же и за таковым постановлением в сем Трактате и чинимым подобным помянутым народам прещением, отважатся кто-либо из них учинить набег в границы Империи Всероссийской, и там приключить вред, убыток или разорение, или скот, или что другое украдут, или увезут, или людей Российских в неволю захватят, в таком случае, по принесении жалобы, скорое и неотложное удовлетворение имеет быть доставлено, возвращением пограбленного и украденного, наипаче же непременно и никакой оговорке неподтвержденным отысканием и освобождением людей Российских ими захваченных, награждением убытков тем нанесенных, и примерным

на границе наказанием виновных в присутствии комисара от пограничного Российского начальства назначаемого: буде же, паче всякого чаяния, такое удовлетворение в полгода от принесения жалобы не было бы доставлено, Блистательная Порта обязуется сама все убытки заплатить из казны ее в месяц по подаче рекламации от Министра Российско-Императорского, разумя притом, что положенные выше наказания за нарушение спокойствия границ соседних непременно и точно исполнены быть имеют без отлагательства».²³⁵

Эта с виду строгая формулировка была призвана растворить в себе и морально компенсировать малоприятный факт: купленные кровью и потом русских солдат победы на Кавказе приносились в жертву «соображениям большой политики».²³⁶

И тогда, и сегодня, спустя два с лишним века, понять логику этих «высоких соображений» непросто. Ради чего были предприняты четыре военные кампании на Кубани, высокочрезвычайно во всех смыслах? Ради того, чтобы (уже, между прочим, не впервые) вернуть завоеванное туркам? Или ради того, чтобы поднять Екатерине настроение известием о прекращении войны?²³⁷ Не слишком ли высокая цена? Если кто-то скажет, что это плата за территорию между Бугом и Днестром, то где в таком случае воздаяние за огромные русские жертвы на Балканах?

Одним словом, жесткая тональность шестой статьи Ясского договора едва ли помогала Петербургу сохранить хорошую мину при плохой игре. Екатерининские сановники, да и сама императрица прекрасно знали о невозможности пресечь черкесские грабежи и набеги в условиях, когда сделать это туркам было не под силу в такой же степени, в какой и невыгодно. Османские обязательства не стоили бумаги, на которой они фиксировались в виде международно-правовой нормы.

Черкесам и другим народам Северного Кавказа, тем более их политическим элитам, не нужно было обладать каким-то особенно изощренным чутьем, чтобы понять, что происходит нечто весьма странное.

²³⁵ Пожалуй, среди того немногого, что в будущем могла извлечь Россия из текста статьи в свою пользу, была примечательная деталь. Горцы, жившие к югу от Кубани, не были названы османскими «подданными», в отличие от народов, занимавших северный берег реки и упомянутых в документе в качестве «Российско-Императорских подданных». Турки то ли не заметили этой «хитрости», то ли сделали вид, чтобы не сорвать переговоры.

²³⁶ Итоги войны вообще и шестая статья Ясского договора в частности подвергались, с разной степенью откровенности, критике современников и историков.

²³⁷ Если преследовалась такая цель, что она была достигнута сполна. Доставившему из Ясс текст мирного договора курьеру, секунд-майору Преображенского полка И. И. Моркову, императрица мигом пожаловала чин генерал-майора и 2 тысячи червонцев. А щедроты, которыми она осыпала А. А. Безбородко и его дипломатического помощника А. Н. Самойлова, выразились вообще в баснословных формах. Тот день, 6 января 1792 года, был целиком заполнен ее слезами радости, дворцовым молебном и пушечными салютами.

Россия почти четыре с половиной года воевала с Турцией, взяла Анапу и Суджук-кале, выгнав османов из Закубанья, торжественно возвестила о своей победе, приняла присяги верности от горских народов. И после всего этого Гудович вдруг возвращает присланных черкесской знатью аманатов, объявляя о том, что Екатерина II освобождает горцев левобережной Кубани от российского подданства и признает их «вольными и ни от кого не зависимыми».²³⁸

А потом происходит еще более непонятное: закубанские черкесы и ногайцы узнают, что их официально вернули под власть Османской империи. Могли ли они подавить в себе желание задаться вопросом: а кто все же вышел победителем из войны? Сомнения в том, что это — Россия, будут с течением времени усиливаться, создавая для Петербурга большие проблемы.

Потемкин прибег к самому неподходящему способу развеять эти сомнения у местной знати, объяснив решение Екатерины II ее «милосердием» и «великодушным снисхождением», то есть категориями, трудноусвояемыми для тогдашнего горского сознания.

Таким же наивным был расчет Потемкина (если, конечно, таковой имелся) на благодарность горцев за предоставленное им право «безденежно брать соль» (остродефицитный в тех краях продукт) из правобережных, русских озер. Он полагал, что эта благодарность выразится в согласии черкесов на выполнение главного и единственного к ним требования — не совершать грабежи на российской территории.

Милосердие являлось мотивом этого жеста князя Потемкина в той же мере, в какой и его недостаточно реалистичное представление о способности горцев ценить великодушие и воспринимать его иначе, чем человеческую слабость. Вскоре Петербург вновь убедится, что они не в силах отринуть вековые обычаи, тем более когда их не принуждают, а лишь склоняют к этому, и притом весьма странным для них образом.

Условия Ясского мира удивили и кабардинцев. Точнее — заронили подозрение, что они возвращены Порте, как и черкесы. Текста договора, ясно опровергавшего это той же шестой статьей, у них не было. Вместо него появился турецкий фирман, призывавший кабардинцев не обманываться результатами войны, быть готовыми к выступлению против России и не сомневаться в неизменной поддержке со стороны султана. Как бы в подтверждение началось быстрое восстановление Анапы, словно и не было ни штурма, ни торжества гяуров.

Поэтому возобновившиеся разбойничьи набеги кабардинских князей на российские земли, а также их агрессивную социальную политику в от-

²³⁸ Этот непонятный для горцев ход привел их в полное замешательство и заложил основу для будущих проблем России на Северном Кавказе.

ношении осетин и ингушей в значительной степени можно связывать с негативными для Петербурга итогами войны на Кавказе.²³⁹

Сюда же следует отнести обострившуюся после войны проблему обустройства и охраны границы между Черкесией, официально оставшейся в сфере влияния Османской империи, и Кабардой, которая начала сомневаться в своем прежнем международно-правовом статусе со всеми вытекавшими из этих сомнений опасными последствиями для России.²⁴⁰

Турки не преминули обратить в свою пользу как снисходительность русской дипломатии на ясных переговорах, так и недоработки русской пропаганды на Северном Кавказе.

Петербург посчитал излишним убеждать горцев в том, что Россия одолела Турцию, ввиду самоочевидности данного факта. Между тем именно этой самоочевидности остро недоставало в глазах местного населения, после того как русские стали демонстрировать совершенно неестественное для победителей поведение.

В данном случае Петербургу почему-то не хватило понимания вроде бы простой вещи: горцам было безразлично, где находится и в чем значение приобретенного Россией днестровско-бугского междуречья, но они хорошо знали цену Анапе и Суджук-кале, которые Россия не смогла удержать за собой.

Нелепо было бы ожидать от массового сознания черкесов, ногайцев и кабардинцев стремления анализировать высокие политические мотивы, заставившие Петербург отказаться от законных трофеев войны. Наивным был бы и тот, кто взялся бы растолковать им, почему Россия сначала приняла их в свое подданство, а затем освободила от него и вернула под власть Порты.

Горцы находили только одно объяснение случившемуся: султану удалось навязать русским свою волю, значит, он по-прежнему сильнее.

Впрочем, были и те, кому дали возможность оставить в своей памяти другие впечатления об этой войне и оградить себя от глубоких рефлексий по поводу ее реальных результатов. Речь о двух десятках представителей кабардинской, осетинской и ногайской знати, получивших за свои боевые подвиги воинские звания «с жалованием по чину». Война позволила им отличиться и сделать еще один шаг вверх в военно-служебной карьере.

²³⁹ Современники, по понятным причинам, не могли себе позволить открытой критики этих итогов. Вероятно, поэтому С. М. Броневский, явно кривя душой, писал, что с взятием Анапы и пленением Мансура «погас дух возмущения, горевший на Кавказе. Горские народы вошли в пределы страха и почтения». Вместе с тем этот историк, как бы признавая свое лукавство, не удержался от иронии, сообщая, что «кабардинцы повторили знакомую им по частым нарушениям присягу на верноподданство».

²⁴⁰ Один автор, подводя итоги Ясского мира, писал: «Хотя Анапа была взята и разрушена в 1791 году, но не могло подлежать сомнению, что этот весьма важный стратегический пункт турки не оставят и что эта крепость, по возобновлении, по-прежнему будет служить очагом для ободрения черкесов и возбуждения между ними неприязни к ненавистным гяурам».

Такие люди, которых со временем становилось все больше, служили примером для других, начинавших осознавать, что мир — это не только твой родной аул с его неколебимыми устоями и смысловые горизонты жизни могут простираться гораздо дальше удовольствия вернуться из удалого набега с богатой добычей и уцелевшей головой.

* * *

В целом же война закончилась именно так, как закончилась, потому что на то была воля Екатерины II, во исполнение и в жертву которой князю Потемкину пришлось (еще и по состоянию его здоровья) принести все свои стратегические замыслы. Успей он реализовать их, Россия, возможно, избавила бы и себя, и Турцию от необходимости воевать друг с другом в следующем, девятнадцатом, веке.

Все это, однако, предположения. С большей уверенностью можно говорить об отсутствии у русских властей внимания к проблеме пропагандистского «ретуширования» итогов русско-турецкой войны с целью минимизировать их моральный ущерб для России в глазах местных элит.

Даже факт пленения Шейх-Мансура не получил должного информационного освещения, потому, опять-таки, что он, с точки зрения Петербурга, говорил сам за себя и не нуждался в дополнительном пропагандистском тиражировании. В российской столице еще не настолько хорошо познали Северный Кавказ, чтобы вникнуть в суть мифологического мышления, которое, в отличие от рационального, порой не требует никаких доказательств в отношении невероятного, но зато настаивает на них, когда дело касается абсолютно очевидного.

Отчасти благодаря недооценке этой особенности массового сознания рождались фантастические домыслы. В течение довольно продолжительного времени среди горцев бытовало убеждение в том, что русские правители (видимо, из чувства глубокого пиетета к Шейх-Мансуру) никуда имама не ссылали, а пожаловали ему несколько имений в кавказских горах, где он и жил в свое удовольствие.²⁴¹

* * *

В Анапе закончилась героическая часть жизненной эпопеи Мансура. Началась тоскливая проза доживания. Его отправили в Петербург как обыкновенного пленника, в обращении с которым не было ничего похожего на по-

²⁴¹ Популярностью у чеченцев пользовалась также «хилиастическая» версия исчезновения Шейх-Мансура. Многие из них верили, что имам не был схвачен русскими, а вознесся на небо, чтобы «скоро спустится на землю для окончательного истребления всех русских». Вера эта укоренилась настолько глубоко, что люди готовы были любого самозванца принять за вернувшегося с небес Шейх-Мансура.

честь, оказанные через 70 лет имаму Шамилю фактически всей Россией, и официальной и престоной.

Мансур сразу же попал в ведение людей, обязанных строго стеречь его, как бунтовщика, и вести с ним допросные речи, не предназначенные для обнародования.

Единственное, чем его удостоила (если верить легенде) высшая власть в лице Екатерины II, — беглый взгляд из дворцового окна, под которым «пророка» провели специально по указанию императрицы. Было ли в этом взгляде что-то кроме любопытства — одному Аллаху известно.

Судьба каким-то образом помогла Мансуру до конца сохранить свой таинственный ореол даже тогда, когда он во всей своей плоти предстал перед имперской тюремно-следственной машиной, казалось бы для того и созданной, чтобы срывать покровы тайны.

Весьма странно, что при таких обстоятельствах фактически ничего не известно о последних годах жизни знаменитого узника. Даже о месте его заточения (Шлиссельбургская крепость или Соловецкий монастырь) нет единого мнения.

По официальным данным, Мансур умер 13 апреля 1794 года в Шлиссельбурге и похоронен неподалеку от крепости «без всякого обряда».

Доверять этому сообщению или нет, но, похоже, настоящая жизнь нашего героя началась после его смерти — жизнь в истории, легендах, народной памяти. И, конечно, в бурных перипетиях нынешней реальности, вольно или невольно превращающей Шейх-Мансура в нашего современника.

ВОЖДЬ, КОТОРЫЙ ЯВИЛСЯ СЛИШКОМ РАНО: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Замысловатыми вопросами, которые за свой короткий век Шейх-Мансур поставил перед историками, он превзошел всех персонажей Кавказской войны. Его просто невозможно изучать, не задаваясь этими вопросами. Ими фактически пронизана наша книга. Ими же мы ее и завершаем.

Один из них весьма символический. Почему в донесении Гудовича о победе под Анапой не нашлось места для сообщения о пленении Мансура, как оно нашлось для Шамиля в донесении Барятинского (в 1859 году), весь смысл которого был в этом имени?

Несопоставимые фигуры? Но сопоставимость в истории — вещь условная. Привилегия сопоставлять принадлежит сегодняшнему поколению историков и политиков, и, если они захотят придать такому сопоставлению какой-то новый, дополнительный смысл, они это сделают. А следующее поколение, возможно, этот смысл упразднит, и так до бесконечности.

И все же — почему? Потому, видимо, что в 1859 году самым важным было взятие в плен Шамиля — человека, кем-то справедливо названного «альфой и омегой Кавказской войны». А в 1791 году самым важным был захват крепости Анапа, независимо от того, находился там Мансур или нет.

О том, что Мансур был незаурядным человеком, нет спора. Сомнения начинаются там, где мы позволяем себе размышлять об исторической своевременности, если угодно закономерности, появления этого героя.

Если это была репетиция Кавказской войны, как склонны считать некоторые исследователи, то почему она прошла так скоротечно, сумбурно и неудачно? Почему кроме одной-единственной победы над русскими, слу-

чившейся скорее по глупости полковника Пъери, Мансуру больше нечего предъявить истории?

Историки разных идеологических взглядов и разных эпох согласны в одном: ничего разрушить и ничего создать Мансуру не удалось. Турецкий историк XIX века Джевдет-паша, глубоко сочувствовавший замыслам имама, считал, что тот не оправдал «народные ожидания».

И тем не менее историко-генетическую связь Мансура с Шамилем и Кавказской войной XIX века считают чуть ли не доказанной.²⁴² В чем тут дело?

Не в том ли, что почти все русские работы о Мансуре писались во время или после Кавказской войны, что вполне естественно искушало авторов идти по наиболее простому и, казалось бы, очевидному пути отождествления внешне схожих, но во многом принципиально разных явлений?

Как ни странно, между тем искать и найти в Мансуре предтечу Шамиля чрезвычайно проблематично. Дело отнюдь не в полувековом расстоянии между ними: на фоне неспешного течения горской жизни это совсем не много. Дело в глубоких различиях, которых было гораздо больше, чем сходства.

В поисках параллелей историков соблазняет то, что действительно производит сильное впечатление, — общие для обоих имамов приемы воздействия на массовое сознание, умение управлять настроением и волей людей. Но тут Мансур и Шамиль похожи друг на друга так же, как они похожи на многих выдающихся вождей в мировой истории. Нет ничего исключительного и в их использовании религиозных догматов во имя объединения народа вокруг какой-то цели.

Чтобы, однако, соблюдать некую корректность в процедуре подобных сопоставлений, необходимо сравнивать не только личные дарования и предпосылки к успеху, но и способы их реализации, а главное — конкретные результаты, с точки зрения их прочности, долговременности, перспективности.

Здесь, нужно признать, почва для сравнений постоянно уходит из-под ног исследователя.

В «движении» Мансура слишком многое не похоже на Кавказскую войну Шамиля: продолжительность и масштаб военных действий против России, примитивная армейская организация, отсутствие властно-политических институтов, административно-хозяйственного деления и налоговой системы, пропагандистского аппарата, полицейского контроля за внутренним

²⁴² Так, Умалат Лаудаев называл приближенных Мансура «мюридами», нарочито употребляя понятие, относящееся к другой эпохе. То же самое делал, в несколько иной форме, А. Л. Зиссерман, именуя Мансура «первым фанатиком-проповедником священной войны», а события, связанные с его деятельностью, — «Кавказской войной». Предтечей мюридизма считал Мансура и В. А. Потто. А это ведь отнюдь не дилетанты в исследовании проблемы!

порядком. Одним словом, у Мансура не было того, что возвысило Шамиля в ранг выдающегося исторического деятеля — авторитарно-теократического военного государства.

Еще одно фундаментальное различие — так сказать, дискретный, чрезвычайно прерывистый характер «движения» Мансура. В нем нет событийной плотности, поступательного темпа, динамики. На одном краю хронологической шкалы деяний имама значится 1785 год с его единственной победой над Пьери. На другом — 1791 год и оборона Анапы, завершившаяся пленением Мансура. А между ними практически ничего — ничего связующего, позволяющего квалифицировать его деятельность (намеренно избегаем слова «движение») как нечто цельное, органичное, содержательное.

Многие историки предпочитают игнорировать это по понятной причине — рассыпается сам предмет исследования, из ткани событий исчезает лейтмотив, главный герой, превращаясь из стержневого элемента в случайный, преходящий фактор, из центрального персонажа в эпизодический.

В историографии нам встретился лишь один автор, прямо назвавший вещи своими именами. Он констатировал факт, с которым в целом трудно спорить: в течение пяти лет между тем моментом, когда Мансур покинул Чечню, и его геройскими подвигами на крепостных валах Анапы «о нем не было ни слуха, ни духа».

И, наконец, есть еще одна, быть может, самая большая непохожесть между Шамилем и Мансуром: о последнем мы не знаем и сотой доли того, что доподлинно известно о Шамиле. Мансур до сих пор остается загадкой. В большинстве многотомных, обобщающих книг или энциклопедиях по военной истории России, издававшихся в XIX веке, о нем нет даже упоминания. Значит, не стоил он того, с точки зрения тогдашних историков?

Да конечно же нет. Просто-напросто не знали, где найти необходимую для ответственного справочного издания достоверную информацию о человеке, напоминавшем призрак. Не было доподлинных сведений о его происхождении, воспитании, образовании, даже имени. Все это восполнялось разноречивой молвой, народными и писательскими легендами — одна экзотичнее другой. Впрочем, отдельные из них, возможно, и достойны проверки.

Как бы то ни было, нелегко расстаться с ощущением, что Мансур являет собой почти сплошную тайну, которая, вероятно, так и останется нераскрытой. Но именно этим он, с позволения сказать, «интереснее» Шамиля, в отличие от которого к Мансуру с полным основанием можно применить метафору «имам, явившийся с небес».

Мансур соединял в себе призрак и реального человека. Умея превращаться из одного в другого, он заставлял врагов и сподвижников гадать над своим следующим шагом и делал порой совсем не то, что от него ждут.

На годы исчезал с исторической сцены, чтобы объявиться в последнем акте и еще больше запутать причудливую нить своей жизни.

Вот тот персонаж, который более двухсот лет назад бросил дерзкий вызов историкам, бьющимся над постижением одной из по-настоящему глубоких тайн горской старины. И если профессионально вникнуть в ее суть, то окажется: она не в том, что Шейх-Мансур реально совершил, а в том, что он замышлял совершить. Именно это достойно непреходящего интереса исследователей и способно поднимать его до самого высокого творческого напряжения. Все остальное — краеведческое собирательство в копилку методических пособий для местных экскурсоводов, развлекающих туристов на горных дорогах.

* * *

В этой книге использован материал разного качества и разной степени достоверности. Намеренно отказавшись от заведомо целенаправленного отбора документов (в чем не было бы никакого нарушения профессиональной этики), мы старались не упускать из виду на первый взгляд даже откровенно сомнительные факты и не всегда спешили назвать их именно так, ибо если вообще возможно проверить их ценность на некоем «оселке правдивости», то делается это с помощью кропотливой источниковедческой экспертизы, а не мимоходом наклеенных ярлыков.

Опираясь на столь разнородную и, повторимся, не всегда надежную документальную базу, приходилось ограничивать себя в стремлении к строгим, стройным, «монографическим» выводам. Им мы поневоле предпочли рассуждения предположительного, гипотетического характера.

В рамках такого подхода вполне можно допустить, что Мансур задумал построить некое квазигосударство по аналогии с теми ханствами, которые соседствовали с Чечней на востоке. И в качестве средства объединения горцев, без которого невозможен ни один, даже примитивный политический организм, он избрал ислам.

Другим строительным материалом служил образ врага. На эту роль идеально подходили русские христиане, жившие за Терекком и умевшие давать отпор грабительским набегам, в результате чего гибли правоверные. Аккумуляция совокупной народной энергии против внешней силы, против внешнего источника соблазнов и недовольства — совершенно естественный прием для претендента на роль вождя нового «государства».

Однако беда Мансура была в неспособности понять,²⁴³ что «люди за рекой», против которых он хотел возбудить ненависть, призванную соединить

²⁴³ Если, конечно, Мансур не был тем самым итальянским авантюристом, о котором упоминают многие историки и в котором трудно было предположить отсутствие элементарных географических знаний.

горцев в единое целое — это далеко не вся Россия, а лишь ее краешек, крохотный выселок громадной империи.²⁴⁴

Один из принципиальных вопросов, прямо или косвенно обсуждаемых в историографии, — что было в мыслях и деяниях Мансура первично — религиозная реформация или борьба с неверными (русскими и их горскими союзниками)?

Умалат Лаудаев, например, считал, что целью имама было объединение горцев «с намерением вытеснить русских из мусульманских земель», ислам же служил лишь средством.

У С. М. Броневского получалось наоборот. «Он (Мансур. — В. Д.) сказывался посланным от Бога для проповедования правоверного мусульманского закона. ...«Пламенное усердие его к мусульманству и иступление, с каковым рассеивал сей святоша ненависть к христианам, обратили на себя легковерие горских народов и приуготовили их к единодушному возмущению против России».

Что касается средств, которыми Мансур пытался достичь своих целей, то соподчиненность между ними, с исторической точки зрения, была обычной, то есть глубоко прагматичной. Так уж заведено от веку: за героями истории не замечено особой бережливости к человеческому материалу, который они используют. Это — рабочий, расходный элемент в их грандиозных архитектурно-строительных или разрушительных планах.

Вождю нет никакого дела до простых людей, пока те способны ему служить в требуемом количестве. А когда это «требуемое количество» потрачено, успешно или напрасно, вопрос один: где и как его восполнить, чтобы снова бросить на поле сражения иногда даже не за идею, а за ее смутные и непредсказуемые очертания.

Мансур не был исключением. Человек ярких, хотя и не до конца раскрывшихся дарований, заряженный огромной пассионарно-авантюрной энергией и неистощимый в поисках каналов для ее мгновенного сброса, он поднял массы на борьбу против порочных обычаев старины за новый образ жизни. Личная драма Мансура и социальная трагедия чеченцев состояли в том, что у него у самого не было ни четкого представления о способах и последствиях разрушения старого, ни «проекта» замены его иным порядком вещей.

Наличие такого «проекта» в голове у Мансура можно лишь предполагать, исходя из реалий времени и места. Мы априорно опираемся на посыл о том, что для такой личности разбойничьи налеты на русские поселения, пусть и поставленные на беспрецедентно широкую ногу, слишком мелкое и презренное занятие, чтобы составить предел его мечтаний, смысл жизни.

²⁴⁴ Кстати говоря, имам Шамиль, под впечатлением увиденного в России, в том числе на длинном пути из Дагестана в Петербург, признался, что имей он прежде представления о размерах и могуществе этой державы, никогда бы не рискнул воевать против нее.

Типологически в Мансуре нет почти ничего от лермонтовского Казбича, горца безумно храброго, страстного, необыкновенно колоритного, но, если так можно выразиться, ограниченного и однообразного в своей яркой детской первобытности. Судьба и природа очертили его мир кругом забот, устремлений, удовольствий, выйти за который ему не суждено было никогда. Высшее наслаждение для него — облачиться в красный бешмет, прекрасную цель для русских ружей, и издевательски лениво фланировать на коне неподалеку от вражеских позиций, грациозно раскланиваясь с каждой прожужжавшей вблизи пулей. Вся идея жизни — в этой молодецкой, щекочущей нервы игре со смертью, приправленной вкусом торжества над осмеянным и униженным противником.

Измутительный типаж для писателя! Но он скучноват для истории. Мансур неизмеримо выше и сложнее таких удалцов, которых в горах не счесть. Перед ним была большая идея, большая дорога к ней, полная трудов, терзаний мысли, сомнений. В нем жили ниспровергатель и созидатель одновременно. Он хорошо знал, что нужно разрушить, хуже знал, как это сделать, и очень плохо представлял себе, что и с кем строить.

Шамиль оставил историкам в качестве объекта изучения богатое наследие: свой имамат, свою достаточно обстоятельно документированную жизнь, свои мысли, в выражении которых он был не скуп, конкретен и ярок.

После Мансура же не осталось практически ничего. Ни четкого замысла, ни предварительного строительного эскиза, ни даже фрагмента фундамента. Означает ли это, что наш герой совершенно лишил историков работы? Напротив. Ее, в каком-то смысле, не меньше, чем в случае с Шамилем. Только она несколько иного рода.

Это работа с чрезвычайно скудным фактографическим материалом, требующая определенных приемов и более утонченной историко-реконструкторской техники. Недостаток источников приходится восполнять косвенными, информативно небогатыми и разноречивыми документами, из которых если и можно создавать какую-то историческую картину, то лишь весьма условную, вероятностную. Субъективный момент в ней поневоле будет замечать то, что так и останется недоступным исследователю.

Если Мансур вынашивал идею создания некоего протоимамата, то ему необходима была модель для работы «с натуры». Окружающая политическая действительность предлагала довольно скудный выбор: квазигосударственные структуры в виде ханств и их аналогов (шамхальство, уцмийство, майсумство, султанат и пр.).

Воздвигнуть на ровном месте даже такое примитивное государство было совсем не просто. А учитывая, как гипотезу, стремление Мансура придать своему творению военно-теократический, авторитарный и надэтничный характер, эта задача в реальной обстановке 1780-х годов становилась почти фантастической.

Почему у Мансура не получилось то, в чем преуспел Шамиль через полвека? Самый простой, самый общий и одновременно ни о чем не говорящий ответ: не созрели условия. Но тут-то и напрашивается самый головоломный вопрос — каких именно условий не хватало Мансуру, чтобы стать Шамилем?

Субъективных? Но тогда это, кроме всего, подразумевает превосходство второго над первым в лидерских, интеллектуальных, духовных дарованиях, что нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Мы не имеем даже научно корректной возможности сравнить их личностные потенциалы, ибо у одного этот потенциал раскрылся, а у одного остался втуне.²⁴⁵

Объективных? А в чем именно они заключаются? Во внутренней эволюции чеченского общества? Но ее практически не было. За полвека, разделяющие Мансура и Шамиля, цивилизационно оно развивалось (если развивалось) столь же медленно, что и за предыдущие столетия.

Стало быть, внешний фактор? Появление русских? Но и здесь не все ладится. Русские на Кавказе появились не при Шамиле и не при Мансуре. Они практически были здесь всегда. За два столетия их отношения с горцами, как уже говорилось, устоялись в рамках определенной модели, никоим образом не отождествимой только с состоянием войны (если, конечно, квалифицировать войну, как нечто более серьезное, чем пограничные стычки с разбойничьими отрядами). С организованными обществами русские власти, как правило, находили общий язык, а в дела неорганизованных обществ старались не вмешиваться.

Правда, к середине 1780-годов положение стало меняться. В связи с необходимостью укрепления военно-политических позиций России на Северном Кавказе в преддверии предстоявшей турецкой войны число русских войск выросло. Они уже не давали чеченцам той свободы, которая у них была раньше. Но все равно это были еще не те масштабы русского присутствия и русского вмешательства в горские дела, которые вызывали бы острую потребность в массовом сопротивлении под руководством выдающегося вождя.

Провоцирующего, горячего материала было совершенно недостаточно для мобилизации народа и поддержания его в режиме перманентного сопротивления. Вся история деятельности Мансура — наглядное тому доказательство.

И все же, из какого источника питалась энергия даже такого, невыразительного и непоследовательного сопротивления?

Вероятно, из пока еще сырого сплава незаурядной личности и социально притягательной идеи. При Шамиле ее широко и привычно именовали «мю-

²⁴⁵ Правда, уровень богословской подготовки Шейх-Мансура, включая глубину знания арабского языка, вызывает у многих исследователей сомнения. Если говорить о его талантах полководца, то и тут не все однозначно. Имам не был лишен военно-организационных способностей, безусловно отличался храбростью и исключительной тактической изворотливостью, делавшей для русских практически невозможной задачу достать его в горных трупобах. Но список его относительно крупных сражений с русскими войсками, не говоря уже о победах, не идет ни в какое сравнение с полководческой деятельностью Шамиля.

ридизмом», «суфизмом», «тарикатизмом». При Мансуре никто этими словами не пользовался. Нет уверенности, что сам имам или кто-то из его чеченских идейных единомышленников знал их значение. Но это не мешало ему вынашивать подлинно революционные замыслы в области идеологической и социально-политической реорганизации общества.

Для представления о том колоссальном бремени преобразований, которое собрался взвалить на свои плечи Мансур, стоит вспомнить о самом объекте его реформаторских усилий, то есть об особенностях культурно-духовной жизни чеченцев, столь же глубоко синкретичной, как и у многих других народов Северного Кавказа.

Лабиринты горского сознания, вероятно, никогда не раскроют всех своих тайн перед историками. Как уживались в нем язычество, адат, шариат и остатки христианства? Какие функции и насколько эффективно выполняли они в политически и социально неразвитом обществе? Что из них, где и почему было реально востребовано? Существовала ли четкая иерархия такой востребованности?

В нашем случае все эти вопросы сливаются в один: какого типа революцию хотел совершить Мансур — религиозно-идеологическую, социально-политическую или обе сразу, используя одну как подспорье для другой? Насколько хорошо представлял он себе, какую махину ему придется сдвигать и чем за это расплачиваться?

Как бы там ни было, даже если в мыслях Мансура зародилось не более чем смутное очертание программы реформ подобного масштаба, это уже гарантирует ему видное место в галерее незаурядных героев и персонажей кавказской истории.

По тем скудным данным, что имеются в распоряжении у исследователей, создается впечатление, будто он не сразу осознал монументальность своего замысла. Отсюда непоследовательность, тактические маневры, уступки противодействующим силам, явные уклонения от столкновений с оппонентами, наконец — полный отказ от реформаторской деятельности, сопровождаемый публичными покаяниями.

Практически невозможно доподлинно установить, какую именно философско-теологическую разновидность ислама исповедовал Мансур. Версии о тяготении его к суфизму и даже о принадлежности к одному из тайных суфийских орденов остаются лишь версиями. Их с особым энтузиазмом разделяют историки, настаивающие на идейной преемственности между Мансуром и Шамилем.

Не менее сложно проследить некое цельное направление в конфессионально-реформаторской политике Мансура. То он борется за шариат против язычества и адатов, как источников пороков и дикости. То он выступает про-

тив «испорченного» ислама, получившего распространение среди чеченцев, и тем самым восстанавливает против себя местных малограмотных мулл, проповедующих, за неумением делать ничего другого, этот самый «неправильный» ислам. То он внезапно переходит от проповедей газавата к призывам не трогать христиан и к поискам мира с русскими.

Что это? Искусство маневра, политический экспромт в надежде найти эффективные преобразовательные инструменты или неотвратимое давление обстоятельств?

Однозначных ответов нет и, скорее всего, быть не может. Есть опять-таки лишь предположение, что Мансур натолкнулся на прочную, веками стоявшую стену, которую ни ему, ни кому-либо другому разрушить было не дано. Но попытки сделать это с помощью героических усилий и уникальных для Чечни XVIII века методов заслуживают непроизвольного восхищения, равно как и персонаж, отважившийся на все это.

В том, что Мансура постигла неудача, нет ни малейших сомнений. Однако нет сомнений и в том, что даже крупные неудачи в замыслах такого масштаба заслуживают вдумчивого изучения исследователей в гораздо большей степени, чем очевидные и объяснимые успехи в деяниях скромного исторического значения.

Если допустить, как делают некоторые исследователи, что реформы Мансура задумывались как основа проекта строительства теократического государства, наподобие имамата Шамиля, то, опять-таки отдавая должное этой дерзновенной идее, в итоге остается констатировать ее полное фиаско.

Даже те исторические источники, которые оставляют историку какой-то простор для воображения, не настолько щедры, чтобы позволить рассмотреть хотя бы нечто похожее на контуры «имамата Шейх-Мансура». То, что в деятельности имама пытаются преподнести как государственно-строительную составляющую, на самом деле было бесконечно далеко от сути и формы той организации, которую принято именовать государством.

Беда историка, занимающегося этими проблемами, очевидна. За что он ни берется, повсюду оказывается либо на топкой почве фактов-миражей, которые нечем проверить, либо на твердой, но почти пустынной поверхности, где исследователь практически лишен фронта работы.

В такой ситуации, пожалуй, единственное заключение, представляющееся едва ли не бесспорным, касается военно-организационных способностей Мансура, вне зависимости от того, воплотились они в победы или нет. Хотя, по большому счету, в основе всех предприятий имама оставался принцип набега, никогда еще военным действиям чеченцев не предшествовала столь тщательная, масштабная и изобретательная подготовка, и никогда еще они не были столь осмысленными, по крайней мере, оперативно-тактически.

Порой Мансору удавалось невозможное — трансформировать набеговую стихию в систему упорядоченных боевых маневров и направлять ее энергию на решение более важных задач, чем грабеж. Однако надолго сохранить в собранном ополчении дисциплину и порядок было выше его сил. Вековые обычаи войны, ее непритязательные цели, непривычка чеченца к долгому подчинению даже авторитетному военному вождю брали свое. Военные и военно-политические планы Мансура разбивались о банальную неготовность общества понять и разделить их.

Неискоренимые набеговые традиции не дали ему стать полководцем в более точном смысле слова. Горцы подчинялись Мансору на стадии сбора ополчения и технической организации экспедиции. Но в ходе сражения они, как правило, выходили из-под его контроля, поскольку (в отличие от Шамиля) не было армейского механизма управления ситуацией, который только и мог обеспечить войскам необходимую маневренность. Избавить боевую экспедицию от сходства с большим набегом имаму так и не удалось. Стоило горцам завидеть какой-нибудь объект наживы — и вся стратегия военачальника шла прахом.

Показательно, что единственная победа, одержанная Мансуром над русскими (Пъери), была никак не связана с захватом добычи. Если бы впредь он смог хотя бы на время боя подавить у горцев эту традиционную и приоритетную мотивацию, то, возможно, полководческие задатки имама проявились бы в более яркой и убедительной форме. Но, поскольку ему скорее всего пришлось отказаться от попыток воспитать в своих соратниках принцип «сначала победа — потом дележ трофеев», все без исключения последующие столкновения Мансура с русскими заканчивались поражениями, стоившими горцам дорого, иногда слишком дорого.

Да, победителей не судят за жертвы, принесенные на алтарь великого дела. Но Мансур проиграл. Проиграл на всех полях сражений — политическом, социальном, идейном, психологическом. По большому счету, проиграл Истории, которая была не готова поощрять его идеи, предьявленные в сыром, аморфном виде. Именно благодаря этому кратковременный союз ряда горских обществ с Мансуром объективно обернулся для них трагедией.

И поэтому есть много вопросов по поводу идеалов и целей имама, и не в последнюю очередь — по поводу присвоенного им права безотчетно тратить на это бесчисленное количество человеческих жизней. Его собственный героизм и жертвенность не только не снимают эти вопросы, но и придают им еще более драматический и запутанный характер.

СОДЕРЖАНИЕ

Предуведомление	5
1. «Им бог — свобода, их закон — война»	10
2. Империя и Чечня: факторы несовместимости.....	22
3. Слово праведника к народу	31
4. Гибель отряда Пьери: урок для усвоения.....	41
5. Что делать с победой над русскими?	47
6. Война и политика в стратегии Кавказского наместника.....	62
7. Мансур перед дилеммой без выбора	88
8. Горская знать торгуется с П. С. Потемкиным.....	99
9. Мастер маневра в проигрышной позиции.....	112
10. У истоков губернизации Кавказа	131
11. Черкесский дебют имама: катастрофа вместо триумфа.....	147
12. Первая анапская экспедиция (1788 год): разведка боем.....	168
13. Русско-турецкая война и северокавказские проблемы	180
14. Вторая анапская экспедиция (1790 год): трагический союз недомыслия и невезения.....	195
15. Не числом, а умением. Поражение армии Батал-паши.....	207
16. Третья анапская экспедиция (1791 год): победа, рожденная подвигом и удачей	220
17. Странное послевкусие Ясского мира	235
Вождь, который явился слишком рано: вместо заключения.....	245

Владимир Дегоев

**Непостижимая Чечня:
Шейх-Мансур и его время
(XVIII век)**

SELECTA

**серия гуманитарных исследований
под редакцией М. А. Колерова**

В оформлении книги использованы
фрагмент картины И. Н. Занковского «Горцы»
и фотография кинжала середины XX века чеченского мастера
из селения Старые Атаги

Издатель Модест Колеров
Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Серия SELECTA
под редакцией *М. А. Колерова*

Подписано в печать 24.07.2013. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «МТК press».
Ярославль, ул. Промышленная, дом 1, стр. 5.